Европейская литература XIV-XVIII вв.

ВОЗРОЖДЕНИЕ И БАРОККО: ПОРТУГАЛИЯ

Луши Камоэнс

ЛУЗИАДЫ

Annotation

В поэме "Лузиады" - литературном памятнике мирового значения - Камоэнс создал истинный эпос Ренессанса. Это произведение было задумано как национальная героическая поэма в духе "Одиссеи", которая прославила бы португальцев - потомков легендарного Луза, лузитан (как называли их римляне). "Лузиада" повествует о морском походе одного из "великих капитанов той эпохи, Васко да Гамы, проложившего путь в Ост-Индию вокруг южных берегов Африки, и о первом проникновении португальцев в эту страну.

- де Камоэнс Луиш
  - ПЕСНЬ ПЕРВАЯ
  - ПЕСНЬ ВТОРАЯ
  - ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ
  - ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ
  - ПЕСНЬ ПЯТАЯ
  - ПЕСНЬ ШЕСТАЯ
  - ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ
  - ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ
  - ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ
  - ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

де Камоэнс Луиш
Лузиады
Поэма

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

1

Оружие и рыцарей отважных,
Что, рассекая волны океана,
Отринув жизни суетной соблазны,
Проплыли морем дальше Тапробаны.
Цвет нации великой и бесстрашной,
Что средь племен неведомых и странных
Могучую державу основала
И тем себе бессмертие снискала,

2

И королей, достойных вечной славы,
Сражавшихся за истинную веру,
Отстаивавших честь родной державы,
Расширивших империи пределы,
Героями считавшихся по праву,
Явивших миру мужества примеры,
Я воспою, коль хватит мне уменья
И музы мне дадут благословенье.

3

Забудет мир великие деянья
Ахейцев и героев Илиона,
Забудет Александра и Траяна,
Забудет поступь римских легионов,
Когда начну о Гаме я сказанье,
Родное племя славя неуклонно.
Померкнут песнопенья древней музы

Пред подвигом святым дружины Луза.

4

О нимфы Тежу, нимфы древних вод,
Мой робкий глас на подвиг укрепите,
Чтоб я воспел любимый мной народ,
Меня водою Тежу напоите.
Пусть Феб к мольбам горячим снизойдет,
И вы его, о девы, упросите,
Чтоб он благословил мой труд смиренный
И сделал Тежу новой Иппокреной.

5

И дайте слог мне пламенный и звучный,
Чтоб стих звенел не как свирель лесная
Чтоб с подвигами был он неразлучен,
Как трубный глас, ко всем сердцам взывая.
Пусть, не в пример сказаниям докучным,
Прошедших дней деянья воскрешая,
Он донесет до всех концов вселенной
Сиянье славы вечной и нетленной.

6

И вы, мой государь, отчизны гордость,
Спаситель христианства от неверных,
Вы, с маврами в борьбе явивший твердость,
Границ родной земли защитник верный,
В нас Бог вселил уверенность и бодрость,
Послав нам вас, герой благословенный,
Чтоб вы ему всей жизнью отплатили
И в мире христианство утвердили.

7

Вы, юный отпрыск доблестной породы,
Возлюбленное детище Христово,
Из всех монархов западных народов
Обласканный им более другого.
Победу он нам дал в былые годы,
О чем наш герб напоминает снова:
Господни раны путь нам озарили
И племя Луза славою покрыли.

8

Вы, властелин империи огромной,
Чью землю солнце первой освещает
И, небо ночи уступая темной,
Привет последний ей же посылает,
Вы, Родины радетель неуемный,
Чье имя трепет варварам внушает,
Вы, кто давно прослыл грозой неверных
И туркам страх внушил неимоверный,

9

Явите милость к моему созданью,
К стихам бесчисленным свой взор склоните,
Внемлите звукам сладостных преданий,
С высот величья к смертным снизойдите
И в повести о доблестных деяньях
Любовь к сынам отечества узрите;
Любовь к отечеству меня томила
И звуки этих песен вдохновила.

10

Моя любовь не требует награды,
Как родина моя, она бессмертна.
Гнездо родное было мне усладой,
И я его пою как отпрыск верный.
Внемлите пенью моему с отрадой,
Я славлю подвиг предков незабвенный,
И что милей - моей скажите лире
Владеть таким народом иль всем миром?

11

Мне ни к чему тревожить ум заботой
И вымыслам бесплодным предаваться.
Историей великого народа
Я целый мир заставлю упиваться.
И долго славе наших мореходов
Над миром изумленным раздаваться.
Мы превзошли Руджеро и Роланда,
Пред нами меркнет доблесть Родоманта.

12

Один бесстрашный Нуну стоит многих,
Затмит любых героев Фуаш смелый,
Когда 6 Гомера воскресили боги,
Его б кифара Эгаша воспела.
Воспела бы героев темнооких,
Двенадцать португальских кавалеров.
А славный Гама, мореход и воин,
Энеев щит наследовать достоин.

13

Был Цезарем для нас Афонсу Первый,
Державе основанье положивший,

В жестокой битве с полчищем неверных
Свободу Португалии добывший.
Нам Бог дарил властителей примерных,
Себя бессмертной славою покрывших,
Как наш король Жуан непобедимый,
Что в трудный час край отстоял любимый.

14

Я не могу не вспомнить об отважных,
Державших путь к сокровищам Востока,
Ваш стяг вознесших дерзко и бесстрашно
Над Индии просторами далекой.
Льет Тежу слезы об Алмейдах властных,
О грозном Каштру, Албукерке строгом.
Скорбит отчизна о героях милых,
Пред кем и смерть в бессилье отступила.

15

Мой государь, героев воспевая,
Деяний ваших я не смел касаться,
Я вам достойным предков быть желаю,
Чтоб с новой силой гимн мой мог раздаться.
Уже весь мир от края и до края
Победам вашим начал изумляться.
И Африка, и города Востока
Внимают вам в волнении глубоком.

16

На вас со страхом устремляет взоры
Лукавый мавр, погибель предвкушая.
В приданое безбрежные просторы
Готовит вам Фетида всеблагая.

Она по морю сеет волн узоры,
В лазурный край вас нежно завлекая,
Надеясь с вами ныне обручиться
И с Лузовым потомством породниться.

17

Великих дедов славу принимая,
Вы две души в себе соединили.
И набожность в вас видится святая,
И ратные вас подвиги пленили.
И ждет народ, с любовью уповая,
Чтоб предков труд вы с честью возродили,
Чтоб, гордый путь пройдя, изведав славу,
В раю вы место заняли по праву.

18

Пока я пел о подвигах былого
И славил предков дерзкие деянья,
Подняли парус аргонавты снова,
И должен я начать свое сказанье.
Их встретил бурей океан суровый,
Суливший им и радость и страданья.
Теперь я с вами, государь, прощаюсь
И к повести о Гаме обращаюсь.

19

Герои вышли в океан открытый
И бороздят валов мятежных гривы.
Корабль летит и, пеною омытый,
Взрывает гладь жемчужную заливов.
И белый парус, ветрами обвитый,
Над океаном реет горделиво.

И прочь несутся, в страхе цепенея,
Стада детей бесчисленных Протея.

20

А в вышине Олимпа, в блеске звездном
Совет богов великий созывался,
Чтя слово громовержца непреложно,
Ко всем богам Меркурий обращался.
И каждый пред отцом явиться грозным
В почтении великом обещался.
По Млечному Пути чредою дружной
Спускались боги на Олимп послушно.

21

С Седьмого Неба дружным хороводом
Семейство небожителей спускалось,
Им власть над непокорною природой
От Разума Небесного досталась.
Им покорялись страны и народы,
Их волей море бурное смирялось.
Им знойный юг земли повиновался,
И север им суровый подчинялся.

22

На звездном троне, властный, величавый,
В сиянии роскошных облачений,
Исполненный достоинства и славы,
Весь в молниях вулкановых свеченья,
Сидел отец Юпитер седоглавый,
Божественный во всех своих движеньях.
При скипетре, в короне драгоценной

Он на престоле восседал степенно.

23

На золотом украшенных сиденьях,
Как Разум и Обычай повелели,
Держась родства святых установлений,
Олимпа обитатели воссели.
Близ трона разместили самых древних,
А в отдаленье младшие сидели.
Ко всем, кто на совет богов явился,
Торжественно Юпитер обратился:

24

"Бессмертные! С высот небес лазурных
Взгляните на отчаянных героев,
Что гордо по волнам несутся бурным,
В дерзаниях не ведая покоя,
И позабыть заставят мир подлунный
Великих римлян время золотое,
Деянья ассирийцев, персов, греков
Затмят они отныне и навеки.

25

Вы видели, что этому народу,
Что мал числом, хотя велик душою,
Пришлось в боях отстаивать свободу
И сбросить мавров иго вековое.
Пришлось преодолеть судьбы невзгоды,
С Кастилией сражаясь молодою.
В сраженьях Португалия рождалась
И славою сынов своих держалась.

26

Не стану прах героев я тревожить,
Что с Вириату храбрым в бой ходили,
Смогли когорты римлян уничтожить
И Родины свободу утвердили.
Потом, чтоб славу предков приумножить,
Сертория вождем провозгласили.
И с ним атаки римлян отражали
И Родину достойно защищали.

27

А в наши дни, скользя в ладьях проворных
По лону волн капризных и коварных,
Игру ветров изведав непокорных,
Познав и южный зной, и хлад полярный,
Они в тот край стремят свой путь упорно,
Где солнца луч рождается янтарный,
Они плывут к своей заветной цели,
Чтоб день узреть в рассветной колыбели.

28

Всесильный Рок когда-то обещал им
(А Рока непреложно обещанье),
Что во владенье воинам бывалым
Отдаст страну их давнего мечтанья,
Тот край, где мир рассвет встречает алый,
Там кончатся их долгие скитанья.
Они всю зиму плыли беспрестанно.
Пора увидеть берег им желанный.

29

Вы знаете: они преодолели
Все беды, что таят морские дали,
Прошли сквозь шквалы, бури, рифы, мели,
Неистовство Борея испытали.
И, видя близость их к заветной цели,
Мы дать им краткий отдых пожелали.
Пусть флот усталый оснастят исправно,
Чтоб с новой силой путь продолжить славный".

30

Лишь только смолк отец седой и властный,
Младые боги в ярый спор вступили,
Одни героев защищали страстно,
Другие их на гибель осудили.
Клял Вакх потомков Луза громогласно:
Невольно страх ему они внушили.
Себя считал он Индии владыкой
И опасался славы их великой.

31

Ему давно уж Парки предсказали,
Что с Пиренейских гор придут народы,
Что подчинят себе Востока дали
И покорят морей полдневных воды.
Настанет и для Вакха час печали,
И под родным низейским небосклоном
О нем забудут люди преспокойно,
Найдя ему преемников достойных.

32

Как он скорбел, что в вышину Парнаса
Ему поныне гимна не сложили!

О португальцах доблестных рассказы
Всегда на Вакха ужас наводили.
Ему казалось: от людского глаза
В реку забвенья бег свой устремили
Его победы в Индии, померкнув
Пред славой Луза, гордой и безмерной.

33

Но их взяла Венера под защиту,
Наследниками римлян их считая,
Любя их нрав, отважный и открытый,
Победы их в Танжере вспоминая.
Мечтою к временам полузабытым
Влеклась богиня, с радостью внимая
Их языку - подпорченной латыни,
Будившей память в ней о днях старинных.

34

Открыли Парки радостной Цитере,
Что там, где племя Луза воцарится,
Ей будут фимиам курить без меры
И власть любви великой утвердится.
В слова провидиц не теряя веры,
Два бога не могли договориться.
Жестокий спор они не прекращали
И прочих небожителей смущали.

35

Когда Астрей или Борей гневливый
К земле деревьев кроны пригибают
И в яростном, неистовом порыве
Побеги неокрепшие ломают,

Дрожат листочки бедные пугливо,
От страха горы грозные рыдают.
Такой же шум и средь богов поднялся
И в вышине Олимпа раздавался.

36

Великий Марс, воитель прирожденный,
Пустился с жаром защищать Киприду,
То ль давней страстью снова вдохновленный,
То ль взять желая под свою эгиду
Народ, умом и силой наделенный.
И, преисполнясь за сестру обидой,
Отбросив щит, Марс в полный рост поднялся
И в спор богов стремительно ввязался.

37

Подняв с лица прекрасного забрало,
Сияя лучезарною бронею,
Свой жезл алмазный с силой небывалой
Он в твердь вонзил земную пред собою,
Земля в немом испуге задрожала,
И небо сотряслося голубое.
Так испугался Феб, вблизи сидящий,
Что потускнел венец его блестящий.

38

И Марс изрек: "Властитель наш державный,
Которому покорно все в подлунной,
Спаси народ бестрепетный и славный,
Что путь к востоку пролагает бурно,
И веры не давай наветам явным.
Нельзя, чтоб здесь, вблизи небес лазурных,

Безвинно португальцев бы чернили
И путь бы им коварно преградили.

39

Вакх, одержимый умопомраченьем,
На них проклятье в страхе призывает,
Забыв, что это племя по рожденью
К его родне любимой причисляют.
Дни прежней дружбы он предал забвенью
И Луза ныне помнить не желает.
Но я уверен: гордый Вакх смирится
И снова справедливость воцарится.

40

А ты, властитель мира прирожденный,
Благослови великое дерзанье,
Удел бессильных, разума лишенных,
Вдруг отступать от славных начинаний.
Меркурий, твой глашатай искушенный,
Подвижный, как Зефира колебанье,
Пусть берег долгожданный им укажет,
Где им дорогу в Индию подскажут".

41

Кивком главы Олимпа повелитель
С воителем бесстрашным согласился.
И, взором обведя свою обитель,
С бессмертными он ласково простился.
И как исчез божественный властитель,
Так Млечный Путь сияньем озарился.
Чредой согласной восходили боги,

Спеша вернуться в горние чертоги.

42

Покуда шел богов совет высокий,
На коем лузитан судьбу вершили,
Они уже продвинулись далеко
И к побережью Африки подплыли.
И, обогнув ее с юго-востока,
В пролив близ Мозамбика заходили.
И жгучее их солнце опаляло,
Под знаком Рыб в те дни оно сияло.

43

Так нежно ветры паруса вздымали,
Как будто небо их о том молило,
И воды безмятежны пребывали,
Ничто ни шквал, ни бурю не сулило,
Мыс Прассу лузитане миновали,
И ласковое море им открыло
Цепь островов, неведомых им ране,
Разбросанных в бескрайнем океане.

44

Но Васко, многомудрый капитан,
Обласканный Фортуной прихотливой,
Боясь попасть к безлюдным берегам,
Хотел промчаться мимо торопливо.
И каравелл прекрасных караван
Прочь по волнам стремился горделиво,
Но вдруг помедлил капитан в сомненье
И вскоре изменил свое решенье.

45

Внезапно среди моря появились
Челнов подвижных легкие ветрила
И в сторону пришельцев устремились,
Гонимые неведомою силой,
Тут португальцы вмиг приободрились,
Всех сразу любопытство охватило:
Какие племена здесь обитают,
Каким богам на верность присягают?

46

И вскоре португальцы увидали,
Что паруса у лодок быстроходных,
На диво чужестранцам, состояли
Из листьев пальмы, мастерски сплетенных.
А лодками искусно управляли
Потомки Фаэтоном опаленных
Народов, обожженных при паденье
Возницы, потерпевшего крушенье.

47

Из хлопка разноцветного хламиды
Туземных мореходов украшали,
У некоторых поясом обвиты,
А у других свободно ниспадали.
А третьи были в юбках, ладно сшитых,
Тюрбаны их от солнца защищали.
И доносился из челнов проворных
Призыв трубы, и звучный и задорный.

48

С челнов туземцы знаки подавали,
Прося помедлить мореходов славных,
Те ж паруса поспешно зарифляли,
Их ладя к реям дружно и исправно.
И каравеллы якоря бросали,
Качаясь на волнах легко и плавно,
От раны, нанесенной якорями,
Вздымалось море мощными валами.

49

И вот уже проворно по канатам
На борт туземцы ловкие взобрались
И за столом огромным и богатым
По воле капитана оказались.
И предложил хозяин тороватый,
Чтоб гости дорогие не стеснялись,
К дарам Лиэя дружно припадали
И чаши терпкой влагой наполняли.

50

К наречию арабов прибегая,
Хозяев пира гости расспросили,
Куда влечет фортуна их лихая
И из каких земель они приплыли.
Туземцев любопытство утоляя,
С охотой лузитане объяснили,
Что край их Португалией зовется
И на восток могучий флот несется.

51

"Мы обогнули африканский берег
И близ земель неведомых проплыли,

И путь нам преграждал противный ветер,
Немало мы опасностей вкусили.
Но не страшны нам шквалы, бури, беды,
Мы королю присягу приносили,
А если он отдаст нам приказанье,
Мы в Ахерон войдем без колебанья.

52

По мановенью королевской длани
Мы путь к Востоку пролагаем ныне,
Скитаемся в суровом океане,
Где страшные тюлени жмутся к льдинам.
И просим вас поведать без обмана,
Куда теперь нас привела судьбина,
Чьи острова мы зрим среди морей
И сколько плыть до Индии нам дней".

53

Один из африканцев объяснил:
"Мы здесь осели средь чужих племен,
Они живут во власти темных сил,
Неведом им ни Разум, ни Закон.
Нам отпрыск Авраама возвестил
Начало новых и благих времен.
(В брак иудейка с варваром вступила
И миру Магомета подарила.)

54

Мы здесь свою торговлю основали.
Здесь исстари встречаются дороги
Из Килоа, и из Момбасских далей,
И из Софалы - кладезя Востока.

Мы варваров свирепых обуздали,
С них взяв приязни веские залоги,
На острове обосновались диком,
А остров наш зовется Мозамбиком.

55

Ища Гидаспа дальнего теченье,
Немало бед в пути вы претерпели,
Мы кормчего дадим вам в услуженье,
Он приведет ваш флот к заветной цели.
И после долгих бурь отдохновенье
Мы предложить вам искренне хотели.
Наш повелитель примет вас с охотой
И вам вручит все нужное для флота".

56

Гость кончил речь, и сразу распрощались
Арабы с достославным капитаном.
Был поздний час: светила поменялись,
Феб лик хрустальный прятал в океане.
К нему и волны робкие ласкались,
А свод небесный он отдал Диане.
Пока же Феб вкушал отдохновенье,
Домой поплыли мавры в нетерпенье.

57

Ко сну потомки Луза отходили
В спокойном и веселом настроенье,
Ликуя, что в чужих морях открыли
Желанную страну отдохновенья.
Но все ж на память многим приходили
Неверных разговор и поведенье,

И долго лузитане удивлялись,
Что всюду исламиты им встречались.

58

А светлые лучи луны далекой
Гладь океана нежно серебрили,
И звезд гирлянды небосвод высокий,
Как маргаритки поле, оживили.
И не было в тот час ветров жестоких,
Они в своих пещерах опочили.
Лишь часовые на посту стояли
И спящих неусыпно охраняли.

59

Но только розоперстая Аврора,
Свои в ласа небрежно распустив,
По небу пронеслась с младым задором,
Гипериону путь освободив,
Проснулись океанские просторы,
И моряки, к работе приступив,
На славу всю армаду разубрали,
Поскольку в гости мавров ожидали.

60

Правитель островов, томясь тревогой,
Боялся, что привел попутный ветер
К его брегам кочевников жестоких,
Не знавших пораженья в целом свете.
Он знал, что Константин в краю далеком
Оставил туркам свой престол заветный,
И устремился по рассветным водам

Он в гости к незнакомым мореходам.

61

Достойно капитан высокочтимый
Приветил мавра и его придворных.
Как вечной дружбы знак неоспоримый,
Подарок гостю он вручил проворно.
И угостил цукатом несравнимым,
Бокал наполнил влагой огнетворной.
Пришлось по сердцу мавру угощенье,
И с радостью он принял подношенье.

62

А моряки армады величавой
Обсели снасти, глядя с удивленьем,
Как мавр, отведав сладких яств на славу,
Разглядывал морское снаряженье.
Вдруг с ласковой улыбкой гость лукавый
Спросил, пытаясь тщетно скрыть смущенье,
Не турок ли случайно горделивых
К нему направил ветер прихотливый.

63

И пожелал страницы книг священных
Воочию правитель лицезреть,
Стремясь о мореходах дерзновенных
Сужденье справедливое иметь.
Затем спросил с улыбкой неизменной,
Нельзя ли ради дружбы повелеть,
Чтоб принесли оружье боевое,
Что Луза сыновья везли с собою.

64

Ответил Гама, флотоводец славный,
Чрез толмача к пришельцу обращаясь:
"Я расскажу тебе, мой гость державный,
Во что я верю и за что сражаюсь.
Противно племя турок мне злонравных,
И не для них я по морям скитаюсь.
Я горд, что здесь Европу представляю
И в Индию дорогу пролагаю.

65

И верю я в того, кому подвластно
Все зримое и скрытое от взора,
Кому все в мире дольнем сопричастно,
В того, кто сотворил земли просторы,
Кто грешных нас любил любовью страстной,
Кто предан был мученьям и позору,
Кто смертью смерть попрать с небес спустился,
Чтоб смертный к горним высям приобщился.

66

Я не привез Священное Писанье,
Нам данное от богочеловека,
Мы память о Спасителя деяньях
В душе храним от века и до века,
Не доверяя скудным начертаньям.
Что до оружья, то клянусь навеки:
Как друг узришь ты наше снаряженье,
Чтоб никогда не зреть его в сраженьях".

67

И, повинуясь Гамы повеленьям,
Арабу мореходы показали
Кольчуги, почерневшие в сраженьях,
Мушкеты, ядра, пики и пищали,
Щиты в чеканных дивных украшеньях,
И шпаги из дамасской чистой стали,
И арбалеты, стрелы, протазаны
Все маврам предъявили без обмана.

68

Тут к пушкам мавр приблизился лукавый,
А пушкари - наследники Вулкана
Стояли близ орудий величавых,
В душе над мавром тешась невозбранно.
Не заряжая, даже для забавы,
Орудий по приказу капитана:
Для храбрецов честь небольшая в том,
Чтоб средь овец прослыть свирепым львом.

69

Мавр осмотрел, не выказав волненья,
Все, что любезно гости показали,
Внимал всему он с мрачным озлобленьем,
Но вслух не выражал своей печали.
Он Гаме изъявлял лишь восхищенье,
Решив, что дни отмщенья не настали,
И до поры скрывал свои мечтанья,
Как гордый флот отдаст на растерзанье.

70

И попросил достойный капитан
У властелина кормщиков надежных,

Чтоб к берегам далеких чудных стран
Путь верный обрести и непреложный.
Тот обещал, тая в душе обман,
Всех обольстив учтивостию ложной.
Он, если 6 мог, пред всем честным народом
Казнил бы дерзновенных мореходов.

71

Он распалился злобой непомерной
И сердце горькой истомил обидой,
Узнав, что видит христиан примерных,
Потомка чтущих славного Давида.
Пришельцам другом притворившись верным,
О страшной мести размышлял он скрыто.
Нередко прежний друг, предав былое,
Встречает нас коварством и враждою.

72

Но наконец с почтением притворным
Мавр с храбрым капитаном распростился,
И по волнам Нептуновым проворно
Он к берегу родному устремился.
А там рой многочисленных придворных,
Владыку ожидая, суетился.
Правитель, мучим злобой роковою,
В молчании прошел в свои покои.

73

Меж тем в сиянье звездного престола
Угрюмый Вакх, в раздумья погруженный,
Терзался, очи устремляя долу,
Успехами лузиад угнетенный.

Но вдруг обрел он снова вид веселый,
Узрев, как мавр, коварством распаленный,
Желает смерти доблестных героев.
И рассуждал лукавец сам с собою:

74

"Уже давно сулил мне рок жестокий,
Что ниспошлет он в Индии победы
Питомцам Португалии далекой,
А мой удел - бесславье, плач и беды,
Но мой отец - сам громовержец строгий,
И должен рока я презреть заветы.
Зачем мне ждать, пока судьбина злая
Свершит свой суд, всего меня лишая?

75

Уже хотели боги, чтобы правил
Филиппа сын землею отдаленной,
И Марс повсюду власть ему доставил,
Над Индией простер его знамена.
Но ныне к славе рок слепой направил
Столь малого народа легионы,
Что вряд ли македонец своенравный
Себя сочтет потомку Луза равным.

76

Ловушку португальцам я устрою,
Чтоб им не дать узреть зари востока.
Я замыслы их гордые расстрою
И их надежды обману жестоко.
Склоню к войне я мавров и к разбою,
На горе мореходам темнооким.

И хитростью, коварством и сноровкой
Себе победу завоюю ловко".

77

И, так сказав, на землю Вакх спустился,
До побережья Африки добрался,
Там человеком вмиг оборотился
И к Прассу неприступному помчался.
Там в мудреца араба превратился,
С которым шейх воинственный считался.
Весь Мозамбик питал к нему почтенье.
И к шейху Вакх пришел без промедленья.

78

Приняв обличье истинного друга,
Он мавру сразу возвестил, что знает,
Как отомстить пришельцам по заслугам,
Сказал, что весь Восток их проклинает.
Ему легко поверил мавр в испуге,
Признался, что сгубить гостей желает,
А Вакх твердил, что Индию ограбит
Тот Гама, что покамест дружбу славит.

79

"Пойми, - Вакх говорил, - что христиане
В крови наш остров потопить желают,
И пронеслась молва над океаном,
Что все разграбить здесь они мечтают,
Коварным славословьем и обманом
Невинные сердца нам обольщают,
Чтоб захватить сокровища Востока

И наших жен в полон угнать жестокий".

80

Вакх говорил: "Увидишь, друг любезный,
Что завтра обитатели армады
Сойдут на берег за водою пресной,
И в самый раз устроить им засаду.
Едва заря украсит свод небесный,
Ступай на берег со своим отрядом.
Мы перебьем пришельцев безоружных,
Себя избавив от гостей ненужных.

81

А коль желанье это не свершится,
Мы кормщика гостям дадим незваным,
Который их туда завлечь решится,
Где мы их уничтожим невозбранно.
Пусть в них доверье прочно утвердится,
Чтоб нанести тяжелую им рану.
Тебе, мой властелин, я обещаю:
Мы перебьем презренных негодяев".

82

Как только речь закончил Вакх лукавый,
Мавр тут же заключил его в объятья,
Вознаградил советчика на славу,
А на армаду призывал проклятья,
Сказав, что сгинет в море вод кровавых
Все Лузово потомство без изъятья.
И приказал, чтоб все без промедленья
Готовились к великому сраженью.

83

Мавр кормщика велел к себе доставить
В надежде, что туземец недостойный
Армаду сможет гордую направить
На гибель с неизбежностью спокойной.
И, кормчему сказав, как все обставить,
Чтоб воплотить свой замысел разбойный
И погубить гостей, правитель подлый
Отправился ко сну с улыбкой бодрой.

84

Как только луч рассветный Аполлона
Позолотил вершины гор востока
И, пролетев под бледным небосклоном,
Прервал армады славной сон глубокий,
Надумал Гама, воин искушенный,
Искать воды живительной истоки,
Но, сердцем-вещуном предупрежденный,
Велел он всем идти вооруженным.

85

Он перед тем о кормщике справлялся,
Но мавр, высокомерный и надменный,
Уж боле в выраженьях не стеснялся,
Решив затеять битву непременно.
Но капитан засады опасался,
И повелел он мореходам верным
С оружьем ни на миг не разлучаться
И к новой битве всем приготовляться.

86

Меж тем на берегу уже стояли
Туземцы неприступным, тесным строем,
В руках щиты и дротики держали,
Готовые пришельцев встретить боем,
Отравленными стрелами желали
Они отважных поразить героев,
А многие в засаде укрывались
И славных мореходов дожидались.

87

Древками копий гневно потрясали
Воинственные мавры в озлобленье
И путь к воде щитами преграждали,
Стремясь начать кровавое сраженье.
Но португальцев славных не пугали
Неверных псов насмешки и глумленья.
Покинув шлюпки, гордою когортой
Лузиады на берег ступили твердо.

88

Вот так быков отважный укротитель,
Увидев даму - дум своих царицу,
Бежит к быку, как храбрый покоритель,
Желая в битве обагрить десницу.
И замирает в страхе робкий зритель,
И льется кровь рекой на плащаницу.
А бык ревет, рога к земле склоняет
И с долгим стоном дух свой испускает.

89

И так огонь губительный открыли
По маврам Луза славные потомки.

Тишь берегов вдруг выстрелы пронзили,
И воздух разорвался с шумом громким.
Так мавров португальцы усмирили,
Разбив сердца их в жалкие обломки.
И в страхе мавры с плачем разбегались,
И к праотцам иные отправлялись.

90

Лузиады, упорствуя в сраженье,
Островитян коварных обстреляли,
Подвергли все разгрому и сожженью,
Топтали, убивали, разрушали.
Властитель мавританский с озлобленьем
Смотрел, как португальцы побеждали.
И проклинал советчика лихого,
Весь род его клеймя недобрым словом.

91

В бессильной злобе мавры отбивались
От португальцев кольями, камнями.
Иные в бегство в страхе обращались
И заливались горькими слезами.
Другие в воду толпами бросались,
Бесславно отступив пред смельчаками,
Надеясь вплавь к материку добраться,
От гибельной погони отвязаться.

92

Одни поспешно в лодки погружались,
Другие вплавь пересекали море,
Одни на дно пучины опускались,
Другие плыли вдаль, с волнами споря.

Над маврами герои потешались,
Обманщику-правителю на горе,
Раз мавры клятву дружбы не сдержали,
Их гости по заслугам покарали.

93

Герои возвращались на армаду,
Неся с собой богатые трофеи,
И, вспоминая подлую засаду,
Вовсю бранили мерзостных злодеев,
Меж тем как племя наглых супостатов,
В свирепой кровожадности коснея,
Опять между собой совет держало
И новые ловушки расставляло,

94

Гонца прислал в раскаянье правитель,
Чтоб принести героям извиненья.
Искусно скрыл коварный повелитель,
Что он готовит новое сраженье.
Нашелся кормчий, бурь и вод властитель,
Готовый выйти в путь без промедленья,
Желая лузитанцев обесславить,
В объятья смерти корабли направить.

95

А капитан давно уж собирался
Продолжить путь до Инда светлых далей.
И ветр ему попутным показался,
Суда поспешно паруса подняли.
И вскоре Гама кормщика дождался,
Ему прием учтивый оказали.

И снова по приказу капитана
Флот вышел на просторы океана.

96

И бороздили царство Амфитриты
Судов могучих гордые громады.
Им нежно улыбались нереиды,
Резвились среди волн Протея чада.
А вероломный кормщик деловито
Командовал прекрасною армадой.
Твердил он мореходам неустанно,
Что близок берег Индии желанной.

97

И преуспел хитрец неблагодарный,
Героев обманув своею лестью.
Пел славу берегам он лучезарным,
Об Инде сообщал благие вести,
А сам томился думою коварной
И злобно предвкушал минуту мести.
А Лузово потомство простодушно
Его приказы выполняло дружно.

98

Как грек Синон, что в древнем Илионе
Сумел троянцев храбрых обмануть,
Так кормщик возвестил, что неуклонно
Он к острову благому держит путь.
Там чтут Христа пресветлого законы,
Там мореходы смогут отдохнуть.
И Гама, благочестием известный,

Увидеть остров возжелал чудесный.

99

Знал кормчий, криводушный и лукавый,
Что островом владели исламиты
И встретить битвой жаркой и кровавой
Готовились героев знаменитых.
Армаду - Луза доблестного славу
Надеялся увидеть он разбитой.
Тот остров, Мозамбик превосходящий,
Был Килоа, купцов к себе манящий.

100

И мавр к нему направил каравеллы,
Но тут Цитера долу взор склонила
И поняла: в опасные пределы
Армаду мчит неведомая сила.
Спасти народ любимый захотела
Богиня и мгновенно возбудила
Могучий ветр, что не позволил флоту
Пришвартоваться в килоаских водах.

101

Но новой ложью наглый мавр решился
Прельстить армады славной капитана,
Он объявил, что рядом находился
Средь вод лазурных моря-океана
Другой приют, где тоже утвердился
Господний крест, и в том краю желанном,
Сказал он, христиане обретались
И с маврами спокойно уживались.

102

Но знал коварный мавр, что мусульмане
Тот остров злополучный населяли
И с сотворенья мира христиане
Забытый Богом край не посещали.
Но капитан не ведал об обмане,
И в гавань каравеллы поспешали,
Но тут Венера белые ветрила
От берегов опасных отвратила.

103

А остров тот от суши отделялся
Проливом небольшим и неглубоким,
На фоне моря город выделялся,
Маня к себе пришельцев темнооких.
И строй высоких зданий поднимался,
Пленяя взгляды красотою строгой.
Момбасой этот остров назывался
И шейхом престарелым управлялся.

104

И только кормщик, исламит презренный,
Подвел к Момбасе Луза каравеллы,
Как им навстречу дружно и мгновенно
Ладьи туземцев поспешили смело.
Ведь хитрый Вакх, по злобе неизменной,
Уж посетил Момбасские пределы,
И снова дряхлым мавром притворился,
И с королем легко договорился.

105

Как часто нас с радушием встречают,
С улыбкой тайный яд в душе скрывая.
Приветы нам и ласки расточают,
Скорейшей смерти нас предать желая.
О, жизнь, что вечно смертных устрашает!
О, мир, где все вершит судьба слепая,
Где человек не верит обещаньям
И нет надежды пережить страданья!

106

На море бури, смерти злой угрозы,
На суше войны, страхи и мученья.
И всюду ложь, стенания и слезы,
Уставших душ метанье и смятенье.
Где ж смертного ждут сладостные грезы,
Где ж ослабевший дух найдет спасенье?
Как не разгневать небо голубое
Над крохотной и трепетной Землею?

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

1

А в этот час прекрасная планета,
Что бег времен извечно измеряет,
Уже лишала мир подлунный света,
И было видно, как ее встречает
Бог ночи, как с любовью шлет приветы
И тайный вход ей в море отворяет.
Уже на рейде корабли стояли,
Когда на лодке мавры к ним пристали.

2

Посланец главный смог сокрыть умело
Обман жестокий и сказал лукаво:
"О капитан! Ты покоряешь смело
Нептуна необъятную державу,
Уже давно земли моей пределов
Достигла весть о португальской славе,
И наш правитель будет рад душевно,
Коль вы прервете путь свой многодневный.

3

Тебя он жаждет расспросить о многом.
Он передал, чтоб ты не опасался
К нам в гавань дружбы проложить дорогу
И с кораблями там обосновался.
Он знает: ты проделал путь далекий
И от судьбы ударов отбивался.
Тебе властитель помощь предлагает

И отдых долгожданный обещает.

4

А коли ищешь яхонтов и злата,
Целебных трав и специй драгоценных,
Отсюда увезешь запас богатый
Рубинов алых, перлов несравненных.
И урожай, рукою щедрой снятый,
Вам принесет наш край благословенный.
Гвоздику и корицу вам предложим
И тем богатства ваши приумножим".

5

Тотчас ответил капитан отважный,
Что ценит он правителя заботы,
Но в час ночной плыть к гавани опасно
Для славного, испытанного флота.
Едва с небес спадет покров прекрасный,
Что ночь заткала звездной позолотой,
Немедля в путь армада снарядится
И к берегам Момбасы устремится.

6

Он расспросил, взаправду ль христиане
В Момбасе изобильной обитали.
"Христовых чад, - сказали мусульмане,
Извечно мы, как братьев, почитали".
Столь мерзкому и наглому обману
С доверием лузиады внимали.
А капитан сомнений всех лишился
И на слова неверных положился.

7

Среди армады славной мореходов
Имелась горстка бывших заключенных.
На путь порока встав в младые годы
И закоснев в деяньях беззаконных,
Они тюрьму сменили на свободу,
Чтоб в путь к брегам пуститься отдаленным.
Из них избрав двух молодцов сметливых,
Послал их в город Гама торопливо.

8

Подарки он правителю отправил,
Желая с ним упрочить отношенья,
И цель перед посланцами поставил
Увидеть христиан без промедленья.
И от армады легкий челн отчалил
И в порт поплыл без тени спасенья.
Посланцев встретив с радостью притворной,
Их мавры к королю ввели проворно.

9

Представив королю друзей-посланцев,
Им град любезно мавры показали,
Искусно скрыв от зорких чужестранцев
Все то, что те увидеть бы желали.
Коварно обманули лузитанцев,
Им похвалы усердно расточали
И быстро их к себе расположили,
А злобу до поры в груди сокрыли.

10

А вечно юный бог, что дважды миру
Явил свое чудесное рожденье,
Изменчивый, как ветер легкокрылый,
Спешил ввести пришельцев в заблужденье:
Молитв знакомых звук, издавна милый,
Донесся к ним из ближнего строенья,
Войдя в него, друзья алтарь узрели,
Пред коим преклониться захотели.

11

Над ним пречистой девы образ милый
Вознесся, словно Феникс возрожденный.
Над девой реял голубь белокрылый
В нем Дух Святой сиял запечатленный,
Двенадцать слуг Христовых стройной силой
Со стен взирали воинством сплоченным.
А Вакх, приняв священника обличье,
Усердно славил божие величье.

12

Два друга-португальца обратили
Свою молитву к истинному Богу,
Колени перед Господом склонили,
Пройдя сквозь бури к вечному порогу,
Прилежно в храме ладан воскурили,
И был наказан Вакх по воле рока.
Пред Господом пришлось ему склониться,
У алтаря с усердием молиться.

13

Введенные коварно в заблужденье,
Два друга вечер провели в молитвах,

Они к творцу взывали с умиленьем,
Забыв на время о грядущих битвах.
Но лишь жена Тифона в юном рвенье
Явилась в мир на новую ловитву
И рассветила горизонт лучами,
Ища себе возлюбленных глазами,

14

Опять явились мавры на армаду,
Чтоб заявить, что другом почитает
Героев их властитель, что с отрадой
Король о встрече с ними помышляет,
Что никакие козни и засады
Гостей его земли не ожидают.
А тут еще посланцы рассказали,
Что христиан на острове встречали.

15

Сказали, что в Господнем светлом храме
Свои молитвы к Богу воссылали
И долго восхищенными очами
На пастыря достойного взирали.
Заверили, что сладкими речами
Их горожане славные встречали
И вряд ли стоит верить подозренью
И чувства мавров подвергать сомненью.

16

Услышав это, с радостью глубокой
Приветил мавров капитан отважный,
И мусульман - исчадие порока
На борт армады пригласил бесстрашно.

И приняли гостей своих жестоких
Лузиады, меж тем как битвы страшной
Кровавый час уж мавры предвкушали
И смерти христиан в душе алкали.

17

И к устью каравеллы поспешали,
Чтоб запастись водою питьевою,
А на брегах неверные стояли,
Готовые к предательскому бою.
Дружину Луза перебить желали,
Предав армаду славную разбою.
Чтоб Мозамбика смыть позор кровавый,
Решили мавры бой начать неправый.

18

А дети Луза с якоря снимались
И, радостные кличи издавая,
На верные ветрила полагались,
К реке зловещей резво поспешая.
Но силы вновь небесные вмешались
В судьбу лузиад, и, спасти желая
Народ любимый, с неба Эрицина
Спустилась в океанские пучины.

19

Из пены моря в мир пришла Киприда,
И все моря богине подчинялись,
И стайкой оживленной нереиды
Со всех морей вокруг нее собрались.
Явившись под Венерину эгиду,
С бессмертной девы моря пошептались

И принялись с неугасимым рвеньем
Препятствовать армады продвиженью.

20

И девы моря бурю вдруг подняли,
Играя серебристыми хвостами.
Вокруг армады волны нагнетали,
Взрывая воды мощными пластами.
Нерина с Низой море возмущали,
Ныряя под огромными валами.
А Дото смело ринулась в пучину,
Вздымая океанские глубины.

21

Неслась Венера, оседлав Тритона,
Спеша вернуть любимую армаду.
Тритон пленился дочерью Дионы,
И ноша стала чудищу отрадой.
И, чтя слова Венеры неуклонно,
Промчались нимфы через все преграды,
Свои ряды бесшумно разделили
И каравеллы Гамы окружили.

22

И флагману богиня преградила
Путь к берегам недобрым и опасным.
Цепь нереид глубины возмутила,
Чтоб флот спасти от гибели ужасной.
Толкая корабли с изрядной силой,
О кили грудью опершись прекрасной,
Морские девы флот остановили,

От берегов враждебных удалили.

23

Как летом муравьи спешат в волненье
Себе приют от зимних стуж устроить,
Тяжелый груз влачат в изнеможенье,
Чтоб в черный день себя не беспокоить,
Превосходя самих себя в раденье,
Стремятся бремя тяжкое удвоить,
Так нимфы все усилья приложили
И лузитан от смерти оградили.

24

И вопреки желанью мореходов,
Ветрила вспять от бухты повернулись.
Стремясь покинуть гибельные воды,
Прочь от Момбасы корабли рванулись.
Когда неслась армада на свободу,
Рули в руках у кормчих содрогнулись.
Чуть не столкнувшись с валуном громадным,
На волю флот помчался безоглядно.

25

Тут шум и крик поднялся на армаде,
Такую брань матросы изрыгали,
Что, словно пушек слыша канонаду,
Испуганные мавры задрожали.
Казалось им - пора просить пощады,
И замысел их гости разгадали,
И небо ниспошлет им наказанье,
Достойное их мерзостных деяний.

26

К своим челнам туземцы побежали,
Объяты жалким страхом перед боем,
Одни в пучину бурную ныряли,
Другие в лодки ринулись гурьбою.
Скорей погибнуть в море бы желали,
Навек простившись с жизнью дорогою,
Чем с ходу начинать без промедленья
С дружиной Луза доблестной сраженье.

27

Вот так ликийцы, гневною Латоной
Когда-то превращенные в лягушек,
Лишь только шум услышат над затоном,
Из тины выставляют вмиг макушки.
От берегов толпою полусонной
Торопятся забраться в глубь речушки
И, сбившись в кучу, робкою гурьбою
Теснятся под прозрачною водою.

28

Бесславно враг коварный разбегался,
И, в страхе перед карой неизбежной,
За ним презренный кормщик увязался,
От Гамы ноги унося поспешно.
А капитан отважный опасался,
Что смерть скрывает океан мятежный.
И бросил якорь Гама благородный,
Боясь столкнуться со скалой подводной.

29

Увидев бегство негодяя злого
И мавров торопливое отплытье,
Постиг людскую хитрость Гама снова,
И, вспоминая прошлого событья,
Он к небесам вознес благое слово
И к Богу обратился с челобитьем,
Поняв, что сверхъестественная сила
От гибели армаду защитила.

30

"О, - восклицал он, - день необычайный!
О, небесами явленное чудо!
О, враг коварный, мерзостный и тайный,
О ложь, подстерегающая всюду!
Кто избежал бы кары чрезвычайной,
Преодолел бы испытаний груды,
Когда б само Благое Провиденье
Нам, беззащитным, не дало спасенья?

31

Нам промыслом божественным открылась
Тщета и слабость наших упований.
За нас благая сила заступилась
И нас спасла от страшных истязаний.
Какое лицемерие таилось
Под маскою объятий и лобзаний!
Когда б не небо, было б невозможно
Разоблачить обманщиков безбожных.

32

Молю тебя, Святое Провиденье,
Яви к скитальцам бедным состраданье,

Нам ниспослав чудесное спасенье,
Дозволь увидеть край обетованный,
Дай путникам вкусить отдохновенье,
Прерви на миг столь давние блужданья.
Пусть на восток укажут нам дорогу,
Чтоб мы и там могли прославить Бога".

33

Мольбе смиренной в трепетном волненье
Внимала дщерь прекрасная Дионы.
И вскоре в небывалом нетерпенье
Она помчалась к далям небосклона
И, среди звезд свершая восхожденье,
Радея о любимцах неуклонно,
К шестому небу резво устремилась
И пред Отцом почтительно склонилась.

34

Все негою и прелестью дышало
В движениях Киприды лучезарной.
К богине нежность небо излучало,
Сиял любовью звезд поток янтарный.
Богиня столько страсти заключала
В своих очах, что груды льдов полярных
В единый миг с улыбкой растопила,
А пламень в лед, играя, превратила.

35

И чтоб любви Юпитера добиться
(А он всегда являл Венере милость),
Она пред ним решила появиться
Нагой, как пред Парисом появилась.

О Актеон! Тебе б в нее влюбиться
И жизнь твоя бы, юноша, продлилась,
Когда бы вместо девственной Дианы
К Венере пылкой ты простер бы длани.

36

Как золотые нити, разметались
Ее власа по шее белоснежной.
От страсти груди дивные вздымались,
Амур их теребил рукою нежной,
Вокруг богини чудной разлетались
Огни страстей и пылких и мятежных,
Спина богини белизной сияла
И страстные желанья возбуждала.

37

Тончайшим покрывалом защитила
Венера от нескромных дерзких взглядов
То, что стыдливость робкая сокрыла,
Любви запрятав райскую усладу.
Краса богини нежной всех пленила,
Богов она сражала без пощады.
Вулкан могучий ревностью терзался,
А Марс мечтам любовным предавался.

38

И, с тихой грустью на отца взирая,
Ликуя и скорбя одновременно,
Как дама, что, в огне любви сгорая,
Сменяет плач улыбкою мгновенной
И, ветреного друга осуждая,
Опять к нему спешит самозабвенно,

Богиня, что красой всех затмевала,
Такую речь царю богов сказала:

39

"Родитель мой! Доныне я считала,
Что ты всегда готов меня приветить,
С наивностью я детской полагала,
Что на добро добром ты рад ответить.
Наветам я коварным не внимала,
И вот теперь, увы, должна заметить,
Что от меня ты лик свой отвращаешь,
А милостями Вакха осыпаешь.

40

И что ж? Народ, любимый мной извечно,
Народ, по коем слезы проливаю,
Подвергнут был страданьям бесконечным,
И ныне я у ног твоих рыдаю,
Моля, чтоб ты благословил сердечно
То племя, коим я повелеваю,
Но лучше 6 мне желать ему плохого,
Чтоб ты ему вернул удачу снова.

41

Опять его карает враг жестокий,
А я, увы..." - и слез поток горючих
Прервал слова богини яснookой.
Так на заре роса цветок пахучий
Порой туманит. Нежностью глубокой
Проникся к дочке царь богов могучий
И обратил к ней пламенные взоры,

Не дав ей боле продолжать укоры.

42

Прекрасной дамы скорбные стенанья
Могли бы и у тигра вызвать жалость.
Ей внял Отец с улыбкой обожанья,
И в ясном небе солнце разгулялось,
Юпитер долго расточал лобзанья
Любимой дочке, и уже казалось,
Что громовержец, страстью распаленный,
Вот-вот создаст второго Купидона.

43

Целуя лик печальный и прекрасный
И тщетно осушить пытаясь слезы,
Что омрачили в этот час злосчастный
Ланит богини трепетные розы
(Вот так младенец плачет громогласно,
Презрев седой наставницы угрозы),
Юпитер успокоить дочь стремился
И ей открыть грядущее решился.

44

"О дщерь моя, оставьте этот страх.
Потомкам Луза смерть не угрожает.
В несокрушимых яростных волнах
Великая их слава ожидает.
Утихнет вскоре память о делах
Сынов Эллады, что умы пленяет.
Склонятся изумленные народы
Перед отвагой новых мореходов.

45

Пусть превозмог Улисс велеречивый
Все Калипсо коварной обольщенья,
Пусть Антенор, воитель горделивый,
От Родины скитался в отдаленье,
Пускай проплыл Эней благочестивый
Меж Сциллой и Харибдой без смущенья,
Лишь подвиг португальцев на Востоке
Откроет миру новые дороги.

46

И всюду возводя, себе на славу,
Твердыни, города и укрепленья,
Индийцев гордых покорив державу,
Кичливых турок разгромив в сраженье,
Востоком гордым овладев по праву,
Богов они повергнут в изумленье,
Печась о благе мира неуклонно,
Дадут ему великие законы.

47

Узрите вы, как флота предводитель,
Который ныне ищет Инд далекий,
Вдруг сотрясет Нептунову обитель,
По глади вод промчится шквал глубокий.
О ты! Морей отважный покоритель,
Легко смиривший океан жестокий!
О ты! Народ возвышенный и славный,
Стихии повелитель богоравный!

48

Узрите вы, как Мозамбик злосчастный,
Где битва беспощадная кипела,
В порт превратится шумный и прекрасный,
Благой приют для мореходов смелых.
И воцарится Луз под небом ясным,
Пройдя по морю в дальние пределы,
Немало дани соберет богатой
Приправ, каменьев дорогих и злата.

49

И лоно моря Красного, я знаю,
От черной крови скоро потемнеет.
И дважды Луза сила боевая
Ормуз великий покорить сумеет.
Дружина мавров, ярая и злая,
От стрел своих же быстро поредеет,
Ведь каждый, кто на Луза ополчится,
Погибнет от карающей десницы.

50

Узрите вы, как Диу неприступный,
Что выдержит две яростных осады,
На острове далеком, недоступном
Воздвигнут португальские отряды.
И будет Марс великий неотступно
От зависти терзаться и досады.
И мавр, на Магомета в злобе дикой,
Направит к небу жалобные крики.

51

И Гоа мы увидим покоренье,
И бегство мавров, в битве посрамленных,

И весь Восток пред вами в преклоненье
Застынет, новой верой увлеченный.
Сам победитель в трепетном волненье
К вам припадет, триумфом упоенный,
И варвар разобьет свои кумиры,
И дети Луза мир подарят миру.

52

Узрите, как горсть воинов отважных
Не сдаст неверным стены Кананора.
И каликутской битвы час ужасный
Предстанет скоро перед вашим взором.
И явится Перейра вам прекрасный,
Что кочинские защитит просторы.
Великий духом, дерзновенный воин
Бессмертной славы, как никто, достоин.

53

Мы помним: битв земных ожесточенье
Все ж до морских пучин не доходило,
При Акциуме страшное сраженье
Глубин Левкадских вод не возмутило,
Хотя пред славным Августом в смиренье
Страна Авроры голову склонила
И за разгром Антоний поплатился:
Возлюбленной сладчайшей он лишился.

54

А вы узрите, как взметнется пламя,
Зажженное неистовым народом,
Над океана мощными волнами
И возвестит далеким, мрачным водам

Победу над язычества столпами,
Добытую в боях великим флотом.
Над маврами, над сказочным Востоком,
Над Херсонесом дивным и далеким.

55

Так, дочь моя, деяньями благими,
Что превосходят силы человека,
Свое возносят лузитане имя,
Прославившись от века и до века.
Великий Ганг склонится перед ними,
И Кадикс подивится их успехам.
Премудрый португал пролив откроет,
В былых пустынях города построит".

56

Закончив речь, Отец богов направил
На землю сына Майи, поручая,
Чтоб оный Гаме гавань предоставил,
Где флот стоял бы, мирно отдыхая.
А чтоб сомненья капитан оставил,
Покой душе великой дать желая,
Велел Юпитер, дабы в сновиденье
Увидел Гама край отдохновенья.

57

И вот уже Меркурий быстроногий
Спешит с небес спуститься в юном рвенье
И посохом касается дороги,
Тем посохом, с которым в час забвенья
Низводит смертных он в Аид жестокий,
Не дав им ни минуты промедленья.

И нынче с ним Меркурий в путь пустился
И вскоре близ Малинди очутился.

58

На землю с ним и Фама поспешила,
Стремясь потомков Луза славословить.
В Малинди им хвалу пропеть решила
И им прием достойный подготовить.
К ним быстро все сердца расположила,
Слагая гимны снова им и снова.
Малинди в нетерпенье пребывало
И мореходов в гости ожидало.

59

И вновь Меркурий в путь пустился дальний
И бег свой обратил к Момбасским водам,
Где обретался флот многострадальный
Под чуждым и враждебным небосводом.
Спешил сказать героям он печальным,
Что надо им в час ранний, в час восхода
Покинуть злобных варваров владенья,
Себя доверив воле провиденья.

60

Уж половина ночи миновала,
Далеким светом звезды озаряли
Огромный мир, который тьма объяла,
И мореходы сладкий сон вкушали,
Давно усталость к Гаме подступала,
Ночные дали сон ему внушали.
И он смежил измученные очи,

И вещий глас услышал среди ночи.

61

Воззвал к нему Меркурий легкокрылый
И повелел: "Спасайся, лузитанин.
Оставь сей край, коварный и постылый,
Где смерть тебе грозила неустанно.
Ты видишь: небо ветер усмирило,
Пока недвижны волны океана,
Беги отсель стремглав, без опасенья,
И после бурь вкусишь отдохновенье.

62

А если здесь останешься, несчастный,
То вспомнишь преступленье Диомеда,
Что скармливал коням своим ужасным
Гостей из дальних стран в былые лета.
Придет для вас пора расправы страшной,
И мавры, как Бузириса клевреты,
Близ капищ вас неведомых заколют,
В чужой земле навеки успокоят.

63

Вдоль побережья ты направь армаду
И обретешь край добрый и прекрасный,
Там солнца раскаленная громада
С ночами дни сравняла самовластно.
Король вас примет с лаской и отрадой,
Народ вас встретит дружно и согласно.
Ты кормщика получишь в услуженье.
Спеши в сей край, не ведая сомненья".

64

Закончив речь, окутал сном Меркурий
Усталого скитальца-капитана,
Восстав от сна, сияние в лазури
Тот увидал над далью океана.
Он повелел покинуть царство бури
И устремляться в край обетованный,
И паруса подняли каравеллы,
Бег направляя в дальние пределы.

65

"Пусть ветер паруса нам наполняет,
Сказал мне вещий голос среди ночи,
Что небо нам удачу обещает.
Посланца Бога видел я воочью.
Нам солнца луч дорогу освещает,
И боле я отплытье не отсрочу",
Рек Гама, а матросы без печали
На борт, натужась, якоря подняли.

66

Пока герои якоря тягали,
Момбасцы, прячась в утреннем тумане,
Швартовы им по злобе надрезали,
К армаде подобравшись невозбранно.
Но дети Луза быстро распознали
Коварство исламитов окаянных
И налегли на весла всей гурьбою,
Момбасский брег оставив за собою.

67

И каравеллы острыми носами
Легко взрезали серебро бурунов,
И вольный ветер, вея над волнами,
Влек корабли к окраинам подлунной.
И, поминая горькими словами
Тот край, где настрадались накануне,
Лузиады с восторгом умиленья
Святое восхваляли провиденье.

68

Уже заря разъяла мрак кромешный,
На кораблях матросы пробуждались,
Когда над морем, тихим и безбрежным,
Два паруса в тумане показались.
То мавры-мореходы безмятежно
Прохладой на рассвете наслаждались.
Одна ладья, из страха перед флотом,
Направилась стремглав к прибрежным водам.

69

Ладья другая, не сумев сокрыться,
К героям-лузитанам в плен попала.
Но к мести те не думали стремиться,
Жестокость Марса Гаму не прельщала.
И яростью Вулкановой хвалиться
Нимало племя Луза не желало,
Тем более что мавры трепетали
И о пощаде робко умоляли.

70

К ним Гама обратился с упованьем,
Что кормщика средь мавров можно встретить,

Но те хранили полное молчанье,
Не в силах путь для кораблей наметить.
Об Индии не знали несказанной
И на вопросы не могли ответить.
Но сообщили, что в Малинди явно
Найдется Гаме кормщик достославный.

71

О короле Малинди толковали
Все мавры с неподдельным восхищеньем.
В нем искренность и честность почитали,
Его превозносили с умиленьем.
Благие речи Гаму убеждали,
Ведь и Меркурий в вещем сновиденье
Ему Малинди короля восславил.
К Малинди Гама корабли направил.

72

В те дни вступала Феба колесница
В созвездье похитителя Европы,
И юной Флоры легкие плесницы
Топтали зеленеющие тропы.
Рог щедрой Амалфеи чаровница
Явила миру с радостью особой.
Творец земле с любовью улыбался
И прелестью земною восхищался.

73

Малинди брег герои увидали
В день светлого Господня воскресенья.
В честь праздника армаду разубрали,
Развесили флажки и украшенья.

Матросы в бубны весело играли,
Взвевалось знамя ветра дуновеньем.
И дробью заливались барабаны
В честь приближенья к берегам желанным.

74

А там на берегу уже стояли
Малинди обитатели толпою.
Красавицу армаду поджидали,
О ней вели беседы меж собою.
Их жесты благородства источали,
И, наконец обласканны судьбою,
Туземца, что в Момбасе задержали,
Лузиады на берег отослали.

75

Король, осведомленный от придворных
О португальцев славе и величье,
Об их стремленье к Индии упорном,
Об их делах, привычках и обличье,
Послал навстречу вестников проворных,
Чтоб попросить, как требовал обычай,
Сойти на брег героев чужестранных
И предложить им отдых долгожданный.

76

В знак честной дружбы, не кривя душою,
Велел король дары земли направить
Тем, кто моря оставил за собою
И всюду край родной сумел восславить.
Баранов тонкорунных слал героям,
Им кур отборных приказал доставить.

Но было всех дороже подношений
Скитальцам короля благоволенье.

77

И капитан с учтивостью отменной
Посланцев короля Малинди встретил
И королю подарок драгоценный
Немедленно и с радостью наметил:
Коралл ветвистый, алый, несравненный,
Что красотой особой Бог отметил,
Он хрупким остается под водою
И твердость обретает над землею.

78

На берег Гама юношу направил,
Известного искусством красноречья,
Чтоб тот подарок королю доставил
В знак уваженья и чистосердечья,
Просил прощенья в том, что не оставил
Великий флот. И славный велеречьем
Паллады ученик на брег явился
И к королю с почтеньем обратился:

79

"О ты, властитель гордый, величавый,
Которого с высот небес лучистых
Юстиция сама венчала славой,
Тебе дав силу, власть и разум чистый!
Достигли мы брегов твоей державы,
Пройдя путь многодневный и тернистый.
И вот к твоим стопам мы припадаем

И в порт впустить армаду умоляем.

80

Мы не из тех, кто на града и веси
Огонь и меч бесчестно налагает
И, алчностью пороча поднебесье,
Последний хлеб у нищих отбирает,
С открытым сердцем, без татьбы и спеси
Наш флот к востоку путь свой пролагает.
Нас из Европы, несравненной, чудной,
Послал король на подвиг многотрудный.

81

Нас ожидали страшные глумленья,
И вместо вожделенного приюта
Нам варвары готовили мученья,
Стремясь средь нас посеять злую смуту,
Почто на нас обрушили гоненья,
Грозя нам смертью каждую минуту?
Неужто горстки путников боялись
И в западню нас заманить пытались?

82

Но на тебя, король благословенный,
Мы с верой и любовью уповаем,
И, как Улисс, скиталец незабвенный,
Мы Алкиноя обрести желаем.
Привел сюда нас вестник несравненный,
Мы божества веленье исполняем
И знаем: здесь, у берегов желанных,
Мы обретем любовь и состраданье.

83

Не думай, о король высокочтимый,
Что не ступил на брег твоей державы,
Поддавшись страху, Гама наш любимый,
В твою он дружбу верует по праву,
Он выполнял приказ неоспоримый
От государя (честь ему и слава).
Король наш заповедал капитану
Блюсти свою армаду неустанно.

84

А долг вассала - вечное смиренье
Пред королем. Как голова владеет
Малейшим тела нашего движеньем,
Так воля короля над всем довлеет.
Ты сам монарх, и наши опасенья
Твой светлый ум легко уразумеет.
К твоим стопам мы ныне припадаем
И к твоему величию взываем".

85

Так он изрек, и восхищенным хором
Туземцы восхваляли мореходов,
Далеких стран изведавших просторы,
Познавших хлад чужого небосвода.
Все изумленьем исполнялись взоры
При мысли о величии народа,
Который, от отчизны в отдаленье,
Так свято чтил монаршье повеленье.

86

К посланцу дружелюбно обращаясь,
Ему король с улыбкою ответил:
"Я в вашей доброте не сомневаюсь,
И чувств враждебных в вас я не приметил.
Пред подвигом я вашим преклоняюсь
И рад, что на земле своей вас встретил.
Мне мнится, что рассудок омрачился
У тех, кто к вам со злобой относился.

87

Я огорчен, что не пришлось увидеть
Других сынов отважного народа,
Но это не могло меня обидеть,
Понятны капитана мне заботы.
И сам себя я мог возненавидеть,
Когда, моим желаниям в угоду,
На берег бы команда вся вступила
И короля приказ бы позабыла.

88

И завтра поутру, с лучом восхода,
Я сам дорогу проложу к армаде,
Я жажду лицезреть сынов народа,
Что мчатся к цели через все преграды,
Морей полдневных покоряя воды.
Вы с доблестью прошли сквозь муки ада.
Я вам пришлю для будущих свершений
И кормщика, и снедь, и снаряженье".

89

Он кончил речь, когда свой лик лучистый
Сокрыл в пучине светлый сын Латоны,

И вестник Гамы, юноша речистый,
К армаде устремился отдаленной.
И вот в ночи, над гладью моря чистой,
Лузиады, народ неугомонный,
Отпраздновали в сладком упоенье
К брегам гостеприимным приближенье.

90

И в час ночной все небо озарилось
Шутих веселых яркими лучами,
У пушек пушкари засуетились,
Желая небо устрашить громами.
Казалось, что циклопы в мир явились,
Играя молний светлыми хвостами.
От радости герои ликовали
И в звонкие литавры ударяли.

91

А им с земли, окутанной сияньем,
Туземцы дружелюбно отвечали.
Взирая на армаду с ликованьем,
Они шутихи в небо запускали.
И, вызывая неба содроганье,
Летучий порох в вышине взрывали.
И море и земля в огнях светились,
Друг друга в славе превзойти стремились.

92

Но вновь под опаленным небосводом
Благое утро бег свой начинало.
И мать Мемнона утомленным водам
Свой первый луч с улыбкой ниспослала.

От сна очнулась в радости природа,
Как жемчуг, на цветах роса сияла,
Когда король Малинди в путь пустился
И по волнам к армаде устремился.

93

На берегу туземцы суетились
И в плаванье владыку провожали.
В лучах зари халаты их светились,
Искрясь, шелка тончайшие сияли.
Пугать пришельцев мавры не стремились,
С собою лук и дротики не брали.
Их заменяли ветви пальмы стройной
Венец, величья гордого достойный.

94

В больших ладьях, покрытых балдахином,
Все роскошью восточною дышало,
Вся знать Малинди вкупе с властелином
Красой нарядов сказочных блистала.
Богатство облачений сарацинов
Пришельцев лузитанских восхищало.
Король явился в шелковом тюрбане,
Унизанном огнистыми камнями.

95

Дамасский шелк, струясь волной пурпурной,
Окутал тело короля благого.
Сияла скань плетением ажурным
В узорах ожерелья золотого.
И скатный жемчуг на больших котурнах
Мерцал на темном бархате основы.

И, верный друг царю в утехах ратных,
На поясе кинжал висел булатный.

96

Над королем прислужник раболепный
Держал навес, на ручке укрепленный,
Чтоб не страшился царь великолепный
Лучей полудня, злых и раскаленных...
Вдруг слух героев звук пронзил вертепный,
Томительный, визгливый, напряженный.
То трубы мавританские играли
И этот звук ужасный издавали.

97

А лузитане в лодку погрузились
И, щеголяя ярким облаченьем,
Навстречу властелину устремились,
Принять его желая с уваженьем.
И платью Гамы мавры подивились,
Узрев красу французского творенья,
Которое атлас венецианский
Соединило с модою испанской.

98

В штанах, расшитых нитью золотою,
Достойный Гама в этот день явился.
А на камзоле модного покроя,
Блестя под солнцем, позумент искрился,
На шляпе лузитанского героя
Плюмаж из мягких перьев укрепился.
Как царь, в наряд багряный облаченный,

Был капитан при шпаге позлащенной.

99

Пурпурный цвет одежды капитана
Заметно выделял его средь свиты,
Хотя и в ней красою несказанной
Блистали платья воев именитых.
Смесь красок, блеск нарядов златотканых
Казалися эмалью глянцевитой.
И мнилось, что Ирида мир объяла
И радуга над морем засияла.

100

Веселым пеньем трубы ободряли
Усталых португальских мореходов.
Их челн ладьи туземцев окружали,
Навесов пестротой украсив воды.
С армады королю салютовали,
Дым залпов высь окутал небосвода.
Так долго пушки громкие палили,
Что мавры слух ладонями закрыли.

101

На борт вступивши лодки капитанской,
Властитель Гаму заключил в объятья,
К героям обратившись лузитанским,
Он всех равно приветил без изъятья,
Слова, что рек властитель мавританский,
Его привычки, мысли и понятья
Пленили Луза гордую дружину,
Забывшую тревоги и кручину.

102

Он выразил немедленно героям
Глубокое, безмерное почтенье.
Пообещал властитель всеблагой им
Прислать для флота снедь и снаряженье.
Сказал, что был предупрежден молвою
О доблестной армады приближенье
И слышал, как скитальцев невиновных
Ждал исламитов заговор греховный.

103

Вся Африка в смятенье пребывала,
Узнав, что в царстве Гесперид прекрасных
Победу войско лузитан стяжало
И посрамило недругов ужасных.
Молва дела героев воспевала,
Пред королем их славя громогласно,
И, как король заслуживал почтенный,
Ему ответил Гама откровенно:

104

"О, ты, властитель мудрый, благосклонный
К страданьям лузитанских мореходов!
Валы морские, шквал неугомонный
Терзали нас в чужих, враждебных водах.
Пускай же провиденье неуклонно
Хранит страну столь славного народа.
Поскольку сами мы не в состоянье
Тебе воздать за все благодеянья.

105

Из всех, дневным светилом опаленных,
Лишь ты один с любовью нас встречаешь,
И от детей Эола разъяренных
Приют нам долгожданный предлагаешь.
Как верно то, что, солнцем осененный,
Страной ты благодатной управляешь.
Так знай, что там, где быть мне доведется,
Хвалебный гимн от нас тебе споется".

106

Ладьи поспешно к флоту устремились
И много раз проплыли вдоль армады.
Все рассмотреть туземцы умудрились,
Узрев воочью кораблей громады.
А к небесам огни салюта взвились,
И с радостью великой и отрадой
Потомки Луза в трубы заиграли,
А мавры им задорно отвечали.

107

Король застыл в безмолвном удивленье,
Заслышав звуки мощной канонады.
Так дружным залпом с небывалым рвеньем
Ему салютовали Луза чада.
Все осмотрел властитель с увлеченьем
И повелел, чтоб здесь же, близ армады,
Ладьи бросали якорь, чтоб спокойно
Вести беседу, с Гамою достойным.

108

Все было интересно властелину:
И моря бесконечная громада,

И нравы стран, неведомых доныне,
И путь к Востоку доблестной армады,
О битвах дней далеких и старинных,
О воинах, что через все преграды
К победе мчались в яром нетерпенье,
Расспрашивал властитель с увлеченьем.

109

"Но прежде, капитан высокочтимый,
Потребовал властитель благородный,
Нам климат опиши страны любимой,
Богатство красоты ее природной,
Создателей державы нерушимой,
Что край родимый сделали свободным,
Событий войн давнишних я не знаю,
Но всей душой узнать о них желаю.

110

Ты много повидал в своих скитаньях
Вдоль побережья Африки бескрайной.
Поведай нам о тайнах мирозданья,
О племенах чужих, необычайных.
Уже стремится в радужном сиянье
Феб в колеснице путь продолжить дальний.
Пред ним Аврора молча отступила,
Стих ветер, море волны усмирило.

111

Но времени теченью неподвластно
Мое желанье твой рассказ услышать
О португальцах дерзких и отважных,
Для коих честь земных соблазнов выше.

И не настолько солнца лик прекрасный
От нас далек, чтоб, твой рассказ заслышав,
Мы грубость дикарей бы проявили
И славные дела б не оценили.

112

Мы знаем, что гиганты колебали
Олимпа неприступные вершины,
А Пирифой с Тезеем устрашали
Аида смертоносные глубины.
Но вы не меньше мужества являли,
В скорлупках легких рея над пучиной.
Герои ад и небо покорили,
А вы Нерея буйство укротили.

113

Божественное капище Дианы,
Искусного ваятеля творенье,
Гонясь за славы призраком желанным,
Безумец Герострат предал сожженью.
Раз он, мечтой преступной обуянный,
Бессмертие снискал, а не забвенье,
То имена скитальцев беспокойных
Великой, вечной памяти достойны".

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

1

О Каллиопа! Я к тебе взываю,
Чтоб ты мой слабый голос укрепила.
К твоим стопам с мольбою припадаю,
Чтоб славу Гамы миру ты явила.
Создатель врачевания, я знаю,
Которому ты сына подарила,
Хоть нимфами подчас и увлекался,
В душе тебе одной лишь поклонялся.

2

О, помоги, тебя я заклинаю,
Народ родной земли восславить миру,
Пусть Аганиппы влага огневая,
Вливаясь в Тежу, мне омоет лиру.
Покинь вершины Пинда, всеблагая,
И Феба, несравненного кумира,
Сведи к моим брегам без спасенья,
Что я Орфея превзойду уменьем.

3

Все слух к словам героя преклонили,
А он стоял, потупившись в смущенье.
Когда ж его сомненья отпустили,
Подняв чело, он произнес с волненьем:
"Коль вы, мои друзья, здесь изъявили
Желание узнать без промедленья
Историю страны моей, признаюсь,

Что сей рассказ начать я не решаюсь.

4

Когда б народа чуждого деянья
Пришлось мне восхвалять, я б не смущался,
Но о стране родной повествованье
Из скромности начать я опасался.
Ведь отблеск славы предков несказанной
На мне самом невольно б отражался.
Но, выполняя волю властелина,
Начну свое сказание я ныне.

5

Откуда силу взять, чтоб в полной мере
О подвигах былого рассказать?
Моим словам не откажите в вере,
А я хочу вам снова обещать,
Что искренне, ничуть не лицемеря,
Не думая к обману прибегать,
Вам опишу просторы я земные
И войн кровавых битвы удалые.

6

Меж областью, которой Рак владеет,
Пути на север солнцу преграждая,
И далями, от коих холод веет,
Лежит Европа, для меня родная.
Вокруг нее простор морской синеет,
Ее ласкают, нежно обнимая,
И океана грозная громада,
И моря Средиземного прохлада.

7

С той стороны, откуда солнце всходит,
С ней Азия в соседстве пребывает.
С Рифейских древних гор река нисходит
И с Азией Европу разделяет.
А с юга море - добрый дар природы
К брегам Европы древней подступает.
О храбрых греках, доблестных троянах
Хранит оно преданья неустанно.

8

У полюса холодного, седого
Гиперборейских гор встают вершины.
Эола с них дыханье удалого
Несется вниз, в окрестные равнины.
Там луч слабеет Феба золотого
И не тревожит мощных льдов глубины.
Под вечным снегом горы изнывают,
Моря и реки подо льдом страдают.

9

Там скопищем несметным обитают
Те скифы, что свое происхожденье
Старейшим в этом мире полагают,
Египта древность ставя под сомненье.
Но заблужденьем ум свой омрачают
(Так слабо человека разуменье).
Лишь поле, где Дамаск стоит богатый,
Одно о первородстве помнит свято.

10

На севере далеком поселилось
Воинственное племя скандинавов,
Которое победами хвалилось
Над римлянами гордыми по праву.
Лапония вблизи расположилась,
За ней норвежцев скудная держава.
Сарматский океан не замерзает
И все пути пред ними открывает.

11

Меж Танаисом и холодным морем
Ливонцы и сарматы проживают,
А рядом, средь неведомых просторов,
Издревле московиты обитают.
Геркинии лесной холмы и горы
Империю германцев защищают,
Вместившую богемцев и саксонцев,
Поляков, маркоманов и паннонцев.

12

Меж Истром и прославленным проливом,
Где Гелла жизнь оставила младую,
Фракийских гор вершины горделиво
Глядят на Марса родину святую.
Но турок недостойный и глумливый
Поработил и Фракию благую
И подчинил, томимый лютой злобой,
Он земли Византии и Родопы.

13

А дале Македонии народы
Вдоль берегов Вардара процветают.

В соседстве с ними мудрою природой
Был создан край, который воспевают
Поэты всех племен уж многи годы
И в восхищенье головы склоняют
Перед Элладой, завещавшей миру
Законов мудрость, красоту и лиру.

14

Далмация простерлась за Элладой,
А в том краю, где славный Антенор
Построил город дивный и богатый,
Венеция красой ласкает взор.
А полуостров весь грядой зубчатой
Вдается в моря южного простор,
Народ его прославлен как воитель
И красоты божественной зиждитель.

15

Его брега, ласкаясь, омывают
Нептуна воды нежными волнами.
А с севера путь ветру преграждают
Вершины Альп, искрясь под облаками.
И Апеннины край пересекают,
Тот край, где Марса властвовало знамя,
А ныне там Спаситель воцарился,
И Петр святой к стопам его склонился.

16

А рядом славной Галлии равнины
Гаронна, Сена, Рейн пересекают
И вспоминают Цезаря дружины,
А с юга край волшебный замыкают

Гор Пиренейских острые вершины,
Что нежной нимфы имя сохраняют.
Пожар те горы охватил когда-то,
Наполнив реки серебром и златом.

17

За далью гор, как голова Европы,
Покоится Испания святая.
Не раз ее бесчисленные тропы
Топтала чужеземцев рать лихая.
Но все лишенья, войны и потопы
Страна преодолела молодая.
Как колесо фортуны ни крутилось,
Испания ему не подчинилась.

18

Ее от мавританских поселений
Лишь волны голубые отделяют,
Которые Геракловым свершеньем
Путь в океан бесстрашно пролагают.
Вдоль берегов заливов несравненных
Различные народы обитают.
И каждый славен доблестью стократ,
Отважен, благороден и богат.

19

Вот таррагонцы, что с лихим задором
Парфенопею-город покоряли;
Наваррцы, что неистовым отпором
Дружины мавританские встречали;
И астурийцы, что свои просторы
От мусульман презренных отстояли;

И славные кастильцы, что сплотили
На правый бой земли великой силы.

20

И там, где волны бег свой начинают,
Где суша обрывается над морем,
Собой Европы голову венчают
Моей страны поля, равнины, горы.
В объятья солнца воды принимают,
А берег красотой ласкает взоры,
Отсюда мавры в бегство обратились
И в Африку навеки возвратились.

21

И в той стране я смерть принять желаю,
Коль небо снизойдет к моим стремленьям,
К ней мысли неустанно обращаю,
И пусть мои окончатся свершенья
Там, где когда-то, радостью сияя,
Друг Вакха Луз резвился в упоенье.
Он имя дал свое стране любимой
И заселил потомством край родимый.

22

И в том краю родился муж отважный,
Пастух, чье имя доблестью звенело.
С великим Римом бился он бесстрашно
И защищал страны родной пределы.
И вскоре небо на земле прекрасной
Дало отчизну лузитанам смелым.
И приказало небо старцу Крону

Блюсти державу эту неуклонно.

23

А было так: король земель испанских,
Альфонсо, с сарацинами сражался.
Теснил отважно воев мавританских
И древний край освободить старался.
Из разных стран героев христианских
К нему бесстрашный легион стекался.
Они опасность гордо презирали
И славою покрыть себя желали.

24

Объятые любовью негасимой
К религии возвышенной и чудной,
Они очаг покинули родимый
И двинулись на подвиг многотрудный.
Чтоб закалить свой дух несокрушимый,
Отвагой щеголяли безрассудно.
Альфонсо, их деяньями гордясь,
Вознаграждал достойных, не скупясь.

25

И Генриху, воинственному сыну
Земли венгерской короля, в награду
Кастилии могучей властелином
Был отдан край - очей моих услада,
Безвестный в ту далекую годину,
А с ним Тереза, юная отрада
Седин отцовских, рыцарю вручалась.
И этим клятва дружбы закреплялась.

26

И в путь пустился властелин державный,
В Святой Земле он доблестно сражался,
Сынов Агари он теснил исправно,
И путь его достойно увенчался.
И сам Господь, наш повелитель славный,
Героя возвеличить постарался:
Такой наследник у него родился,
Которым вечно край родной гордился.

27

Он был рожден в тот год, как возвратился
В Европу граф от стен Ерусалима,
Где к вековым святыням приобщился,
Стремясь к творцу с мольбой неутолимой.
Когда победы Готфрид там добился,
Защитник христиан неодолимый,
Часть рыцарей, что Готфриду служили,
На Родину отправиться решили.

28

Но венгр могучий с жизнию простился,
Закончив путь, начертанный судьбою,
И к вечному престолу устремился,
Господний лик увидев пред собою.
А юный сын заступника лишился.
Несчастья потянулись чередою
Для воина, что нравом и обличьем
Не уронил отцовского величья.

29

Меж тем молва упорно утверждала
(Хоть трудно мне за древний слух ручаться),
Что сына мать земель лишить желала,
Задумав с новым другом обвенчаться.
Она в гордыне лютой восклицала,
Что будет в графстве всем распоряжаться,
Его своею вотчиной считая
И сына-сироту всего лишая.

30

Но принц, который в честь героя-деда
Заслуженно Афонсу прозывался,
Решил презреть судьбы лихой наветы
И с матерью в жестокий спор ввязался.
Марс влек его стремительно к победе,
В душе его жар битвы пробуждался.
Подняв свой стяг воинственно и гордо,
Он с матерью на бой решился твердо.

31

И поле Гимарайнша заалело
Обильной кровью жаркого сраженья.
Родного сына мать сгубить хотела,
Предавшись власти чувственных влечений.
Лишить его владений повелела,
В мечтах лелея только наслажденья.
И, страстию бесстыдной распалясь,
Забыла Бога в этот страшный час.

32

О Прокна! О волшебница Медея!
Вам в варварстве с Терезой не сравняться.

Детей своих безвинных не жалея,
Вы с жизнью их заставили расстаться,
Чтоб отомстить за грех отцов-злодеев;
И даже Сцилла может оправдаться:
Ища любви, отца она убила.
Терезу только алчность погубила.

33

Победа принца лаврами венчала,
Страна, отбросив прежние сомненья,
Властителем тотчас его признала,
Герою обещав повиновенье.
А мать его в оковах изнывала,
Терзалась и рыдала в заточенье.
Но все ж Господь, ревнитель почитанья
Родителей, узрел ее страданья.

34

И отомстил: кастилец своенравный
Обрушился на скудные отряды,
Что выставил Афонсу благонравный,
И их крушил, не ведая пощады.
Бой завязался страшный и неравный,
К победе мчались через все преграды
Потомки Луза, ведь в сей час жестокий
К ним ангелы явились на подмогу.

35

Но враг нагрянул с новыми войсками.
Принц в Гимарайнше мнил найти спасенье,
Но вскоре вместе с верными полками
Был полному подвергнут окруженью.

Но славный Эгаш с горькими слезами,
Презрев опасность, смерть и униженья,
Решил к врагу направиться навстречу,
Чтоб прекратить на время злую сечу.

36

Любя свой край, великий и прекрасный,
Душой не чая обрести победу,
От принца он, на риск идя бесстрашно,
Принес кастильцу верности обеты.
Ему поверил вождь дружин отважных,
И прекратились португальцев беды.
Но юный принц не помышлял смириться
И гордому кастильцу подчиниться.

37

И Эгаш, видя, что проходят сроки,
На кои он ссылался в обещанье,
Кастильца все предчувствуя упреки,
Отважился на новые страданья.
Со всей семьей он двинулся в дорогу,
Спасая честь ценою несказанной.
Он жизнью собирался расплатиться
За то, что клясться всуе смог решиться.

38

И вот с детьми, дрожащими, босыми,
Чей вид взывал не к мести, а к пощаде,
С супругой, вспоминая божье имя,
Готовясь храбро встретить муки ада,
Отправился герой неустрашимый
В Толедо - город славный и богатый,

К властителю Кастильи и Леона,
И речь держал, склонившись перед троном:

39

"Король великий! Искупить желая
Позорный грех неверных обещаний,
Я жизнь тебе покорно предлагаю
Свою и этих праведных созданий.
Но я тебя, властитель, заклинаю:
На мне яви всю тяжесть наказанья.
Я не страшусь во имя правосудья
Себя предать Перилову орудью".

40

Как перед смертью к казни осужденный
Главу на плаху в страхе возлагает,
На палача взирая удрученно,
Его удар безмолвно ожидает,
Так Эгаш пред владыкой возмущенным
Простерся: только жалость побеждает
Обычно гнев; и тут король смягчился,
И Эгашу невольный грех простился.

41

О верность португальского вассала!
С тобой Зопира храбрость не сравнится.
Ты в трудный час над миром просияла,
Тобою может нация гордиться.
Не зря молва упорно утверждала,
Что Дарий пред Зопиром преклонился,
Сказав, что друг, в страданьях закаленный,

Ему милей, чем двадцать Вавилонов.

42

Меж тем Афонсу собирался с силой,
Чтоб бой затеять дерзостный и правый,
Изгнать арабов из отчизны милой,
Стяжать в долинах Тежу честь и славу.
В Орики решено собраться было,
Туда съезжались воины державы,
И сарацинов разгромить желали,
Хотя в числе поганым уступали.

43

На сто арабских воинов кичливых
Один лишь португалец приходился.
Но на дружины мавров нечестивых
Господь, наш повелитель, ополчился.
И наш Афонсу, сын христолюбивый,
Победы над неверными добился,
Хотя любой из нас сей подвиг ратный
Заранее бы счел невероятным.

44

Пять мавританских королей с войсками
На поле брани дерзко устремились,
Спеша сразиться с вечными врагами,
Вождем Измара объявить решились,
И женщины плечом к плечу с мужьями
Принять участье в битве торопились,
Подобно даме юной и прекрасной,
Что возле Трои бой вела бесстрашно.

45

Уже заря, тьму ночи разгоняя,
Лучом прозрачным землю осветила,
Когда Афонсу, к небу обращая
Горящий взор, обрел источник силы.
С распятия на юношу взирая,
Ему явил Спаситель лик свой милый.
И он вскричал: "Раз мой Господь со мной,
С неверными начну я правый бой!"

46

И португальцы, дивом вдохновившись,
Афонсу королем провозгласили,
О чем, пред станом вражеским сплотившись,
Всем воинам достойно объявили.
Знамением Господним восхитившись,
Герои дружно радость изъявили,
Издав могучий клич: "Вперед, вперед,
Пусть наш король к победе нас ведет!"

47

Вот так собака, резвая, большая,
Вступает в трудный бой с быком громадным,
Его рогов искусно избегая,
Наносит раны туше необъятной.
То в уши, то в бока его кусая,
К погибели влечет его нещадно
И глотку наконец перегрызает,
И бык огромный в муках погибает.

48

Так наш король в счастливом упоенье,
И небом и народом вдохновленный,
Желал начать кровавое сраженье,
В своих надеждах Богом укрепленный.
Средь псов поганых началось движенье,
За лук схватился воин разъяренный.
Блестели копья, трубы к бою звали,
И мавры к полю брани поспешали.

49

Когда пожар по воле суховея
Зеленые поля уничтожает
И мощное дыхание Борея
Могучий пламень быстро раздувает,
То поселянин, жизнь свою жалея,
Прочь от полей горящих поспешает,
Спасаясь от стихии беспощадной,
На цвет полей обрушившейся жадно.

50

Вот так и мавр, наездник разъяренный,
Коня нетерпеливого седлает
И в глубь сраженья мчится неуклонно,
Но храбрый португал его встречает,
И тот, на пораженье обреченный,
В неистовом испуге отступает,
Бежит стремглав и, потеряв тюрбан,
Зовет на помощь жалобно Коран.

51

И даже горы затряслись в испуге,
А лошади - Нептуново творенье

Срывали в страхе крепкие подпруги
И мчались прочь от ужасов сраженья.
Могучих мавров прочные кольчуги
Потомки Луза рвали в исступленье.
Они на сарацинов нападали,
Рубили их, кололи, убивали.

52

Гора кишок, булатом потрошенных,
Среди равнин бескрайних возвышалась.
И круговерть голов, мечом снесенных,
По полю битвы целый день каталась.
И в страхе мавр отпрянул посрамленный,
Уже заря над полем занималась.
Поля, что ранним утром зеленели,
От рек кровавых сразу побурели.

53

И лузитане, баловни победы,
Еще три дня трофеи собирали.
И, вспоминая Господа заветы,
Его в веках восславить пожелали.
И пять щитов лазоревого цвета
На поле белоснежном начертали,
Сим обозначив королей надменных,
В день битвы при Орики убиенных.

54

И, герб державы новой завершая,
Иудины монеты начертали
На тех щитах, смиренно почитая
Того, чьи раны путь им озаряли.

Любовь к Христу потомству завещая,
Свою победу этим увенчали,
Чтя искренне, бестрепетно и свято
Пресветлого Спасителя стигматы.

55

Отпраздновав победу, воин славный,
Афонсу вновь с неверными сразился,
И вскоре перед рыцарем державным
Скабеликастр поверженный склонился.
В Лейрии как хозяин полноправный
Король христолюбивый воцарился.
И Тежу плодоносная долина
Афонсу посчитала господином.

56

По доброй воле, с радостным почтеньем
Афонсу Мафра славная признала
И Синтра, где под скал старинных сенью
Наяд веселых стайка обитала
И от Амура пряталась в смущенье
Страны великой украшеньем стала.
Холодный град Афонсу подчинился,
К короне португальской приобщился.

57

И ты, о Лиссабон, градов царица,
Известная на море и на суше,
Построенная мощною десницей
Того, кто Трою древнюю разрушил,
Ты, нации грядущая столица,
Простерлась ниц перед великим мужем,

К которому из северных пределов
Армада на подмогу подоспела.

58

В то время из Британии холодной
И из долины Рейна благодатной
Дружины крестоносцев благородных
В Святую Землю плыли безоглядно.
И было небесам тогда угодно,
Чтоб в устье Тежу этот флот громадный
В движении своем остановился
И к стенам лиссабонским устремился.

59

Пять раз на небесах луна рождалась,
Пять раз она безмолвно погибала,
Пока твердыня гордая держалась
И мощные атаки отражала.
Отчаянная битва разгоралась
И долго средь холмов не утихала.
Но силы исламитов иссякали,
И град они чудесный все же сдали.

60

Склонился пред Афонсу-властелином
Тот град, что даже дикие вандалы,
Под кем, немало слез пролив невинных,
Несчастная Иберия стонала,
Чье имя Андалузия поныне
Еще хранит с упорством небывалым,
Взять не смогли, чем славная столица

И в наши дни заслуженно гордится.

61

И если даже Лиссабон прекрасный
Покорно прекратил сопротивленье,
То вскоре пред владыкой самовластным
Простерлось полстраны в повиновенье:
И Аленкер, где вод потоки ясных
Среди камней бегут с веселым пеньем,
И Торреш-Ведраш, и града и села
Эштремадуры гордой и веселой.

62

И ты, о берег Тежу плодородный,
Осыпанный щедротами Цереры,
Дружине боевой и благородной,
Защитнице отечества и веры,
Вручил ключи от градов мавр негодный
Не снимет урожай в твоих пределах.
Стремглав войска Афонсу наступали
И Элваш, Мору и Алкасер взяли.

63

И, сказочной исполненный красою,
Сертория - героя град любимый,
Где воды серебристою струею
По аркам совершают бег незримый,
Чтоб напоить прохладою земною
Народ, Господней милостью хранимый,
Бесстрашного Жералду убоялся
И полководцу доблестному сдался.

64

Затем Афонсу, воин и герой,
С годами жизни тяжкой, скоротечной
Вступивший в ярый и незримый бой,
Свой век земной продливший славой вечной,
Отвергший роскошь, негу и покой,
Свой край любивший нежно и сердечно,
Полки немедля в Бежу переправил
И быстро город за собой оставил.

65

Затем Сезимбру, славную дарами
Морей полдневных, подчинил умело.
И, будь помянут добрыми делами,
Король великий покорил Палмелу.
Внезапно показались меж холмами
Дружины сарацинов оголтелых.
Они перед Афонсу появились
И с ходу в бой отважно устремились.

66

Бадахоса их возглавлял правитель,
Король высокородный и спесивый.
Он конницы был дикой предводитель,
Четыре тысячи коней ретивых
Вел за собой воинственный властитель,
Но, словно бык, что по весне ревниво
Свою подругу храбро защищает
И всех прохожих в бегство обращает,

67

Обрушился Афонсу несравненный
На иноверцев конные отряды.
Громил, рубил захватчиков презренных,
Сбивал с коней, не ведая пощады.
И вскоре войско мусульман надменных
Бежало, страшной паникой объято.
Так шесть десятков всадников могучих
Рассеяли врагов заклятых тучи.

68

Вот так Афонсу, воин неустанный,
Победы над неверными добился.
И край, от Бога лузитанам данный,
От ига мавритан освободился.
Но победитель путь продолжить бранный
Упорно и безудержно стремился.
Чтоб вновь прославить боевое знамя,
В Бадахос он отправился с войсками.

69

Но тут Господь, что часто отдаляет
От нас, виновных, сроки наказанья
То ль потому, что многих исправляют
Дальнейшей жизни новые страданья,
То ль по причинам, коих не узнает
Бессильный ум в минуты испытанья,
Терезы вспомнил плен и заточенье
И ниспослал ей позднее отмщенье.

70

Ведь был Бадахос короля Леона
Исконным и наследственным владеньем.

И, видя нарушение закона,
Леонцы сразу начали сраженье.
Афонсу оказался окруженным.
Стремясь спастись от срама и плененья,
При бегстве он о врат градских засовы
Изранил ноги и попал в оковы.

71

И ты, Помпеи великий и отважный,
Своих не должен неудач стыдиться.
Ведь лишь по воле Немезиды страшной
Победы над тобою смог добиться
Твой тесть в час битвы грозной и ужасной,
Хоть пред тобой весь мир спешил склониться,
От Фазиса вод хладных до Сиэны,
От дальних льдов до юга Ойкумены.

72

Хоть жители Аравии богатой
И колхи, что златым руном владели,
Евреи и надменные сарматы
Твои победы в страхе лицезрели,
А берега и Тигра и Евфрата,
Стремящих путь из древней колыбели,
Где наши предки счастие вкушали,
Перед тобой в испуге пребывали;

73

Хотя волна Атлантики безбрежной
Послушно пред тобою расстилалась
И племя скифов, гордых и мятежных,
С тобой на битву выйти не решалось,

Но тут судом небесным, неизбежным
Победа над тобою даровалась
В твой скорбный час вдруг тестю пожилому,
Как над Афонсу - зятю молодому.

74

Но наконец решил король отважный,
Небесных сил изведав наказанье,
Вернувшись в край любимый и прекрасный,
И залечив душевные страданья,
И приказав, чтоб мученик бесстрашный
Святой Висенте был для почитанья
Перенесен с окраин отдаленных
В чудесный град, над Тежу вознесенный,

75

Что сын его, цветущий и могучий,
Отряды лузитанские возглавит,
Готовя гибель маврам невезучим,
Дружины в Алентежу переправит,
Он знал, что Саншу, в ярости кипучей,
В живых врагов презренных не оставит
И кровью их те воды напитает,
Что по Севилье гордой протекают.

76

И, окрыленный славною победой
И Бежу зря под варварской пятою,
Отца желая воплотить заветы,
От счастья ног не чуя под собою
(Так голову кружит в младые леты
Успех, добытый дланью удалою),

Принц доблестный туда решил помчаться
И в новой битве с мавром расквитаться.

77

Затем с горы, в которую Медуза
Великого Атланта превратила,
Из дальней дали мыса Ампелузы
Поднялись вновь неведомые силы.
Дружины мусульманского союза
Желанье страшной мести устремило
К границам Португалии прекрасной,
Чтоб бой начать жестокий и ужасный.

78

Миральмумини, дерзостный и гордый,
А с ним еще тринадцать королей
На христианский брег ступили бодро,
Кичась безмерно силою своей.
Потомкам Луза варварские орды
Несли позор, погибель, гнет цепей.
И двинулись они на Сантарен,
Надеясь Саншу взять немедля в плен.

79

И жаркий бой мгновенно завязался
Вокруг валов высоких Сантарена.
Ничем зловредный мавр не погнушался:
Из катапульт обстреливал он стены,
Подкопы вел, но стойко защищался
Принц юный, мавров полчища надменных
Не вызвали в душе его смущенья.

Он храбро продолжал сопротивленье.

80

Отец его в те дни был на покое
В Коимбре, у брегов Мондегу чудных.
Но он, узнав о варварском разбое
И о деяньях принца многотрудных,
Пустился в путь с дружиной боевою,
Чтоб с помощью стараний обоюдных,
Своих и Саншу, город осажденный,
Увидеть вновь от недругов спасенным.

81

И с войском, к битвам яростным привычным,
На помощь он пришел родному сыну,
Круша врагов с отвагой безграничной,
Их кровью щедро обагрил равнины,
И в страхе мавр отпрянул, как обычно.
Так быстро убегали сарацины,
Что сбруи, одеянья, покрывала
Все побросали средь полей навалом.

82

От португальцев бегством мавр спасался,
С чужих брегов поспешно удирая.
Миральмумини яростный остался
Там, где его настигла смерть слепая.
А португал с молитвой обращался
К тем силам, что, мольбам его внимая,
Его осуществили упованья,
Избавив край от тяжких испытаний.

83

Но Либитины длань неумолимой
Похитила бесстрашного героя,
Который столько лет неукротимо
Разил врагов, не ведая покоя.
Болезнями и старостью томимый,
Перекрестив хладеющей рукою
Наследников, Афонсу-победитель
Отправился в посмертную обитель.

84

О нем рыдали горные вершины,
О нем леса дремучие вздыхали,
Из рек потоки слез лились лавиной,
Луга и рощи в горе затопляли.
О подвигах его неисчислимых
В стране родной легенды не смолкали.
И тщетно эхо скорбное взывало:
Афонсу! - но ответа не встречало.

85

Его наследник Саншу благородный
Еще при жизни короля-героя
Прославился отвагою природной,
Разя врага с дружиной удалою.
От мавров Бежу сделал он свободной,
А Бетис в ходе яростного боя
У стен Севильи кровью замутился
И долго алой влагою струился.

86

Став королем, отважный Саншу вскоре
С войсками Силвеш окружить решился.
А в Иудею в эти дни по морю
Германец благонравный устремился,
Желая, чтоб в Земли Святой просторах
Несчастный Гидо снова воцарился.
Но путь неблизкий рыцари прервали
И лузитанам помощь оказали.

87

Вел Барбаросса мощные дружины
Туда, где принял муки Искупитель,
Туда, где был разгромлен Саладином
Несчастный Гидо, горестный воитель.
Полки несокрушимых сарацинов
Близ вод расположил их повелитель.
А христиане жаждою томились
И вскоре исламитам покорились.

88

И вот, по воле ветра прихотливой,
От стен Ерусалима в отдаленье
Явился флот тевтонцев горделивых,
Чтоб вместе с Саншу бой начать священный.
И посрамлен был вскоре мавр чванливый
Под Силвешем, как некогда в сраженье
У Лиссабона, где с Афонсу смелым
Рать крестоносцев мавров одолела.

89

Закончив бой с потомством Магомета
И поделив богатые трофеи,

Дав дружества прощальные обеты
Германцам, поспешавшим в Иудею,
С мечом булатным, к небесам воздетым,
Желаньем новой битвы пламенея,
В Леон король стремительно ворвался,
И город Туй ему покорно сдался.

90

Но был настигнут гордый победитель
Всевластной смерти острою косою.
И сын его, удачливый воитель
Афонсу, принял знамя боевое.
В Алкасер с ним вступил освободитель,
Навеки град оставив за собою,
Тот град, что мавры дерзкие отбили,
А ныне чадам Луза возвратили.

91

Но смерть взяла Афонсу, и на троне,
Юнец безвольный Саншу очутился,
Он позабыл о чести и законе
И на любимцев слепо положился.
Хоть он и унаследовал корону,
Но управлять страною не стремился
И край родной, не зная сожаленья,
Приятелям отдал на расхищенье.

92

Нет, не был Саншу, как Нерон, развратен
И с мальчиком любви не предавался,
И с матерью родной грехом отвратным
Наш баловень судьбы не занимался.

Предать пожару город благодатный
Безумный властелин не собирался.
Не знал он злобы Гелиогабала,
Ни изощренных нег Сарданапала.

93

Не мучил он народ, как те тираны,
Что некогда Сицилию терзали
И, как Фаларис, пыткам невозбранно
Несчастных граждан часто предавали.
Но в той стране, где храбрых и гуманных
Владык на троне подданные знали,
Лишь тот мог на престоле находиться,
Кто доблестью мог с предками сравниться.

94

И потому Болонский граф по праву
Взял твердою рукой бразды правленья,
И после смерти Саншу вся держава
Дала ему обет повиновенья.
Афонсу Храбрый гордых предков славу
Наследовал, горя похвальным рвеньем
Расширить славной родины пределы,
Простора жаждал дух благой и смелый.

95

Женившись, он богатые владенья
Алгарве - взял в приданое и скоро
Там маврам дал великое сраженье
И их подверг разгрому и позору.
И наконец свое освобожденье
Узрели лузитанские просторы.

Эпоха битв жестоких завершилась,
И королем вся нация гордилась.

96

Затем Диниш, властитель просвещенный
И Храброго Афонсу сын достойный,
В науках и искусствах искушенный,
Народом правил мудро и спокойно.
К отечеству любовью вдохновленный,
Повсюду он навел порядок стройный.
При нем законы строго соблюдались,
Обычаи жестокие смягчались.

97

Приют Минервы властелин устроил
В своей Коимбре, городе прекрасном.
Для муз отвел богатые покои
Близ вод Мондегу, ласковых и ясных.
Явились музы дружной чередою,
Наполнив град напевом сладкогласным,
И, словно у подножья Геликона,
Там зазвенела лира Аполлона.

98

Король свою державу укрепил,
Отстроил замки, крепостные стены,
От нападений грады защитил
И их украсил с роскошью отменной.
Когда же в бозе властелин почил,
Взошел на трон Афонсу несравненный.
Отцу он прежде мало был послушен,

Но сердцем честен, смел и прямодушен.

99

Кастильцев не страшась высокомерных,
К ним относился с легким он презреньем.
Могущество их войск неимоверных
Не наполняло грудь его смущеньем.
Когда же вновь нашествие неверных
Кастилию подвергло униженьям,
Ей помощь дети Луза оказали
И вместе с ней победу одержали.

100

Нет, никогда Аттила разъяренный,
Бич божий для Италии несчастной,
Не вел с собою столько войск сплоченных,
И никогда с Семирамидой страстной,
Брегов индийских прелестью плененной,
Не мчалось столько воев в путь напрасный,
Как сарацинов, ярых и жестоких,
Пришедших из Гранады и Марокко.

101

Услышав топот войск неисчислимых,
Король Кастильи разом сна лишился,
Погибели страны своей любимой
Он больше смерти собственной страшился.
И, опасаясь бед невосполнимых,
Супругу он к отцу послать решился.
В тяжелый, скорбный час народ испанский
Звал на подмогу воев лузитанских.

102

И кроткая Мария появилась
В слезах перед родителем всевластным.
Тоской она глубокою томилась,
Печаль обуревала лик прекрасный.
Волна волос на плечи опустилась,
Скрывая взор усталый и несчастный.
Перед отцом главу она склонила
И речь к нему, рыдая, обратила:

103

"Все племена, что Африки пустыни
Взрастили под извечно знойным небом,
Привел с собой король Марокко ныне,
В Испанию вступив с ордой свирепой,
Поправ с ухмылкой древние святыни,
Отдав страну неверным на потребу.
Увидев их, живые содрогнулись,
А мертвые в гробах перевернулись.

104

Мой муж, таким несчастьем устрашенный,
Не в силах защитить родного края,
Меч отвратить, над нами занесенный,
Тебя, отец мой, ныне заклинаю.
А если нет - останусь я лишенной
Короны и супруга, но я знаю:
Ты не захочешь зреть меня вдовою
И дашь приказ войска готовить к бою.

105

При имени твоем Мулуи воды
От страха бег свой мощный замедляют.
Спеши помочь кастильскому народу,
К тебе он взор с надеждой обращает,
Отринь сейчас все думы и заботы,
Уже неверный меч свой обнажает.
Отец! Коль медлить ты сегодня станешь,
В живых кастильцев завтра не застанешь".

106

Вот так Венера нежная рыдала,
Когда, спасая мудрого Энея,
К Юпитеру могучему взывала,
О юноше-изгнаннике радея.
И сына молодого отстояла.
Отец богов, красавицу жалея,
Явил несчастной дочке состраданье
И выполнил тотчас ее желанье.

107

Войска в долину Эбро поспешали,
Там ржали кони и звенели шпоры.
Броню лучи рассвета озаряли,
Звучали трубы в боевом задоре.
Все новые дружины прибывали,
Заполонив широкие просторы.
Сердца, что счастье мирных нег испили,
К жестокой сече приступить спешили.

108

И, с гордостью войска обозревая,
Афонсу с ними в дальний путь помчался,

А с ним Мария, дщерь его младая,
Которую утешить он старался.
И вскоре, ветр попутный обгоняя,
В Кастилии Афонсу оказался,
Его слова дух войска поднимали
И робких и безвольных ободряли.

109

Когда войска двух королей сомкнулись
И вышли в поле против супостатов,
От страха христиане содрогнулись,
Не в силах счесть врагов своих заклятых.
Тьмой-тьмущей мавры средь полей тянулись,
Грозясь развеять скудные отряды,
Которые к Спасителю взывали
И на него в несчастье уповали.

110

Глумленью агаряне предавали
Своих врагов невзрачные дружины.
Их земли меж собою разделяли
Заранее лихие сарацины,
Что имя Сарры вечно оскверняли,
Себе его присвоив беспричинно.
Столь нагло край цветущий, благородный
Делили тьмы пришельцев чужеродных.

111

Вот так и Голиаф, гигант надменный,
Царя Саула насмерть напугавший,
Узрев, как отрок, Богом вдохновенный,
Давид, пращу и камень в руки взявший,

На бой с ним выступает дерзновенно,
Смеялся, но, мольбам Давида внявши,
Сам Бог десницу юноши направил,
И Голиаф навеки мир оставил.

112

Коварный мавр, захватчик вероломный,
Дружины христиан подверг глумленью,
Не понимая, что отрядам скромным
Благое небо ниспошлет спасенье.
По марокканцев армии огромной
Ударили кастильцы в озлобленье,
А португальцы двинулись спокойно
На мавров из Гранады недостойных.

113

Мечи и копья острые звенели,
О медные доспехи ударяясь,
К Сантьяго и Аллаху полетели
Мольбы и стоны, в ратный шум мешаясь.
Израненные воины слабели,
Взывали к небу, с жизнию прощаясь.
Из крови жертв неисчислимых вскоре
На поле битвы появилось море.

114

Все силы лузитане положили,
Чтоб одержать победу в тяжкой битве.
Гранадских мавров вой разгромили,
Стяжав награду за свои молитвы.
Однако же оружья не сложили,
А марокканцев дерзких и хвастливых,

С кастильцами сомкнувшись, сокрушили
И Родину надежно защитили.

115

Уж солнце раскаленное спешило
Закончить день средь хладных волн Фетиды
И Весперу простор освободило,
Когда остатки мавров недобитых
Пощады на коленях запросили,
К стопам владык приникнув именитых.
И столько мертвых полегло в сраженье,
Что вздрогнул мир в безмолвном изумленье.

116

Хоть Марий жажду воев несравненных
Насытил кровью злого супостата,
В четыре раза больше убиенных
В день памятный осталось при Саладо.
И Ганнибал, воитель вдохновенный,
Все ж меньше поразил врагов заклятых
В тот день, когда в огромных три сосуда
Серебряных колец сложили груды.

117

И только ты, могучий Тит, отправил
Не меньше душ на берега Коцита
В тот час, как Иудею обесславил,
Ерусалим разрушив знаменитый.
Но длань твою небесный суд направил,
В то разрушенье смысл влагая скрытый.
Тот страшный час пророки предвещали

И речи Иисуса предвкушали.

118

Разбив врагов, Афонсу величавый
С победою в отчизну возвратился,
Где, пожиная почести и славу,
Он миром и покоем насладился.
Но грянул час безжалостной расправы,
В гробах усопших сонм зашевелился,
Узнав о даме, что всю жизнь страдала,
А после смерти королевой стала.

119

Лишь ты, любовь, таинственная сила,
Играющая слабыми сердцами,
Несчастную красу свела в могилу
И жизнь ее наполнила слезами.
Но слез тебе горючих не хватило,
Они твое не одолели пламя,
Свой жертвенник ты кровью омываешь
И смерть невинным душам посылаешь.

120

Ты, кроткая Инеш, в полях блуждала,
Близ вод Мондегу думам предаваясь,
И своего кумира вспоминала,
В несбыточных мечтаньях забываясь.
Обман души Судьба не прерывала,
И, тщетно слезы побороть пытаясь,
К холмам и травам взор ты обращала
И имя им заветное шептала.

121

А принц, с тобой в разлуке пребывая,
К тебе душой бестрепетной стремился,
Твой чудный взор всечасно представляя,
О вашем счастье вечно он молился.
А ночью, к изголовью приникая,
Во сне узреть любимую он тщился.
Твой лик был для влюбленного отрадой,
Святыней и единственной усладой.

122

Придворные невест ему искали,
Принцессы домогались с ним союза,
Но он отверг с досадой и презреньем
Все разговоры о сердечных узах.
Наследника младого поведенье
Пришлось отцу крутому не по вкусу,
И под влияньем злобных наговоров
Он сына покарать задумал вскоре.

123

Чтоб принца разлучить с Инеш навечно,
Ее он с жизнью разлучить решился.
Огонь любви властитель бессердечный
Потоком крови погасить стремился.
Как допустил отец бесчеловечный,
Что меч его булатный обагрился
Не черной кровью злобных сарацинов,
А кровью дамы, юной и безвинной?

124

Когда Инеш несчастную втащили
В покои короля, такую жалость
Ему рыданья женщины внушили,
Что сердце короля от горя сжалось,
Но вновь его клевреты обступили,
Уже бряцанье стали раздавалось,
И уступил с угрюмостью покорной
Могучий властелин своим придворным.

125

Инеш, то к небу очи устремляя,
Молитву сокровенную твердила,
То милость Бога к детям призывая,
На них печальный взор переводила.
Сиротства нежных крошек не желая,
Она, собрав оставшиеся силы,
Замолвить слово за детей решила
И так в слезах их деду говорила:

126

"Коль даже звери, хищные и злые,
К невинным детям жалость проявляют
И птицы неразумные лесные
Беспомощным младенцам помогают,
О чем преданья предков вековые
Потомкам в назиданье возвещают,
Увековечив римскую волчицу
И голубей питомицу - царицу,

127

Так ты, который всем своим обличьем
Мне человека все ж напоминаешь

(Хотя, презрев законы и приличья,
Ты женщину безвинную караешь
И, предаваясь злобе безграничной,
Ей гибелью жестокой угрожаешь),
Имей к несчастным детям снисхожденье,
Спаси их от терзаний и мучений.

128

Умел ты сеять смерть в огне сражений,
Немало мавров истребил ужасных,
Сумей дарить и жизнь, пошли спасенье
Созданьям чистым, юным и прекрасным.
На мне одной яви всю тяжесть мщенья,
Меня сошли к брегам чужим и страшным,
В степях я скифских умереть готова
И в Ливии песках влачить оковы.

129

Средь львов свирепых, тигров разъяренных
Найду я состраданье и покой,
В которых здесь, в Коимбре просвещенной,
Отказано мне было злой судьбой.
Взгляни на бедных крошек благосклонно,
Не разлучай детей моих со мной.
Они мне будут лучшим утешеньем
Во всех моих невзгодах и лишеньях".

130

Король, ее растроганный слезами,
Хотел несчастной даровать прощенье,
Но свита с обнаженными мечами
К ней подступила в яром озлобленье

(Предрешено, как видно, небесами
Инеш безвинной было убиенье).
И лиходеи силой похвалялись,
Когда на битву с дамой собирались!

131

Не так ли Пирр, свирепый, возбужденный,
Презрев Гекубы слезы и моленья,
Предстал пред Поликсеной обреченной,
Чтоб тень Ахилла успокоить мщеньем?
А дева, меч увидев вознесенный,
Приблизилась к убийце со смиреньем
И, к матери взор обратив прощальный,
Пошла, как нежный агнец, на закланье.

132

Вершители лихого приговора
Пронзили алебастровую шею.
Краса померкла трепетного взора,
Что юный принц боготворил, лелея.
Не ведая в душе своей укора,
Красу Инеш несчастной не жалея,
Убийцы ей ланиты осквернили
И кровью белизну их обагрили.

133

О солнце! Как в день мерзкого деянья,
Когда за страшной трапезой Атрея
Плоть сыновей вкусил без содроганья
Фиест по воле брата-лиходея,
Ты спряталось, так в горький день страданья
Могла б ты скрыться, в страхе цепенея,

Заслышав, как красавица рыдала
И к Педру крик предсмертный обращала.

134

Вот так в венке ромашка увядает,
Свой горький жребий тщетно проклиная,
И нежный цвет до времени теряет,
В руках девичьих быстро засыхая.
И жизнь цветок пробивший оставляет.
Так и Инеш, от ран изнемогая,
Красы своей божественной лишилась
И с сладостною жизнию простилась.

135

И долго слезы горькие роняли
Мондегу нимфы над ее могилой
И в честь ее печальный гимн слагали,
Стеная, лик оплакивали милый.
И боги из прозрачных слез создали
Источник, и с таинственною силой
Он бег свой и поныне продолжает
И о любви Инеш напоминает.

136

А вскоре Педру править стал страною,
И гнев его настиг убийц жестоких,
Хотя, грозу почуяв над собою,
Они в Кастилье спрятались далекой.
Их сразу выдал Педру с головою
Ее король, блюститель чести строгий.
(Меж королями соблюдалось свято

То правило, что Август ввел когда-то.)

137

Карал дон Педру яро, беспощадно
Обманщиков, убийц и лиходеев,
Разбойников казнил он кровожадных,
Позору подвергал прелюбодеев.
И города очистил он изрядно
От татей, лихоимцев, прохиндеев,
Казнил он их, нимало не жалея,
В чем превзошел Алкида и Тезея.

138

От Педру Справедливого родился
Фернанду, отпрыск вялый и безвольный.
(На нем каприз природы проявился,
В стране создав немало недовольных.)
Кастилец в земли Луза устремился,
Начало положив войне крамольной.
Когда безвольный царь страной владеет,
Любой народ слабеет и хиреет.

139

Немало бед отчизна испытала
По милости такого властелина.
Длань божия за грех его карала,
И Леонор была тому причиной.
Небесный гнев блудница возбуждала,
Страну ввергая в тяжких войн пучину.
Страсть низкая и мудрых ослепляет
И даже сильных духом унижает.

140

Ведь от греховной страсти претерпели
Немало бед и горестных страданий
Троянцы, что Еленой завладели,
Тарквиний, жертва собственных желаний,
Потомки Веньямина, что посмели
Предать жену чужую поруганью,
Святой Давид, и Аппий развращенный,
И царь Египта, Саррою прельщенный.

141

Герои прежних лет, презрев сраженья,
В любовной неге сладость находили,
И как Геракл Омфале, в упоенье
Прекрасным дамам ревностно служили,
И как Антоний, ради угожденья
Своим любимым, головы сложили,
И, словно Ганнибал, в объятьях девы
Могли забыть и ратных труб напевы.

142

Да как и устоять, скажите честно,
Когда Амура сети роковые
Скрываются за обликом прелестным
И прячутся за кудри золотые
И смертному простому неизвестно,
Где ждут его тенета вековые,
Которые так сердце вмиг сжимают,
Что в огнь его горючий обращают?

143

И тот, кто испытал любви волненье,
Кто тосковал по ласковому взгляду,
Лик ангельский приветствовал в смятенье
И видел в нем всех дней своих отраду,
Тот извинит Фернанду преступленья,
Не обречет его на муки ада.
Но кто еще не ведал мук любовных,
Сочтет его во всех грехах виновным.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1

Когда смолкает буря роковая
И постепенно мощный ветр стихает,
Уходит с небосвода тьма густая
И солнца луч даль моря озаряет,
Тогда тоска уносится ночная,
Ее надежда светлая сменяет.
Так было в Лузитании прекрасной,
Когда король преставился злосчастный.

2

Уж многие отмщения алкали,
И толпы португальцев оскорбленных
Безвольного Фернанду проклинали,
Стонал от горя край изнеможенный,
И дети Луза радость испытали,
Когда Жуан, сын Педру незаконный,
Взошел на трон, избавив от позора
Родимой Португалии просторы.

3

Свершилось то по воле Провиденья,
Из уст младенца божий глас звучал,
И нации великой путь к спасенью
Он в Эворе чудесно указал:
Подняв ручонку, внятно, без смущенья
Ребенок восьмимесячный сказал:
"О Португалия, воспрянь от ран,

Да здравствует в веках король Жуан!"

4

Народный гнев, могучий, неуемный,
Обрушился, как молот беспощадный,
На головы клевретов развращенных,
Ограбивших страну рукою жадной.
Презренной королевы приближенных
Народ разил, чтоб было неповадно
Ей низменным забавам предаваться
И с наглым графом страстью наслаждаться.

5

В неистовом порыве исступленья
Восставшие мучителей крушили:
Кого, презрев все слезы и моленья,
Нагим по грязным улицам тащили,
Кого, низринув с башни в озлобленье,
Астианакта смертью наградили.
В те дни бесчестный граф лишился жизни
За тот позор, что он принес отчизне.

6

Так беспощадно португальцы мстили
За годы нищеты и унижений,
Что Мария свирепостью затмили
И Суллу превзошли ожесточеньем.
И так свою царицу устрашили,
Что та решила в горьком исступленье
Призвать в страну кастильцев легионы
И дочери отдать свою корону.

7

И вот опять кастильцы наводнили
Равнины Португалии несчастной
И Беатриш хозяйкой объявили
Потомков Луза Родины прекрасной,
Хоть слухи беспрестанные ходили,
Что был Фернандо вовсе непричастен
К наследницы негаданной рожденью,
Повергшему родимый край в смятенье.

8

И вот бургосцы стройными рядами
В чужие земли рьяно устремились,
А с ними валенсийцы, что с врагами
При славном Сиде мужественно бились,
И сарагосцы, что свободы знамя
Рукой бесстрашной водрузить решились,
С Фернандо храбрым дерзко в бой ходили
И наглых мавров в битвах посрамили.

9

Затем вандалы, доблестью старинной
Известные народам полумира,
Беспечно отправлялись на чужбину,
Покинув берега Гвадалквивира.
А вслед за ними вереницей длинной
Тянулись сыновья колоний Тира.
И Геркулеса мощными столпами
Свое они разрисовали знамя.

10

И шли за ними жители Толедо,
Чьи стены светлый Тежу омывает,
И, чтоб увидеть город - чудо света,
К нему с вершин Куэнки поспешает.
И вы, о галисийцы, чьи победы
Доныне мавр коварный вспоминает,
Свои мечи мгновенно отточили
И против лузитан их обратили.

11

Шли строем баски, чей язык и нравы
С трудом народ соседний разбирает
И чей характер гордый, величавый
Заносчивый кастилец уважает.
За ними к рубежам чужой державы
Шли астурийцы, чья земля скрывает
Немало ценных руд в своих глубинах
Все в земли Луза хлынули лавиной.

12

Жуан, отвагой, яростью и силой
Самсону прямодушному подобный,
Ряды завидев недругов постылых,
Собрал совет из воев благородных.
Число врагов его не устрашило.
Он отличался доблестью природной,
Но, прежде чем войска ввести в сраженье,
Хотел он знати выслушать сужденье.

13

И многие в испуге и смятенье
От верности монарху отступили,

Предали предков доблестных забвенью,
Без боя уступить врагу решили.
Поддавшись страху, в диком озлобленье
И короля, и Родину хулили.
И, словно Петр, за жизнь свою трясясь,
От Бога отреклись бы в этот час.

14

Но дал отпор безумцам маловерным
Дон Нуну, витязь гордый и отважный,
Душой отчизне преданный безмерно,
За честь ее вступившийся бесстрашно.
Предал проклятью братьев он презренных,
Отверг навеки родичей продажных
И речь держал, на меч свой опираясь,
К земле, морям и небу обращаясь:

15

"Как? Ныне племя гордых португалов
Под натиском кастильцев отступает
И мощную, прекрасную державу
Захватчикам бесчестным оставляет,
Забыв о вере, мужестве и славе,
Великих предков доблесть оскверняет
И жаждет, по чужому наущенью,
Родимый край предать порабощенью?

16

Как? Вы забыли, что в былые леты
Под знаменем Афонсу удалого
Ходили на кастильца ваши деды
И разгромили недруга лихого?

Забыли, как в день доблестной победы
Тоска объяла супостата злого:
Когда семь графов, дерзких и спесивых,
Взял в плен король Афонсу горделивый?

17

Кастилия пред вами выхвалялась,
Хотя былая мощь ее полков
При доблестном Афонсу создавалась
Руками ваших дедов и отцов.
Их слава с каждым часом укреплялась,
А вас Фернанду превратил в глупцов.
Но коль король народный нрав меняет,
Пускай король вас новый исправляет.

18

Властителя вы обрели такого,
Что ринется в кровавое сраженье,
Развеет в прах противника любого,
Любую рать предаст уничтоженью.
И ныне чести я даю вам слово,
Что если вы, презрев мои моленья,
Откажетесь от наших предков славы,
Один я грудью заслоню державу".

19

Булатный меч из ножен вынимая,
Воскликнул Нуну, гневом распаленный:
"Родимый край я видеть не желаю
Презренным чужестранцем угнетенным.
Своих вассалов в бой я призываю,
Мы гордо развернем свои знамена.

Пускай трепещет в страхе враг проклятый
Мы разгромим любого супостата".

20

Когда-то после Каннского сраженья
В Каноссу в страхе римляне бежали
И, испытав бесчестье пораженья,
Бой новый начинать не пожелали,
И в горестном испуге и смятенье
Уже с себя оружие слагали,
Но тут явился Сципион бесстрашный
И за собой их в бой увлек отважно.

21

Вот так и Нуну твердою рукою
Сплотил ряды соратников умело.
Взметнулось гордо знамя боевое,
На горе супостатам оголтелым.
И дети Луза с силой молодою
Уже на битву прорывались смело.
"Да здравствует король Жуан!" - кричали
И запастись оружьем поспешали.

22

И люди расходились торопливо,
Спеша в поход далекий собираться.
Мушкеты начищались терпеливо,
Бежал народ мечами разживаться.
Бронею щеголяя горделиво,
Шли юноши красоткам показаться,
Любимым клятвы верности давали

И их цвета в одежде сочетали.

23

С блестящим войском, в добром настроенье
Жуан Абрантеш тихий покидает,
Красавец Тежу в гордом упоенье
Ему привет прощальный посылает.
Спешат полки достичь полей сраженья,
А авангард могучий возглавляет
Великий муж, который с полным правом
Вести мог войско Ксерксовой державы.

24

Я говорю о Нуну: как Аттила
Для франков был бичом и италийцев,
Так Нуну молвь людская объявила
Бичом спесивых, дерзостных кастильцев.
Росла и крепла португальцев сила,
Они в тяжелый час приободрились,
Вел правый фланг сам Вашкунселуш смелый,
Воитель славный, дерзкий и умелый.

25

А левым флангом Вашкеш де Алмада
Командовал, бесстрашный, мудрый воин.
Поздней Авранш он получил в награду
И титула был графа удостоен.
Над арьергардом армии громадной
Знамена короля взлетели стройно.
Народ монархом юным восхищался,
Который в славе с Марсом поравнялся.

26

А воинов в путь дальний провожали
Невесты, сестры, матери и жены,
С высоких стен платками им махали
И вслед смотрели нежно и влюбленно,
За них молитвы к небу воссылали
И в страхе лили слезы удрученно.
Но наконец сошлись на поле боя
С кастильцем португальские герои.

27

Задорно трубы звонкие сзывали
На поле битвы воинов отважных,
И знаменосцы стяги воздымали,
Готовясь в битву ринуться бесстрашно.
В те дни крестьяне урожай сбирали,
Цереру чтя под небом юга ясным.
В созвездье Девы солнце поспешало
И винограду сладость придавало.

28

Кастильская труба тревожно взвыла,
И стон протяжный огласил просторы.
От страха Гвадиана поспешила
Свое теченье отвратить от моря.
Дыханье близкой смерти охватило
Галисии глухой седые горы.
Детей из люлек матери хватали
И их к груди в испуге прижимали.

29

От страха кровь отхлынула от лиц,
Немало гордых воев побледнело,
Немало мощных дрогнуло десниц,
Немало уст в испуге онемело.
Ведь часто отблеск боевых зарниц
Вселяет трепет в немощное тело,
Но страсть к победам страх превозмогает,
И ратоборец к битве приступает.

30

И страшное сраженье закипело,
Друг другу смертью вой угрожали,
Одни к добыче рвались оголтело,
Другие край родимый защищали.
Стремглав косил врагов Перейра смелый,
И злую смерть в сраженье обретали
Искатели богатств и приключений,
Чужих завоеватели владений.

31

Над полем битвы тучами летали
С веселым свистом яростные стрелы.
Поля от страха жалобно стенали,
Долины от страданий онемели.
Повсюду копья жертвы настигали,
Кругом мечи булатные звенели.
Кастильцы плотно Нуну окружили
И армию вождя лишить решили.

32

Кастилии полки передовые
Изменников собрали португалов.

Уже над славным Нуну братья злые
Готовили кровавую расправу.
Братоубийцы, изверги лихие
Явились на простор родной державы.
Вот так при войнах Цезаря с Помпеем
Шел брат на брата, в битве свирепея.

33

О вы, Кориолан и Катилина!
Я к вам теперь, предатели, взываю,
Вы в горький час, в тяжелую годину
Несчастья принесли родному краю.
И если ныне в адские пучины,
Где вы томитесь, грех свой искупая,
Дойдет мой глас, скажите, что толпою
В ад ренегаты мчатся с поля боя.

34

Был Нуну словно лев, что под Сеутой
От ярых звероловов убегает,
Спасаясь от копья ударов лютых,
К равнинам Тетуана отступает,
Готовый к битве каждую минуту,
Косматой гривой гордо потрясает
И страхам и тоске не предается,
А только над погонею смеется.

35

Бесстрашный Нуну, битвой разъяренный,
Противников удары отражает,
Со всех сторон врагами окруженный,
Свирепые атаки отбивает,

Но, от дружины Луза отделенный,
Воитель смелый кровью истекает,
И гибнут в ходе яростного боя
Последние сподвижники героя.

36

Но тут Жуан, премудрый предводитель,
Всей битвы ход охватывавший взглядом,
Родного войска ревностный рачитель,
Пришел на помощь гибнущим отрядам,
Как львица молодая, в чью обитель
Пастух ворвался, подобрался к львятам
И их унес, покуда мать блуждала
И корм злосчастным чадам добывала,

37

Она ревет и оглушает горы.
Вот так Жуан, собратьев ободряя,
Взревел: "Немало срама и позора
От вас, друзья, вкусила рать чужая.
Вы защитили Родины просторы,
Вспомянет вас добром земля родная,
И знайте: Португалии свобода
Зависит от мечей ее народа.

38

Я, ваш король, сподвижник и соратник,
В бой португальцев славных призываю,
Сражаюсь среди вас, как пеший латник,
Родную землю грудью защищаю".
И, молвив так, он с силою изрядной
Копье подбросил на руке, играя,

И в недругов метнул его заклятых,
Желая их отправить в бездну ада.

39

И войско, распаленное словами
Геройскими, рванулось в наступленье,
И быстро меж враждебными полками
Посеяло тревогу и смятенье.
Израненные острыми мечами,
Кастильцы гибли в яростном сраженье.
Кольчуги их от копий разрывались,
И быстро жизни воины лишались.

40

В долины Стикса недругов заклятых
Потомки Луза дружно направляли,
Кастильцев именитых и богатых
Недрогнувшей рукою умерщвляли.
Бесчестные Перейры-ренегаты,
Кляня свой горький жребий, издыхали,
Магистры Калатравы и Сантьяго
Погибли оба в яростной атаке.

41

В тот день немало воинов безвестных
Рассталось с жизнью милой и прекрасной,
Трехглавый пес, властитель адской бездны,
Ждал с нетерпеньем жертв своих безгласных.
Но разгулялось все ж в дали небесной,
Закончился срок битвы столь ужасной,
И флаг кастильский горестно склонился,

К ногам дружины Луза опустился.

42

Закончилось кровавое сраженье,
Предсмертные хрипенья затихали.
Цветы поникли в страхе и смятенье,
А травы алый цвет в себя впитали.
О прелести забыв чужих владений,
Кастильцы с поля боя удирали,
А их король в тот день стыдом терзался
И мрачным размышленьям предавался.

43

В смятении он жизнь свою спасал
И поле боя в ужасе оставил.
Так посрамленный властелин бежал,
Как будто крылья Бог ему приставил.
Он в сердце рану тайную скрывал,
Ему гордыни храбрый враг убавил.
Кругом его проклятьям предавали,
Над трупами товарищей рыдали.

44

Кто проклинал безумца, что когда-то
Войну затеял первым в этом мире,
Кто алчность клял властителей богатых,
Разряженных в алмазы и порфиру
И армию увлекших в бездны ада,
Стремясь ограбить край чужой и сирый,
Навек супругов бедных разлучивших,
Детей любви родительской лишивших.

45

Чтя древних дней обычай благородный,
Жуан провел три дня на поле боя.
Со скромностью и щедростью природной
Творцу за все воздал хвалу с лихвою,
Меж тем как гордый Нуну неохотно
Со славой расставался боевою.
И вторгся он в кастильские селенья
И там затеял новое сраженье.

46

Его судьба для славы создала
И все его желанья исполняла.
Разбить вандалов Нуну помогла
И путь ему к Севилье указала.
К победам новым воина вела,
Ему повсюду земли покоряла.
И многие кастильские сеньоры
Припасть к его ногам явились скоро.

47

Когда кастильцы мира запросили
И к милосердью божию воззвали,
Им милость победители явили
И мир желанный побежденным дали.
Забыть вражду воители решили,
И короли судьбу свою связали
С красавицами Англии далекой,
Пределы положив войне жестокой.

48

Закончив битвы славные на суше,
К брегам морским герои устремились.
Потомков Луза доблестные души
Неистовых сражений не страшились.
На мощь надеясь своего оружья,
В чужую землю путь держать решились,
Чтоб в Африке ученье Магомета
Оспорить словом Нового завета.

49

Над синим морем белоснежной стаей
Ветрила кораблей взметнулись бодро,
Чтоб, серебро бурунов разрезая,
К Алкидовым столбам явиться гордо.
И, мавров богомерзких устрашая,
Взять Сеуты твердыню дланью твердой,
Искоренив последствия обмана
Предателя отчизны Хулиана.

50

Но смерть неумолимою рукою
Державу и народ осиротила
И славного правителя-героя
В сады Эдема вдруг переместила.
Но он оставил племя боевое,
Которое судьбу страны вершило.
Великие инфанты для отчизны
Готовы были поступиться жизнью.

51

Но королю Дуарте изменило
Капризное и ветреное счастье,

За радостью печали приводило,
День солнечный сменяло вдруг ненастьем.
Да и кому Фортуна подарила
Жизнь, полную лишь радости и страсти!
Так для чего ж ей нрав переменять
И короля от мук освобождать?

52

Он пережил полон святого брата,
Подвижника и гордого страдальца,
Прошедшего сквозь все мученья ада,
Чтоб Сеуту оставить португальцам.
Кто принцем был - рабом стал неприглядным.
Кто весел был - вдруг сделался рыдальцем.
И проявил он твердость и отвагу,
Чтоб отстоять общественное благо.

53

Кодр для свободы родины любимой
Решил своею жизнью поступиться,
А Регул, чувством долга одержимый,
Не захотел злодеям подчиниться.
Но все ж ни Курций, вой неустрашимый,
Ни Деции, которыми гордится
Великий Рим, не превзойдут во славе
Фернанду, гордость доблестной державы.

54

За горести невольника святого
Воздал с лихвою варварам отвратным
Афонсу, государь, который снова
Вернул покой отчизне благодатной.

Развеял в прах врага он векового,
Пошел араб жестокий на попятный
И спрятался в песках пустыни знойной,
Афонсу был наказан он достойно.

55

Коль захотел бы государь всевластный,
То мог бы яблок золотых отведать.
Их только Геркулес - герой бесстрашный
Вкусил, когда дошел до края света.
Чело Афонсу лавр обвил прекрасный
И ветви пальмы - доблести приметы.
Эль-Ксар, Танжер и гордая Арзила
Простерлись ниц пред лузитанской силой.

56

Пред славным войском крепостные стены,
Утратив твердость, молча расступались.
Разя свирепо мусульман презренных,
Полки лузиад в города врывались,
Бесстрашием и рыцарством отменным
В те годы португальцы отличались,
Они не только Марса ублажали,
Но подвиг свой на лире воспевали.

57

Затем Афонсу, алчностью томим,
Мечту лелея о кастильском троне,
Гонимый честолюбием слепым,
Опять в сраженье бросил легионы.
Но встретиться на поле боя с ним
Фернандо шел, властитель Арагона,

Ведя с собой полки богатырей
Со склонов благодатных Пиренеи.

58

А принц Жуан, которого по праву
Примерным все в народе называли,
Стяжать желая воинскую славу,
Пришел помочь отцу в его печали.
Но смял дружины Луза вихрь кровавый,
Войска Афонсу битву проиграли,
Хоть и Фернандо не посмел решиться
Бесспорною победой похвалиться:

59

Ведь юный принц, воитель вдохновенный
И рыцарь славный, храбрый и любезный,
Нанес урон полкам врагов надменных
И потеснил испанцев повсеместно.
Так при Филиппах Август несравненный
Разбит был в битве Брутом, как известно,
Но в бой полки Антония вступили
И Цезаря убийцам отомстили.

60

Когда же темень ночи бесконечной
На небеса Афонсу удалила,
Король Жуан, питомец славы вечной,
Державу возвеличил с новой силой.
Он был в своих деяньях безупречен,
Его страна зари к себе манила,
Авроры нежной родина благая...

А я его деянья продолжаю.

61

Его посланцы дружною четою
Вдоль берегов Испании проплыли
И, Францию оставив за кормою,
В Италии на древний брег ступили,
В Неаполе, которого судьбою
Повелевать наперебой спешили
По воле Парок разные народы
И где испанцы правили в те годы.

62

Оттуда в дальний путь они пустились,
До солнечной Сицилии добрались,
И к Родосу по морю устремились,
И красотой Египта любовались.
Судьбе Помпея славного дивились,
Деяньями героя восхищались.
Потом им Эфиопия открылась,
Где христианство свято сохранилось.

63

И по волнам промчавшись Эритрейским,
Которые когда-то в давний час
Пред племенем гонимым иудейским
Разверзлись, как велел им божий глас,
Узрев холмов вершины Набатейских,
Где Измаила сын отары пас,
Гонцы, пройдя сквозь зной пустынь тоскливый,
К Аравии приблизились Счастливой.

64

Пролив Ормузский странники проплыли.
Там башни Вавилонской воздвиженье
Еще поныне люди не забыли,
Запомнив языков земных смешенье.
Потом их дали Индии прельстили.
Они туда помчались в нетерпенье
По волнам неуемным Океана,
Когда-то устрашавшего Траяна.

65

Обычаям неведомых народов
Они под дальним небом удивлялись,
Кермана и Гедрозии красоты
Пред взорами пытливыми являлись.
Их поразила Индии природа,
Когда ж они на Родину собрались,
То тяготы пути не одолели
И захлебнулись в чуждой им купели.

66

Меж тем на троне Родины прекрасной
Уж Мануэл Счастливый воцарился.
Казалось, царь небесный ежечасно
Его желанья исполнять стремился.
Призвал на подвиг он народ бесстрашный,
Примером он Жуана вдохновился.
Его влекло неведомое море,
Что португальцам покорилось вскоре.

67

И раз в предвестье утренней зарницы
Он думам неотступным предавался.
Расширить милой Родины границы
Ему завет от предков оставался.
Уж первый луч стремительной денницы
Сквозь мрак кромешный с трепетом прорвался.
Ночные звезды небо покидали
И сон усталым веждам навевали.

68

На ложе сна властитель опустился,
Но думать об отчизне продолжал.
Мечтой к брегам далеким он стремился,
Наказы предков выполнить желал.
Когда же сну владыка покорился,
Грядущее страны своей узнал:
К нему пришел Морфей, чтоб в сновиденье
Открыть ему бессмертных повеленье.

69

Во сне властитель к небесам поднялся
И дланью прикоснулся к первой сфере,
С высот пред ним мир Божий расстилался,
Мелькали стран неведомых пределы.
А в том краю, где день всегда рождался,
Вершины гордых гор взметнулись смело,
Где находились славные истоки
Двух дивных рек, спешащих в путь далекий.

70

И хищники неведомые, злые
Средь этих гор извечно обитали.

Деревья и кустарники лесные
Дороги в чащи властно преграждали.
И горы неприступные, немые
В самой своей суровости являли,
Что со времен Адамова паденья
Никто еще не вторгся в их владенья.

71

И вот из лона вод непокоренных
Два старца вышли дружною четою,
Величием отмечены врожденным,
Достоинством и силой удалою.
С волос, от всяких пут освобожденных,
Слетали капли быстрой чередою,
И смуглые тела их увлажняли,
И бороды огромные питали.

72

Чело могучих старцев обвивали
Венки из трав, в Европе неизвестных.
А лики их усталостью дышали,
Казалось, путь далекий и чудесный
Прошли пришельцы; ветры разделяли
Один поток на две струи; совместно
Текли их воды; словно в Сиракузах,
Где льнет Алфей к прекрасной Аретузе.

73

И старец тот, кто и лицом и нравом
Из двух казался более степенным,
К властителю прекраснейшей державы
Со словом обратился вдохновенным:

"О ты, чью доблесть, мужество и славу
Народы превозносят в восхищенье!
Мы, никогда не бывшие в оковах,
Отныне дань тебе платить готовы.

74

Я знаменитый Ганг, мое рожденье
Приветствуют небесные чертоги.
А друг мой - славный Инд, его теченье
Средь этих гор берет свои истоки.
Державы нашей плен и покоренье
Тебе усилий стоить будут многих,
Но все ж придет конец войне кровавой,
И ты пожнешь заслуженную славу".

75

И так сказав, умолкнул Ганг священный
И вместе с Индом в дымке растворился.
Восстав от сна, король благословенный
Немало чудным грезам подивился.
Уж светлый Феб в сиянье неизменном
На сонном небосклоне появился.
Заря зарделась нежно и счастливо,
Украсив мир румянцем роз стыдливых.

76

И на совет король собрал придворных
И о своем виденье рассказал.
Поведал им о всех красотах горных,
Слова святого старца передал.
Согласьем заручившись их, проворно
Готовить он армаду приказал,

Чтоб покорить просторы океана
И разыскать неведомые страны.

77

А я всегда смущенною душою
Предчувствовал свой жребий необычный.
Казалось, что завещано судьбою
Прервать мне было ход вещей привычный.
Сам государь беседовал со мною,
Мне сердцем доверяясь безгранично.
И в руки ключ вручил мне заповедный
От дальних стран и их богатств несметных.

78

И с ласковыми, добрыми словами
Ко мне король великий обратился,
Сказав: "Нет ничего под небесами,
Чего трудом бы смертный не добился,
Известно, что великими делами
Извечно край наш доблестный гордился.
И судьбы, кои подвиг завершает,
Бессмертными весь мир потом считает.

79

Я вас избрал для трудного деянья,
Чтоб край родной гордился им по праву,
Коль вы мое свершите приказанье,
Покроете страну родную славой".
Я отвечал: "Сквозь горе и страданья
Пройду я, чтоб возвысить честь державы,
Пройду сквозь пламень, снег и вихрь ужасный,

Коль в путь меня пошлет король отважный.

80

Велите мне, как Эврисфей Алкиду,
С Немейским львом на смертный бой решиться,
Спуститься в глубь зловещего Аида,
С Лернейской гидрой дерзостно сразиться.
Я с радостью, без страха и обиды
Согласен с жизнью милою проститься.
Я плотью и душой готов отныне
Пожертвовать родной земли святыням".

81

Король меня осыпал похвалами
И тем мой дух на подвиг укрепил,
Не раз одними добрыми словами
Мне прибавляло небо новых сил!
Мой брат любимый, Паулу да Гама,
Со мной по свету странствовать решил,
Дыша ко мне любовью бесконечной,
Надеясь к славе приобщиться вечной.

82

И Николай Куэлью, друг отважный,
В деяниях геройских закаленный,
Со мной к востоку плыть решил бесстрашно,
Стремясь душою к землям отдаленным.
Я взял с собой в путь дальний и опасный
Немало молодежи одаренной,
Восторженной, веселой и толковой,
К лишениям и подвигам готовой.

83

И наш король вознаградил примерно
Всех тех, кто к дальним странам устремился,
На подвиг вдохновил вассалов верных,
Сердечно с мореходами простился.
Вот так когда-то с гордостью безмерной
"Арго" великий в трудный путь пустился.
И первой славных миниев дружина
Решалась бури испытать Эвксина.

84

И в гавани Улиссеи прекрасной,
Где море воды Тежу поглощает,
Весь город в ранний час сынов отважных
С тревогой в путь далекий провожает.
Уж корабли в содружестве согласном
Средь светлых вод скитальцев поджидают,
И к ним стремится младость удалая,
С восторгом приключенья предвкушая.

85

И воины в нарядах разноцветных
Идут на берег моря чередою,
Готовые к деяниям бессмертным,
Рвясь к странам неизведанным душою.
И вымпелы колышет ветр приветный,
И волны тихо плещут за кормою,
И, как "Арго", все корабли армады
Способны к небу мчаться сквозь преграды.

86

С усердьем подготовив оснащенье
Для долгих и томительных скитаний,
Мы души приготовили к мученьям,
К тяжелым, бесконечным испытаньям,
Смиренно заклиная Провиденье
Нас сохранить в час горя и страданья,
Ведь призрак страшной смерти неотвязно
За мореходом в путь спешит опасный.

87

Мы в Вифлееме, близ святого храма,
Свой путь христолюбивый начинали
И робкими, чуть слышными словами
Господне милосердье призывали.
Туман стоял у всех перед глазами,
И слезы видеть берег нам мешали.
И ныне, государь, я уверяю,
Что наш отъезд с трудом припоминаю.

88

На пристани в содружестве печальном
Понурые сограждане стояли
И к странам неизведанным и дальним
В слезах родных и близких провожали.
Мы начали свой путь многострадальный
С того, что в храме службу отстояли.
И крестным ходом двинулись согласно
К своей армаде, мощной и прекрасной.

89

Нас матери-печальницы и жены
Погибшими заранее считали.

Отцы тоскливо издавали стоны
И сердце нам безжалостно терзали,
Смотря на нас тревожно, удрученно,
Нам муки и страданья предрекали.
Любовь им страх неистовый внушила
И все сомненья их усугубила.

90

Мать причитала: "Сын мой, сын несчастный,
За что меня ты радости лишаешь
И в старости унылой и ужасной
За что меня одну ты оставляешь?
Дитя мое! В скитаниях опасных
Младую жизнь ты погубить желаешь.
Зачем добычей рыб ты стать решился
И в странствия далекие пустился?"

91

И, косы распустив, жена рыдала:
"О мой супруг, вы мной не дорожите,
И жизнь, что мне всегда принадлежала,
Бездумно злому морю вы дарите.
Чем ваше недовольство я снискала?
За что вы от меня стремглав бежите?
Без вас Амур мне жить не позволяет,
А вас страна далекая пленяет".

92

А старики и дети в отдаленье
Рыданьям горьким вторили в печали
И, руки простирая к нам в волненье,
Остаться дома дружно заклинали.

Казалось, что холмы в немом смятенье
Рыданьем нашим близким отвечали.
И поглощали белые песчинки
Немых холмов прозрачные слезинки.

93

Мы проходили к кораблям прекрасным,
На бедных женщин глаз не подымая,
Чтоб в час отплытья, скорбный и ужасный,
Не сокрушила нас печаль лихая.
Мы избежали проводов напрасных,
Усугублять страданья не желая,
Обычай сей лишь умножает муки,
Что нам несет жестокая разлука.

94

Но вдруг старик, чей вид благопристойный
Внушал толпе шумливой уваженье,
Тряхнул главой три раза беспокойно,
На нас взирая в горестном волненье,
И возопил, да так, что шум прибойный
Не заглушил тех горестных речений,
Что обратил к нам старец распаленный,
Годами долгой жизни умудренный:

95

"О тщетная, бессмысленная слава,
О суеты безумной воплощенье!
К тебе, забыв о войнах и забавах,
Стремятся все с неистребимым рвеньем!
Ты покоряешь земли и державы,
Играешь миром в дерзком упоенье,

Несешь ему погибель и страданья,
И тяготы жестоких испытаний.

96

Даришь ты миру войны и разбои,
Измены, преступленья и злодейства,
Отсутствие душевного покоя,
Убийства, мятежи, прелюбодейства.
Играешь ты безумною толпою,
Империи крушишь и королевства,
Но есть всегда невежды, что охотно
Тебя считают Славой Благородной.

97

Какие беды, муки и лишенья
На наше государство ты обрушишь?
В каких еще ужасных злоключеньях
Свою немилость к нам ты обнаружишь?
Чем увлечешь младое поколенье
И чем его спокойствие нарушишь?
Что посулишь ему? Какие беды?
Какие лавры, перлы и победы?

98

А ты, Адама бедного потомство,
Ослушника, который справедливо
Был изгнан за грехи и вероломство
Из рая в край убогий и тоскливый,
И в наказанье за свое упорство
Век золотой, невинный и счастливый,
Он навсегда, безумец, потерял

И в век железный навсегда попал!

99

Фантазии бесплодной предаваясь,
Свирепость ты геройством объявило
И, суетой безумной упиваясь,
Подвергнуть жизнь опасности решило.
Сомнительной отвагой отличаясь,
Ты цену жизни, видно, позабыло,
Хоть в смертный час ей свято дорожил
И тот, кто жизнью всех нас одарил.

100

Но если жаждешь битвы ты кровавой,
То разве нет неверных в поднебесной,
С которыми за честь родной державы
Померяться ты силой можешь честно?
Их города отстроены на славу,
И земли их богатствами известны.
Коль ты Христову веру защищаешь,
Почто ты с мавром биться не желаешь?

101

Ты у дверей неверных оставляешь,
Ища вдали неведомых сражений,
Судьбой родной страны пренебрегаешь,
Ее бросая в жалком запустенье.
Ты в Индии победы предвкушаешь
И в Персию стремишь свое движенье,
В Аравии стяжать желаешь славу,
Забыв о предков доблестных державе.

102

О! Ныне я, несчастный, проклинаю
Того, кто первым к дереву сухому
Приладил парус, лодку создавая,
Стремясь мечтой к заливам незнакомым.
Он пламя ада заслужил, я знаю,
Он в преисподней брег найдет искомый.
Пускай в веках следа он не оставит
И собственное имя обесславит.

103

Когда-то, человечество жалея,
Сын Япета с огнем к нему спустился,
И от огня безумца Прометея
Весь мир в огонь сражений погрузился.
Зачем, мечту несчастную лелея,
Спокойствием ты нашим поступился,
О Прометей! Пускай бы огнь желаний
Не распалял бездумных начинаний.

104

Не будь тебя, возница несмышленый,
Не опалил бы землю при паденье,
Не испытал бы зодчий искушенный
Над лабиринтом рук своих творенье,
Не рвался к небесам бы дух стесненный,
Оставил бы пустые помышленья
И не искал бы чуждых, дальних стран.
О, жалкий рок и горестный обман!"

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

1

Пока старик, годами умудренный,
К нам обращал бесплодные призывы,
Нас вывел в море ветр неугомонный,
Нам паруса наполнив торопливо.
К родным брегам взор обратив влюбленный,
Мы бороздили волн жемчужных гривы
И криками окрестность оглашали,
Себе пути счастливого желали.

2

А в эти дни бессмертное светило
К Немейскому пределу приближалось.
И время век шестой уже пробило,
Которым дряхлость мира измерялась.
А солнце новый день уж озарило,
Немало лет в пути оно скиталось,
Пока в году, завещанном от Бога,
Не вышел флот в далекую дорогу.

3

Уже из виду быстро удалялись
Родной страны прекрасные просторы.
Пред нами волны Тежу расступались,
В глухом тумане Синтры скрылись горы.
Мы со слезами с Родиной прощались,
К брегам далеким обращали взоры,
Но час настал, когда очам предстали

Лишь синь небес да волн могучих дали.

4

Так открывали земли мы и страны,
Безвестные прошедшим поколеньям,
Лишь Генрих наш, старатель неустанный,
К брегам стремился этим в нетерпенье.
От флота слева встали из тумана
Антея легендарного владенья.
Была ли суша справа, мы не знали,
Но все же брег увидеть ожидали.

5

Затем Мадейры шумные дубравы
Мы с рьяным любопытством миновали.
Здесь, расширяя рубежи державы,
Селенья наши предки основали.
Но земли эти негасимой славы
Еще в подлунном мире не стяжали.
Но, коль захочет нежная Венера,
Затмит Мадейра Пафос и Цитеру.

6

Затем брега Массилии пустынной
Пред нами в наготе своей открылись.
В безводных, солнцем выжженных долинах
Берберы-скотоводы поселились.
И птицы, обитая на равнинах,
Железом испокон веков кормились.
Но земли мы оставили берберов
И дале к югу устремились смело.

7

Мы перешли незримые границы,
Где солнце бег на север замедляет
И по вине несчастного возницы
Туземцев темной кожей награждает.
Там Сенегал стремительный струится
И берег раскаленный орошает.
И там мыс Арсинои наши предки
Зеленым мысом окрестили метко.

8

Мы миновали острова Блаженных
(Канарскими их ныне называют)
И бег свой устремили дерзновенно
Туда, где Гесперид обитают.
С упорством небывалым, неизменным
Там наши братья море покоряют.
И там пристали мы по воле Бога,
Чтоб запастись провизией в дорогу.

9

Гостеприимный остров нас встречал,
Что принял имя славного Сантьяго,
Того, кто в битвах с мавром придавал
Полкам испанцев силу и отвагу.
Потом Борей нас снова в путь погнал,
Мы в океан направились без страха,
Оставив те прекрасные владенья,
Где мы вкусили миг отдохновенья.

10

И с запада мы вскоре обогнули
Все побережье Африки бескрайней,
Мандингу изобильную минули,
Что золотом богата чрезвычайно.
И к Гамбии коварной повернули,
Проделав путь томительный и дальний
И повидав туземцев чернокожих,
На нас лицом и нравом непохожих.

11

Мы острова Доркадские видали,
Там в давнее неведомое время
Три страшные Горгоны обитали,
Жестоко поступавшие со всеми.
На всех один лишь глаз им боги дали,
Вложив им в сердце ненависти семя,
Когда Медуза злая умирала,
То кровь ее змей страшных порождала.

12

Взрезая воды острыми носами,
Суда летели к югу неуклонно.
Мыс Пальмовый остался за волнами,
И скрылась вдалеке Сьерра-Леоне,
Затем река мелькнула перед нами,
Маня к себе красой своих затонов,
Близ острова затем проплыли мы
Владения Неверного Фомы.

13

Мы королевство Конго повидали,
Где наши братья веру утвердили,

Заир прекрасный быстро миновали
И вновь в открытый океан поплыли.
Просторов этих древние не знали,
И южных волн они не бороздили.
Прошли рубеж мы раскаленный вскоре,
Что делит пополам и сушь, и море.

14

И в новом полушарии встречало
Нас новое созвездье ярким светом,
Оно пустое небо озаряло,
Даря нас нежной лаской и приветом.
До нас оно скитальцам не сияло,
Лишь мы свеченьем любовались этим
В таинственных неведомых просторах,
Где край земли граничит с краем моря.

15

Мы увидали те места благие,
Где дважды в год Феб ясный пребывает.
Два лета в год и две зимы сухие
Тем землям он исправно посылает.
Нам встретились и те валы лихие,
Что в гневе к небесам Эол вздымает.
Мы зрели, как Медведицы купались
И ярости Юноны не боялись.

16

Я не хочу подробно изъясняться,
Описывая многие явленья,
Которым нам случалось удивляться
И кои б ваше вызвали смятенье.

Грозой нам доводилось любоваться
И видеть молний яркое свеченье,
Которое полнеба зажигало
И в мрачном море вскоре исчезало.

17

Я видел происшествия такие,
О коих после долгих похождений
Твердят повсюду моряки простые,
Знакомых вызывая удивленье.
Их с недоверьем слушают иные,
Рассказы эти ставя под сомненье,
Поскольку ни рассудок, ни познанья
Такое объяснить не в состоянье.

18

Живой огонь я наблюдал воочью
(Его святым на море почитают),
В час непогоды средь кромешной ночи
По мачтам зыбко огоньки блуждают.
Узрел немало странностей я прочих,
Друзья мои со мною вспоминают
О том, как облака трубой огромной
Тянули к небу океана волны.

19

Я видел, как струею подымался
Над морем пар, и ветра дуновеньем
Он в облачко подвижное свивался
И уносился ввысь к небесной сени.
Так быстро он в воронку собирался,
Так плавно совершалось вознесенье,

Что мы следили взглядом изумленным
За чудом, небесами сотворенным.

20

Воронка постепенно расширялась,
Над главной мачтой грозно нависая,
То над волною пенной утолщалась,
Как будто грозный вихрь в себе вмещая,
То, ветром поколеблена, сжималась,
Всю мощь свою в мгновение теряя.
И вскоре в столп огромный превратилась
И к небесам зловещим устремилась.

21

Так красная пиявка, что терзает
Животное, пришедшее напиться,
В воде его прохладной поджидает,
Спеша в губу запекшуюся впиться,
И, крови наглотавшись, разбухает,
Спеша пьянящей влагой насладиться,
Так и колонна быстро утолщалась
И с черной тучей над водой сливалась.

22

А небо, спешно жажду утолив,
Мгновенно столп огромный поглотило
И, соль морскую в тучах распылив,
Всю влагу океану возвратило.
Дождем ее живительным пролив,
Волненье моря сразу усмирило.
Так много тайн огромный мир скрывает,

Что разум их не сразу постигает.

23

Когда бы в век далекий, стародавний
Философы почтенные узнали
О сих явленьях, странных и забавных,
Они б о том немало размышляли!
Когда б, гонимы ветром своенравным,
Они со мной в скитаньях побывали,
Поведали б монархам и народам
О власти звезд прекрасных над природой!

24

Но вот уже пять раз пройти успела
Вдоль первой сферы светлая планета,
То прятала по л-лика, то хотела
Весь лик явить, мир озаряя светом.
И мы вступили в дальние пределы.
И, близкой суши углядев приметы,
Вдруг с верхней мачты закричал дозорный:
"Земля, земля!" - созвав друзей проворно.

25

По облакам мы угадать решили,
Куда нас нынче занесло ветрами.
Мы паруса поспешно зарифили,
И вытащили цепи с якорями,
И инструмент чудесный обновили,
Придуманный седыми мудрецами.
Он нами астролябией зовется
И в странствия далекие берется.

26

И мы на брег неведомый ступили,
Желая мир таинственный узнать.
Ведь в том краю, где мы пристать решили,
Другие не успели побывать.
Передо мной приборы разложили,
Я высоту стал солнца замерять,
Спеша найти с усердьем неизменным
Тех мест расположенье во вселенной.

27

Узнали мы, что флот наш обретался
Меж полюсом и кругом Козерога.
И вскоре нам туземец повстречался,
Мед собирал на горных он отрогах.
Я темным ликом негра любовался,
Хоть он казался диким и жестоким.
Туземца мы немедля обступили
И с ним наперебой заговорили.

28

Хоть он, как Полифем, был дик и страшен
И мы его речей не понимали,
Но образцы товаров самых разных
Суровому туземцу показали.
Ни серебро, ни злата блеск прекрасный
Испуганного негра не прельщали,
На пряностей запасы ароматных
Глядел он с равнодушьем безотрадным.

29

Тогда пред ним попроще украшенья
Мы на земле поспешно разложили,
И бус стеклянных яркое свеченье
Глаза туземца сразу оценили.
Берет схватил он алый в нетерпенье,
Бубенчики тотчас его прельстили,
Забрав весь скарб, он тотчас в путь пустился,
К своим единоверцам устремился.

30

Наутро к нам толпой с холмов окрестных
Туземцы чернокожие спустились.
К сокровищам тянуло их железным,
И к ним нагие негры устремились.
Они с таким восторгом безмятежным
Вокруг безделиц этих суетились,
Что, отвергая осторожность всуе,
Велозу с ними в даль пошел лесную.

31

В неведенье он полагал, как видно,
Что будет встречен добрыми друзьями.
Не взяв с собой оружья, беззащитный,
Он скрылся меж окрестными холмами.
Тревожась о собрате любопытном,
Мы вдаль смотрели зоркими очами.
Вдруг на холме герой наш показался
И прямо к морю со всех ног помчался.

32

Он к кораблю Куэлью направлялся,
Но эфиоп по скалам придорожным

В погоню за несчастным увязался,
Созвав все племя варваров безбожных.
Уже, казалось, с жизнию прощался
Навеки мореход неосторожный,
И я решил грести ему навстречу,
Предвидя неизбежно злую сечу.

33

Нас стрелами туземцы забросали
И перебить каменьями хотели.
Врасплох нас чернокожие застали
И даже ногу мне пронзить успели.
Но мы врагам ответ достойный дали
И навсегда отвадить их сумели,
Мы гордо носим алые береты
На память о кровавой битве этой.

34

И вновь на корабли мы погрузились,
Едва Велозу бедного спасли,
И нравам необузданным дивились
Суровой, неприветливой земли.
Прочь от брегов мы диких устремились,
Тем более что кафры не могли
Нам рассказать об Индии желанной,
Куда мы путь держали невозбранно.

35

Тогда сказал, к Велозу обращаясь,
Один из развеселых моряков:
"Послушай, друг, ты был бойчей, спускаясь
С холма под крики черных удальцов,

Чем в даль лесную гордо удаляясь".
"Ну да, - сказал Велозу, - я таков.
Я вспомнил, что друзья одни остались,
И прибежал, чтоб вы не испугались".

36

Он рассказал, что злые негодяи
Его в горах толпою окружили
И, путь в лесную чащу преграждая,
Убить его, несчастного, грозили.
И, наше приближенье предвкушая,
На нас они засаду учинили,
Чтоб славный флот безжалостно разграбить,
А нас навеки в царство тьмы отправить.

37

Потом пять солнц в пути мы повстречали
И, ветром странствий в дальний путь гонимы,
Неведомые волны рассекали,
Чтоб славу укрепить страны любимой.
Однажды мы на палубе стояли,
Тоской по дому отчему томимы,
Как вдруг нам туча черная явилась
И в небе безраздельно воцарилась.

38

Она своей громадой подавляла
И, ужас и смятенье в нас вселяя,
Крик горький и протяжный издавала,
Как будто морю в гневе угрожая.
И я вскричал: "За что ты нас избрала
На муку, сила страшная, слепая,

Зачем на нас погибель насылаешь
И что от нас, несчастных, ты желаешь?"

39

И вот средь волн могучих, горделивых,
Нам чудище громадное явилось.
Казалось, в бороды его извивах
Ветров ватага мощная скопилась.
Над гладью вод нечесаная грива,
Как стая змей огромных, шевелилась.
Из уст прикрытых зубы выпирали
И желтизной зловещей отдавали.

40

С огромными своими телесами
Оно Колоссом древним нам казалось,
Той статуей, что Родоса сынами
Как чудо света прежде почиталась.
Утробный глас раздался вдруг над нами,
Как будто море в ярости терзалось.
И дыбом наши волосы стояли,
Пока мы в страхе чудищу внимали.

41

Оно сказало: "О народ бесстрашный,
Прославленный великими делами,
Зачем ты в путь отправился ужасный,
Куда летишь под дикими ветрами?
Пройти предел запретный и опасный,
Промчаться над могучими валами
Ты жаждешь и тревоги и волненья

Несешь в мои бескрайние владенья.

42

Ты мощной, необузданной природы
Изведаешь заветнейшие тайны,
К которым тщетно многие народы
Стремились с алчностью необычайной.
И ждут тебя войны жестокой годы,
Морей ты покоришь простор бескрайний,
Но ныне ты о горестях узнаешь,
Что близ моих владений испытаешь.

43

Немало кораблей, что в путь далекий,
Меня минуя, захотят промчаться,
Предам я вскоре гибели жестокой,
Чтоб было неповадно им скитаться.
И первый флот, что выйдет в путь-дорогу,
К моим владеньям думая прорваться,
Подвергну я без всяких сожалений
Неслыханным терзаньям и мученьям.

44

Я на главу того обрушу мщенье,
Кто первым к берегам моим пристанет.
Водоворотов вечное круженье
Близ этих мест встречать вас вскоре станет.
И много раз жестокое крушенье
Здесь корабли грядущие изранит.
И, побывав в безумной круговерти,
Здесь португал начнет молить о смерти!

45

И здесь найдет могилу тот несчастный,
Чья слава в вышине небесных сфер
Звучала долго песней сладкогласной
Здесь Бог положит дням его предел.
С армадой турок в бой вступив опасный,
Победой возвеличив свой удел,
В моих волнах трофеи он оставит
И тем меня немало позабавит.

46

Затем другой, умом, отвагой, славой,
Учтивостью и доблестью известный,
Отправясь к берегам родной державы
С супругой благородной и прелестной,
Что сам Амур вручил ему по праву,
В шторм попадет близ скал моих отвесных
И уцелеет в яростном крушенье,
Чтоб претерпеть тягчайшие мученья.

47

Увидит он, как чада дорогие
От голода свирепого увянут,
Как кафры, беспощадные и злые,
Наряд богатый с юной дамы стянут,
Как прелести красавицы нагие
От горьких мук иссохшимися станут,
И камни ноги нежные изранят,
А слезы лик печальный затуманят.

48

И, пережив несчастья роковые
И горькие безумные страданья,
Герой и дама в дебри вековые
Отправятся на новые терзанья,
Их быстро скроют заросли лесные,
Впитают камни горькие рыданья,
И скорбный дух уйдет в ночную тьму,
Покинув тела хилого тюрьму".

49

Чудовище, проклятья изрыгая,
Свои к нам обращало предсказанья.
И я вскричал: "Скажи нам, сила злая,
Кто ты? За что столь горькие страданья
Ты нам сулишь, свирепостью пылая?"
И тут же нас объяло содроганье,
Когда оно крик боли испустило
И с тяжким стоном вдруг заговорило:

50

"Я страшный мыс, хранитель вечной тайны.
И Мысом Бурь меня вы окрестили.
О таинствах моих необычайных
Ни Плиний, ни Страбон не говорили.
И Африки полуденной окраин
Помпоний с Птолемеем не открыли.
Я Африку собою замыкаю
И к Антарктиде взоры обращаю.

51

Адамастор я, сын Земли могучей
И Бриарею брат и Энкеладу.

Когда, томимы ненавистью жгучей,
С Юпитером Земли сражались чада,
Не горы громоздил я выше тучи,
А гнался за Нептуновой армадой,
Желая воцариться безраздельно
Над гладью океана беспредельной.

52

Любовь к жене божественной Пелея
Меня на бой неравный вдохновила.
Однажды видел я, как дочь Нерея
Из пены вод на берег выходила.
Красу ее нагую лицезрея,
Я погибал, неведомая сила
Меня могучей страстью наполняла,
К ногам моей избранницы толкала.

53

Она же, моего пугаясь виду,
В морских глубинах в тот же миг сокрылась.
Я стал молить почтенную Дориду,
Чтоб за меня пред дочкой заступилась.
Но рассмеялась нежная Фетида,
Едва с ней мать заговорить решилась.
"Где силу взять, - рекла она невинно,
Чтоб справиться с косматым исполином?

54

Но передай, пожалуй, великану,
Что я о нем подумать обещаюсь,
Пусть прекратит войну на океане,
А я в него влюбиться постараюсь",

Она сказала. Я ее обману
Поверил, неразумно обольщаясь
Прелестницы коварной обещаньем
(Тот, кто любил, поймет мои страданья.)

55

Я от войны на море отказался
И раз в ночи Фетиду повстречал.
Красой ее средь волн залюбовался,
К груди прижать богиню возжелал.
Обнять нагое тело я пытался,
К ее плечам ладони простирал
И целовал в слепом самозабвенье
Ее ланиты, перси и колени.

56

О, тщетно я мечтаньям предавался,
И с мыслью, что красавицу ласкаю,
Я со скалой огромной обнимался,
С лобзаньями к каменьям припадая.
Пока в любви я милой объяснялся,
За лик небесный камень принимая,
Я вдруг обличья своего лишился
И сам в утес скалистый превратился.

57

О нимфа, чаровница океана,
За что так зло со мной ты поступила?
Разрушив путы моего обмана,
Меня мечты сладчайшей ты лишила.
И я поплыл, тоскою обуянный,
Меня страданье горькое томило.

Пристал я наконец к земле далекой,
В своей любви и муке одинокий.

58

Мои родные братья в это время
От унижений тягостных терзались.
Неся невзгод и пораженья бремя,
Под скалами богами содержались.
Я был, однако, разлучен со всеми,
И надо мною Парки посмеялись,
Придумав мне такое наказанье,
Что я горючим предаюсь рыданьям.

59

И плоть моя навеки отвердела.
Тугие кости в камни обратились,
И над волнами вознеслося тело,
В огромный мыс все члены превратились.
Так боги отомстили мне умело,
Страдания мои усугубились
Тем, что в ночи близ скал моих отвесных
Фетиды появлялся лик прелестный".

60

Так возвестив, гигант в глухих рыданьях
От нас, несчастных, наконец отстал.
И, двинувшись в дальнейшие скитанья,
По небу черной тучей пробежал.
Воздел с молитвой к Господу я длани
И ангела-хранителя призвал,
Чтоб оградил нас от мучений страшных,

Которые гигант предрек ужасный.

61

Но вот средь туч рассветных появилась
Сияющего солнца колесница
И над суровым мысом засветилась
Веселая красавица-денница.
Армада наша вновь заторопилась
К востока изобильного границам.
От мыса прочь мы спешно удалились,
Но вскорости к земле пристать решились.

62

Хоть в той земле извечно обитало
Воинственное племя эфиопов,
Но нас оно приветливо встречало,
На берег тут же выбежав всем скопом.
Все населенье в нашу честь плясало,
К нам с гор спустившись по отвесным тропам,
И женщины к нам черные спешили
И скот домашний за собой тащили.

63

На бычьих спинах гордо восседали
Брегов далеких смуглые матроны.
Быков своих туземцы почитали
И их пасли на гор отвесных склонах.
Свирели нежной звуки нас встречали,
Туземцы соблюдали рифм законы
И Титира каменам подражали,
И слух наш песнопеньем услаждали.

64

С улыбкой нас встречая безыскусной,
Нам эфиопы щедро предложили
Провизии немало очень вкусной
И отдохнуть нас всячески молили.
Но мы, не зная их наречий звучных,
От их брегов отчалить поспешили,
Не разобрав из их речей гортанных,
Как нам доплыть до Индии желанной.

65

Мы берег африканский обогнули
И к жаркому экватору помчались,
Прочь от снегов полярных повернули
И долго южным небом любовались.
Скалистый остров вскоре мы минули,
Где чада Луза некогда скитались,
Прибыв туда с могучею армадой,
Мыс Бурь для нас открывшею когда-то.

66

И снова в путь нелегкий мы пустились,
Познав затишья, бури, ураганы.
И новые дороги нам открылись,
И звали нас неведомые страны.
И с бурным морем доблестно мы бились,
Стремясь к брегам заветным неустанно,
Но встречное упорное теченье
Замедлило вдруг наше продвиженье.

67

Громаду волн стремглав на нас обрушив,
Оно назад нас обратить хотело.
И, к нам свою немилость обнаружив,
На нас, несчастных, в ярости ревело.
Но все ж упрямый Нот спас наши души,
И с силою, не знающей предела,
Боролся он с неистовым теченьем
И вышел победителем в сраженье.

68

Взошла над морем новая заря,
Лучи дня незабвенного светились,
В который три премудрые царя
К Христу-младенцу в Вифлеем явились.
И снова ожидала нас земля,
Опять пристать мы к берегу решились.
И в честь царей премудрых окрестили
Реку, что средь чужой земли открыли.

69

Тут мы воды запасы обновили,
Вкусили отдых средь чужих владений
И путь продолжить вскоре поспешили,
Оставив те брега без сожалений,
Поскольку, о король, не в силах были
Мы разуметь невнятные реченья
Племен земли далекой и узнать,
Куда дорогу дале нам держать.

70

Представь себе, король, как изнурили
Нас всех чужие берега и страны,

Как буря нас и голод истомили,
Как исхлестали волны океана!
Отчаяньем надежду мы сменили,
Устали от страданий беспрестанных
И думали, что небо будет вечно
Нас мукам подвергать бесчеловечным.

71

Все снасти повредили мы в скитаньях
И, ослабевши бренными телами,
Оставив все надежды и мечтанья,
Метались над свирепыми волнами.
Скажи, король, коль эти вот страданья
Не с Луза приключились бы сынами,
Сумели бы они не взбунтоваться
И государю верными остаться?

72

Поверишь ты, что племя бы другое
Осталось в подчиненье капитана
И, встав на путь пиратства и разбоя,
Не захватило б кораблей обманом?
Лишь с португальской верною душою,
Что к подвигам стремится неустанно,
Возможно претерпеть и шторм, и голод,
И гнев стихий, и долгой ночи холод.

73

Но все ж с рекой мы хладной разлучились
И, возвратившись вновь к соленым водам,
От берега заметно отклонились,
Идя навстречу будущим невзгодам.

В открытом море дерзко мы носились,
Гонимые неутомимым Нотом,
И так нас буйным ветром потрепало,
Что не смогли причалить мы в Софале.

74

В надежде на святого Николая
Еще мы долго среди волн блуждали.
Ему рули и паруса вверяя,
Немало тягот снова испытали.
И вдруг, в тоске щемящей изнывая,
Вдали туманный берег увидали.
Нас робкие надежды окрылили,
И к новым мы свершеньям поспешили.

75

Мы видели, что к водам океана
Большой реки теченье подходило,
И лодок неизвестных караваны
К нам повернули белые ветрила.
Подумав, что об Индии желанной
Сюда молва, быть может, доходила,
Мы духом наконец приободрились
И к смуглым незнакомцам устремились.

76

Хотя они и были эфиопы,
Но кое-что нам все же объяснили.
Мы в их речах без трудности особой
Арабских слов немало уловили.
Туземцы привечали нас без злобы,
Мы их одежды рассмотреть спешили.

Их головы тюрбаны украшали,
А чресла их повязки прикрывали.

77

С трудом слова арабов подбирая,
Туземцы нам охотно объяснили,
Что часто, океан пересекая,
Купцы у них богатые гостили.
В больших ладьях по морю приплывая,
Немало им товаров привозили.
На радость нам Мартинш без промедленья
Переводил все эти объясненья.

78

Туземцев речи дух наш укрепили,
Надежду и покой вернули нам.
Рекою Добрых Знаков окрестили
Мы тот поток, что протекает там.
И столп в земле далекой водрузили,
Чтоб пригрозить бушующим волнам.
Тот столп хранил архангел, что когда-то
Был Товии надежным провожатым.

79

И наконец мы время улучили,
Чтоб счистить с килей водорослей ворох.
Мы паруса и снасти подновили
И соскребли с бортов ракушек горы,
Вокруг туземцы толпами бродили
И к нам с приязнью обращали взоры.
Мы искренность сердец их уважали

И на добро добром им отвечали.

80

Недолго мы блаженством наслаждались
На лоне благосклонной к нам природы,
Рамнузии отмщенья мы дождались,
Опять на нас обрушились невзгоды.
И в наши судьбы небеса вмешались,
Так повелось на свете год от года:
Страданья нас годами угнетают,
А радости мгновенно покидают.

81

От гибельной, неведомой болезни
Мои друзья безвинно пострадали.
И у брегов далеких, неизвестных
В страданьях беспримерных умирали.
Представь себе, о властелин любезный,
Что десны гнить внезапно начинали.
И рты страдальцев гниль переполняла
И бедных мореходов отравляла.

82

Тяжелый смрад, что исходил от гнили,
Грозил нам неизбежным зараженьем.
Душой терзаясь, мы не в силах были
Своих друзей избавить от мучений.
Когда бы мы хирурга захватили,
Он удалил бы эти нагноенья,
Ведь нож - он жизнь порою пресекает,
Порой - жизнь обреченным возвращает.

83

Навек в глуши неведомой остались
Друзья несчастий наших и скитаний.
Мы с горьким сердцем с ними расставались,
Кляня суровость наших испытаний.
Как быстро славной жизни дни промчались,
Как скоро все померкли упованья!
Волна морская иль пригорок пыльный
Всегда готовы стать холмом могильным.

84

Покинули мы край тоски и горя,
Решив искать на свете лучшей доли.
И вновь пустились в путь в бескрайнем море,
Чтя государя доблестного волю.
Так к Мозамбику мы приплыли вскоре
И столько настрадались там, что боле
Я не хочу к сим мукам возвращаться
И памяти дней скорбных предаваться.

85

Но все ж, как видно, сжалилось над нами,
Нас пощадив, святое Провиденье.
Желанный отдых мы вкушаем с вами,
Былые муки предаем забвенью.
Душевный мир дарован вам богами,
Здесь тот, кто жив, познает наслажденье,
А мертвый здесь воскреснет, чтобы снова
Познать всю прелесть мира всеблагого.

86

Теперь скажи, властитель справедливый,
Кто, как не мы, морей познал кипенье?
Ты думаешь, Улисс велеречивый
Прошел сквозь столько тягот и мучений?
И сам Эней, герой благочестивый
И вдохновитель дивных песнопений,
Скажу тебе спокойно, без пристрастья,
Не испытал того и сотой части.

87

Ведь славный старец, к влаге Аонийской
Приникший воспаленными устами,
Семь городов и весей ионийских
Втянувший в спор, что тянется веками,
И тот другой, кудесник Авзонийский,
Возлюбленный великими богами,
Что Родину могучую прославил
И память нам о римлянах оставил,

88

Вещали, как скитались полубоги
Средь Полифема сказочных владений,
К Цирцее приводили их в чертоги,
Сирен прекрасных воскрешали пенье,
Киконов измышляли нам жестоких
И лотос, всем дарующий забвенье,
И на героев беды насылали.
И лоцманов любимых их лишали.

89

То их в Аид зловещий отправляли,
То к Калипсо бросали их в объятья,

То гарпиям их пищу отдавали,
То страшным подвергали их проклятьям.
Так баснями умы они пленяли,
А я же без утайки и изъятья
Поведал ныне правду вам простую,
Что превосходит выдумку любую!"

90

Всех капитан сумел заворожить,
Восторг всеобщий речь его снискала.
И смог король туземный оценить
Тех, кто державе положил начало,
Кто смог врагов смертельных разгромить,
Чью доблесть слава вечная венчала.
Он восхищался мужеством народа
И храбростью бывалых мореходов.

91

Из уст в уста средь свиты расходились
Известия о доблестных скитальцах.
Их мужеству придворные дивились,
Глаз не сводили с гордых португальцев.
Но вот уж над волнами появились
Те кони, коих Фаэтон-страдалец
Не удержал. Они скрывались в море,
И во дворец король вернулся вскоре.

92

Как сладостно звучит повествованье
О мужестве, о дней прошедших славе!
Оно сердца на добрые деянья
Толкает, возвышая честь державы.

И юношей зовет на поле брани,
Их заставляя позабыть забавы,
И зависть в них здоровую рождает
К героям, коих лира воспевает.

93

Сам Александр не столько вдохновлялся
Ахилла незабвенного делами,
Как песней он бессмертной упивался,
Гомера несравненного стихами.
И Фемистокл недаром признавался,
Что Мильтиада боевое знамя
И лавры, что героя увенчали,
Ему никак покоя не давали.

94

И Гама твердо доказать решился,
Что меркнет слава прежних мореходов,
Которыми доныне мир гордился,
Пред подвигом святым его народа.
Когда б великий Август не стремился
Возвысить Мантуанского рапсода,
То вряд ли тот проникся бы желаньем
Воспеть Энея храброго деянья.

95

Родит отчизна наша Сципионов,
И Цезарей, и Августов немало.
Но все ж под лузитанским небосклоном
Еще пора такая не настала,
Когда король бы чтил стиха законы,
Как Август просвещенный, что, бывало,

Слагал стихи о Фульвии несчастной,
Оставленной Антонием напрасно.

96

Пусть Цезарь галлов покорил мятежных
Война его от муз не отвращала.
Когда он оставлял свой меч железный,
То с твердостью рука перо сжимала.
И Сципион, бесстрашием известный,
Комедией был увлечен немало.
А Александр Гомером упивался,
С поэмами его не расставался.

97

Средь римских и ахейских капитанов
Невежд, глухих к искусству, не водилось.
Средь португальцев только, как ни странно,
К поэзии любовь не воцарилась.
Я повторяю с болью, неустанно,
Что больших бы побед страна добилась,
Когда бы муз прекрасных почитала
И звонких рифм созвучья понимала.

98

Раз нет у нас Гомеров вдохновенных
И песни нам Вергилия невнятны,
Не будет и Энеев дерзновенных,
Ахиллы не свершат свой подвиг ратный.
Сердца людей постигнет омертвенье,
Не воссияет свет им благодатный,
Их души безнадежно огрубеют,

В невежестве постыдном закоснеют.

99

И должен быть наш Гама благосклонным
К тем музам, что дела его воспели
И, движимы любовью прирожденной
К отчизне, ей хвалу сложить сумели.
Он, славной Каллиопой обделенный,
Чуждался муз веселых с колыбели.
Нимф Тежу избегал, не зная рвенья
Героем стать чудесных песнопений.

100

А нимфы Тежу с нежностью внимали
О подвигах и странствиях сказанью,
Мой скромный труд с восторгом восхваляли
И песнь мою встречали с ликованьем.
О, если б и герои понимали,
Что наши лиры, славя их деянья,
Бессмертием их щедро одаряют
И дверь пред ними в вечность отворяют!

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

1

Язычников достойный повелитель
В честь мореходов празднество устроил,
Желая, чтобы христиан властитель
Его своей приязни удостоил.
Он сокрушался, что его обитель
Так далеко заброшена судьбою.
Он предпочел бы близ столбов Алкида
Отдаться лузитанам под эгиду.

2

С восторгом португальцы предавались
Забавам средь друзей иноплеменных.
Охотно рыбной ловлей развлекались,
Как с Клеопатрой некогда Антоний.
Для них пиры богатые давались
Туземцами с радушием исконным.
Плодами их и дичью угощали,
Подарками их щедро одаряли.

3

Но свежий ветер, бурный и задорный,
Звал в океан могучий капитана.
Провизией запасся он проворно,
А тут явился кормщик долгожданный,
И капитан с печалью непритворной
Простился с властелином чужестранным,
Его радушье восхвалил сердечно,

Принес ему обеты дружбы вечной.

4

Просил у короля он дозволенья,
Чтоб каравеллам Лузова народа
Был вход всегда открыт без затрудненья
В его державы ласковые воды.
И в дружеском желал расположенье,
Чтоб крепло государство год от года,
Чтоб процветал народ великодушный,
Премудрому властителю послушный.

5

Сказав еще немало слов любезных,
Сердечно Гама с королем простился
И в край Авроры, юной и прелестной,
По водам бесконечным устремился,
Взял верный курс немедля кормщик честный,
Весь флот его приказам подчинился,
И двинулась могучая армада
В край красоты, богатства и отрады.

6

Взлетая на волнах, моря Востока
Армада Луза гордо бороздила,
Но вновь задумал Тионей жестокий
Поднять на португальцев злые силы.
Он не хотел их зреть в краю далеком,
Близ колыбели ясного светила.
Ругал он племя Луза в озлобленье,
Решив прервать армады продвиженье.

7

Небес высоких всемогущей волей
Род Луза возвышался неуклонно.
Ему желало небо лучшей доли,
Чтоб новый Рим создать из Лиссабона.
И, распаляясь злобою все боле,
Сошел с Олимпа Вакх неугомонный
И в царство океанское спустился,
К Нептуновым чертогам устремился.

8

Пройдя сквозь вод таинственных глубины,
Узрев валов стремительных рожденье,
Спустился хитрый Вакх на дно пучины
И устремился к гротам сокровенным.
Морских божеств огромные дружины
Там обитали средь стихии пенной.
На дне твердыни градов возвышались,
А в них богов чертоги размещались.

9

Кругом песка серебряного груды
Дно моря-океана устилали.
И башни лучезарные повсюду
Подводные пространства украшали.
Таинственным сияньем изумруды
Владения Нептуна озаряли.
Хрусталь с алмазом в блеске состязался,
Сиянием цветным переливался.

10

А на вратах Нептуновых чертогов
Жемчужины и золото сияли.
Кругом скульптуры чередою строгой
Взгляд дерзостного Вакха поражали.
И древний хаос пред очами бога
Предстал, а рядом своды украшали
Четыре всемогущие стихии,
Природы мудрой слуги вековые.

11

Вверху огонь, могучий и нетленный,
В величии и славе красовался.
По воле Прометея неизменно
Он жизнь повсюду поддержать старался.
А ниже воздух, дар благословенный,
Вдоль створки врат огромных простирался.
Он, теплый иль холодный, вечно с нами,
Хоть не дано нам зреть его очами.

12

Земля, надев из вешних трав уборы,
Живому жизнь, как исстари, давала
И, разбросав в полях цветов узоры,
Вся обновленной радостью сияла.
Земли родной цветущие просторы
Вода струей прохладной омывала.
В ней стайки рыб беспечно веселились,
Средь волн ватагой резвою носились.

13

Ворот другую створку украшали
Гигантов и богов изображенья.

Воители-герои там предстали,
С бессмертными вступившие в сраженье.
И недра Этны пламя изрыгали,
Тифея опаляя в озлобленье.
Там конь Нептуна гордо красовался,
С оливою Минервы состязался.

14

Лиэй, помедлив близ дверей прекрасных
И оглядев стихий изображенье,
Вошел в чертог, где вод хозяин властный
Ждал гостя дорогого в нетерпенье.
А нимфы моря с тайною боязнью
Взирали на пришельца в изумленье,
Гадая, для чего он к ним явился
И царь вина в стихию вод спустился.

15

"Внемли, Нептун, властитель вод всесильный,
Словам, к тебе недаром обращенным.
В твой чудный край, могучий и обильный,
Я прихожу, Фортуной оскорбленный.
Скажи, чтоб легконогий ваш посыльный
Твоих созвал немедля приближенных,
И нереид пусть не забудет юных",
Так Вакх лукавый говорил Нептуну.

16

Призвал Нептун возлюбленного сына,
Салацией рожденного когда-то,
И Вакх узрел Тритона образину,
Примчался мигом великан мохнатый,

Готовый моря обойти глубины,
Морских божеств сзывая мириады.
Извечно этот отпрыск беспокойный
Служил Нептуну вестником достойным.

17

Казалось, что его косматой гривы
Ни разу частый гребень не касался
И водорослей ком в ее извивах
На вязком иле намертво держался.
Клубок моллюсков темных и ленивых
Среди его кудрей обосновался.
Их скорлупа лангуста прикрывала,
Главу Тритона шустрого венчала.

18

Нагим глашатай радостный пришел,
Чтоб по крутым волнам носиться вволю.
Он сотни крабов за собой привел,
Диана их всегда рождает вдоволь,
И полк улиток за гонцом прибрел,
И ракам было близ него раздолье.
Тритона тварь морская почитала,
За ним повсюду следовать желала.

19

И к раковине, скрученной трубою,
Испытанный гонец припал устами.
И мощный звук издал, как перед боем,
Сей трубный глас услышан был богами.
Они явились дружной чередою,
Стремясь предстать пред светлыми очами

Того, кто стены Трои обреченной.
Построил с красотой непревзойденной.

20

Сам Океан-отец на зов примчался,
А с ним и чада - честь его и слава,
Нерей с Доридой вскоре показался
Чета, что вод заполнила державу
Своим потомством. Молча улыбался
Протей, пророком звавшийся по праву.
Хоть ведал он Лиэя помышленья,
Но прибыл, чтя Нептуна повеленье.

21

Пришла Нептуна нежная супруга,
Рожденная от Весты и Урана,
Пред ней все волны бурные в округе
Смирялись в восхищенье непрестанном.
Царя морей прекрасная подруга
Явилась в облаченье златотканом,
Что гибкий стан искусно обвивало
И красоту богини не скрывало.

22

И Амфитрита, что красой небесной
Была цветку роскошному подобна,
Пришла с Фетидой под руку прелестной,
А с ней дельфин, глашатай расторопный,
Властителю морей всегда любезный
И к красноречью ярому способный,
Упорство Амфитриты победивший,

На брак с царем морей ее склонивший.

23

Пришла Ино, которая когда-то
От гнева Атаманта убежала,
И ей и сыну юному наградой
Бессмертье небо щедро даровало.
Ее младенца с лаской и отрадой
Красотка Панопея целовала.
Держал в руках он гладкие ракушки,
Что заменяли малышу игрушки.

24

Явился Главк, который в дни былого
В Беотии рыбачил несравненной,
Но раз отведал корня он морского
И рыбой стал огромною мгновенно.
В морского бога отрок чернобровый
Был превращен среди стихии пенной.
Он все о бедной Сцилле убивался,
Коварству злой Цирцеи ужасался.

25

В разубранном на славу тронном зале
Нептун своих собратьев принимал.
На возвышеньях боги восседали,
Хрусталь их троны дивно украшал.
На Вакха в ожиданье все взирали,
А он престол роскошный занимал.
Вблизи Нептуна гость расположился,
И щедро фимиам ему курился.

26

Едва умолкли звуки разговоров,
Приветствий и взаимных восхвалений,
Насупил брови Тионей сурово,
Свое забыть не в силах униженье.
Рассерженный, от гнева весь багровый,
Мечты лелея о кровавом мщенье,
Он на богов умолкнувших воззрился
И с речью к ним такою обратился:

27

"О царь стихии грозной и великой,
От полюса до полюса простертой!
Трепещут люди пред тобой, владыка,
Пределы суше ты поставил твердо.
И отче Океан наш светлоликий,
В объятья землю заключивший гордо,
Ее рекой могучей окруживший
И дерзновенья смертных укротивший,

28

И вы, морские боги, что вовек
Обид и унижений не прощали,
Коль ране оскорблял вас человек,
Ему вы сразу местью отвечали!
Все ныне вы забыли для утех,
Из наслаждений жизнь свою соткали.
Чем люди вас, скажите, улестили
И ваши опасенья усыпили?

29

Вы видели, как с гордым самомненьем
Сыны земли свод неба покоряли,
Безумному поддавшись вдохновенью,
В скорлупках утлых в море отплывали,
И всюду, без боязни и смущенья,
Свое господство властно утверждали.
Они с престолов скоро нас низринут
И сами стать богами не преминут.

30

И вот мы видим: немощный народ,
Что носит имя моего вассала,
Бесстрашно в море грозное плывет,
Затмив успехи моряков бывалых.
Отринув страх, несется он вперед,
Богов желает сбросить с пьедесталов.
Глядишь, ему и море покорится,
И Луза род над вами воцарится.

31

На миниев, что первыми решились
Изведать царства вашего глубины,
Вмиг Аквилон с Бореем ополчились
И чуть не затянули их в пучину.
А вы, как видно, ныне примирились
С тем, что сулят вам смертные кончину.
Зачем иначе вам терпеть бесчестье
И не спешить предать их страшной мести?

32

Но я признаюсь без утайки, боги:
Не только к вам любовь меня влечет.

К царю морей явился я в чертоги,
Поскольку страх давно меня гнетет.
Ведь португал прошел по тем дорогам,
Где мне оказан ране был почет.
И угрожает враг неумолимый
Меня изгнать из Индии любимой.

33

Решил Юпитер, властелин вселенной,
Что с Парками судьбу вершит земную,
Возвысить род бесчестный и презренный,
А нам готовит участь он иную.
И царь богов, жестокий и надменный,
Богам теперь сулит годину злую.
Достоинств наших боле он не ценит,
И всех нас португал ему заменит.

34

Вот почему с Олимпа я бежал
В надежде, что, быть может, в ваших водах
Я встречу то, что в небе потерял,
И поборю души своей невзгоды".
Тут жалобы несчастный Вакх прервал
И зарыдал пред всем морским народом.
Его рыданья море взволновали
И страсти средь бессмертных разжигали.

35

Сердца богов затронул Вакх негодный,
Все тут же правоту за ним признали,
На горе мореходам благородным,
Гонца к Эолу боги отослали,

Велев, чтоб весь простор стихии водной
Разгневанные ветры взбунтовали,
Великую армаду разгромили
И племя Луза в бегство обратили.

36

Один Протей пытался вставить слово,
Чтоб высказать пророчество благое,
Но боги пресекли его сурово,
Решив, что вся волшба его - пустое.
В сиянье облаченья золотого,
Смотря на старца, словно на изгоя,
Фетида закричала: "Без тебя
Нептун сумеет защитить себя".

37

Эол к ветрам могучим устремился,
Их выпустив на божий свет из мрака,
И бурю он начать распорядился,
Чтоб мореходов испытать отвагу.
И свод небесный тучами покрылся.
Казалось, встанут мертвые из праха.
Стенали горы, башни содрогались,
В развалины чертоги превращались.

38

Пока морские боги совещались,
Все корабли стремительной армады
К востоку неуклонно продвигались,
Ни отдыха не зная, ни услады.
Таинственно им звезды улыбались.
Однажды, в час полуночной прохлады,

Вторая стража на борту сменилась
И долго побороть дремоту тщилась.

39

Зевота мореходов одолела,
Всю ночь их злые ветры донимали,
Одежда обветшалая не грела,
Измученные ноги не держали.
Окоченев, скитальцы то и дело,
Кляня погоду, тело растирали.
Чтоб сон бежал от утомленных взоров,
Ночь скоротать решили в разговорах.

40

"Друзья! Чем скрасить нам ночное бденье,
Как не веселой шуткой иль рассказом? "
Спросил один из моряков в стремленье
Неумолимый сон отвадить разом.
Ответил Леонарду вдохновенный,
Что мыслями с возлюбленной был связан:
"Что сладостней для сердца, чем сказанья
О страсти и ее очарованье?"

41

"О нет, - сказал Велозу непреклонно,
Здесь нежностям негоже предаваться
И среди волн угрюмых, разъяренных
Рассказами о страсти упиваться.
Нам, воинам, в сраженьях закаленным,
Опять терпеньем надо запасаться.
История бывала к нам суровой,

И к новым бедам надо быть готовым".

42

С Велозу все немедля согласились
И попросили, чтоб моряк бывалый
Поведал, как с врагами предки бились,
На поле чести пожиная славу.
"Чтоб вы у гордых пращуров учились
Преумножать величие державы,
Я вспомню здесь, - сказал Велозу смелый,
Двенадцать португальских кавалеров.

43

При короле воинственном Жуане,
Что мир вернул отчизне благодатной,
Изгнал навек захватчиков незваных,
За боль отчизны отомстив стократно,
В Британии холодной и туманной
Свершили наши предки подвиг ратный,
Чтоб положить конец скорейший спору,
Что начат был богинею раздора.

44

Раз при дворе Британии счастливой
Двенадцать дам безвинно пострадали,
Бесчестно клеветой несправедливой
Их знатные дворяне запятнали.
Поддавшись то ли злобному порыву,
То ль наважденью, рыцари сказали,
Что эти дамы, встав на путь порока,
Свой род позорят, славный и высокий.

45

И рыцари надменно возвещали,
Что всех, кто пожелает заступиться
За бедных дам, что слезы проливали,
Они зовут средь бела дня сразиться.
Им на турнире встречу предлагали
Или на шпагах приглашали биться.
К родным и близким дамы обратились,
Но помощи желанной не добились.

46

Британии просторы в эту пору
От войн междоусобных погибали.
И юных дам пленительные взоры
Нигде к себе участья не снискали.
В слезах, под гнетом тяжкого позора
Красавицы младые умоляли,
Чтоб взял Ланкастер всех их под защиту
И отомстил за горькую обиду.

47

Был этот герцог, доблестью известный,
Союзник Португалии далекой.
Оставил он друзей в краю чудесном,
Воителей без страха и упрека,
И разлучился с дочерью прелестной,
Ее увлек властитель черноокий,
Который красотой ее пленился
И на британке молодой женился.

48

Страшась братоубийственных волнений,
Красавиц герцог защитить боялся.
Он им сказал: "В дни юности блаженной
На трон кастильский я взойти пытался
И видел лузитан в пылу сражений,
Их доблестью великой восхищался.
Железом и огнем, коль будет надо,
Вас защитить герои будут рады.

49

И если вы, красавицы, согласны,
Я португальцам отошлю посланье,
Где напишу, что столько дам прекрасных
К ним очи обращают с упованьем.
Чтоб вдохновить воителей отважных,
Подвигнуть их на новые дерзанья,
Заступникам вы сами отпишите
И рыцарей своих приободрите".

50

И герцог, долгой жизнью умудренный,
Назвал для дам двенадцать кавалеров
И каждой из красавиц удрученных
Велел о друге жребий кинуть смело.
К заступнику от дамы оскорбленной
Письмо помчалось в дальние пределы,
А герцог к королю гонца направил,
Чтоб тот в беде красавиц не оставил.

51

Посланец в Португалию явился,
Весь двор своим известьем взбудоражив.

Король отплыть в Британию грозился,
Свой сан высокий забывая даже.
Но герцог сам бойцов назвать решился,
И просьбу тестя властелин уважил,
Сказав, чтоб в добрый час, без промедленья
Воители готовились к сраженью.

52

И в городе, который дал названье
Навеки Португалии прекрасной,
Ладью готовить отдал приказанье
Страны великой рулевой бесстрашный.
Оружьем запасались неустанно
В те дни двенадцать рыцарей отважных,
Булатные доспехи начищали
И шлемы плюмажами украшали.

53

И час настал - двенадцать кавалеров
Для подвига отчизну покидали.
Воителей отважных и умелых
Их близкие с тоскою провожали.
Но одного из сих героев смелых
О странствиях мечтанья увлекали.
Тот рыцарь прозывался Худощавым
И гордостью был доблестной державы.

54

И он сказал: "Друзья мои и братья!
Давно я божий мир познать желаю.
И, пользуясь сим славным предприятьем,
Путь по земле на север избираю.

Хочу вас ныне заключить в объятья,
И всех вас непритворно уверяю:
Хоть мне придется странствовать по суше,
Я своего обета не нарушу.

55

Моей судьбой, как ходом мирозданья,
Всевышний безраздельно управляет.
И если он, презрев мои мечтанья,
От вас меня отторгнуть пожелает,
Я верю, что и в этом испытанье
Победа ваше дело увенчает.
Что до меня, то через все препоны
Я буду к вам стремиться неуклонно".

56

С друзьями славный рыцарь распрощался
И спешно отбыл в дальнюю дорогу.
В Кастилии сначала оказался,
Где Марс прославил Луза род высокий.
Затем в Наварру славную умчался,
По Франции он странствовал далекой,
И наконец во Фландрию явился,
И там свой долгий путь прервать решился.

57

Во Фландрии наш странник задержался,
Меж тем как к берегам чужой державы
Корабль дружины Луза приближался,
И дамы Бога славили по праву.
Их в Лондоне Ланкастер дожидался,
Он в честь гостей устроил пир на славу,

Красавицы заступников встречали,
Их слух беседой нежной услаждали.

58

Но пробил час, в который кавалерам
На поле битвы выйти надлежало.
Суровый Марс сплотил отряд умелый,
Надежда португальцев вдохновляла.
Победу проча лузитанам смелым,
Родня красавиц рыцарей встречала,
Все дамы в драгоценностях явились
И в светлые одежды облачились.

59

Лишь та, которой рыцарь Худощавый
По жребию злосчастному достался,
В тоске и скорби облачилась в траур,
И взор ее печалью омрачался,
Хоть из сынов воинственной державы
Пред поединком каждый даме клялся,
Что даже коль скиталец не найдется,
Победы племя Лузово добьется.

60

Король английский с доблестною свитой
Смотреть турнир явился беспримерный.
Двенадцать ратоборцев именитых,
Прославленных в Британии всемерно,
С противником сходились знаменитым,
Грозой кастильцев и бичом неверных.
От Тежу и до Бактрии пределов

Потомков Луза слава прогремела.

61

Алкая битвы, кони боевые
Уж удила златые закусили.
Искрясь на солнце, латы дорогие
Все очи гордым блеском ослепили.
Печальны были рыцари младые,
Их думы невеселые томили.
Они неравный бой начать решились,
Но англичане вдруг засуетились.

62

И дети Луза мигом встрепенулись,
Завидев Худощавого героя.
В когорту неприступную сомкнулись,
Воителя встречая дружным строем.
К нему все дамы тут же обернулись,
Чтоб вдохновить скитальца перед боем.
Он короля приветствовал учтиво,
Затем к друзьям подъехал горделиво.

63

Прослышав о приезде кавалера,
Одежды дама темные сменила
И в цвет руна барана юной Геллы
Свой гибкий стан немедля облачила.
Тут трубный глас взманил героев смелых,
Прибавил им и бодрости и силы.
При звуках битвы копья заблистали
И лошади ретивые заржали.

64

Казалось, ходуном земля ходила,
Под конскими копытами стеная.
А зрителей тревога истомила,
Отчаяньем сердца их наполняя.
Меж тем уж кровь доспехи обагрила:
Кто по земле влачился, умирая,
Кто в поднебесье на коне взвивался,
Кто с жизнью драгоценною прощался.

65

Там лошади без всадников носились,
Седую пыль копытами вздымая,
Там седоки без лошадей влачились,
К себе Господню милость призывая.
На шпагах вскоре рыцари сразились,
Узнали англичане, отступая,
Что дети Луза славятся недаром
Отточенным и дерзостным ударом.

66

Я не хочу потоки слов бессильных
Здесь расточать, сраженье воспевая.
Немало крови, жаркой и обильной,
Из ран струилось, удержу не зная,
Кто был повержен в прах, сухой и пыльный,
Над кем Фортуна сжалилась благая.
Но в битве наши предки победили
И честь прекрасных дам восстановили.

67

Счастливый герцог празднество устроил
И егерей отправил на охоту,
Чтоб пир задать бестрепетным героям
И поварам искусным дать работу.
К пришельцам подойдя чредою стройной,
Их окружили женщины заботой,
Досуг их беспрестанно украшали
И доблесть их повсюду восхваляли.

68

И слышал я, что рыцарь Худощавый,
Свершив свой долг, во Фландрию отчалил.
Там в поединке трудном и кровавом
Соперника он к праотцам отправил.
Как Корвин, победил в бою он правом
И, как Торкат, в веках себя прославил.
Так, проявив геройство на чужбине,
Он защитил фламандскую графиню.

69

А друг его в Германии далекой
Затеял бой с воителем двуличным,
И, быстро разгадав обман жестокий,
Противника он покарал публично".
И тут Велозу замолчал со вздохом,
Прервав на миг рассказ свой необычный,
Но моряки собрата обступили
И продолжать историю просили.

70

Но тут раздался голос капитана:
"На марсы! Быстро! Парус зарифляйте!

Нам ветер угрожает ураганный,
Товарищей немедля пробуждайте!"
В тревоге пред опасностью нежданной,
Друзьям кричали моряки: "Вставайте!
К нам градобойная несется туча
И предвещает ураган могучий".

71

Но мореходы в спешке не сумели,
Чтоб защитить корабль, убавить парус.
И флот лихие ветры одолели,
Обрушив на него свой гнев и ярость.
От паруса вмиг клочья полетели,
Ткань с грохотом и шумом разрывалась.
В стенаньях мир, казалось, разрушался
И с чадами заблудшими прощался!

72

И на борт волны хлынули мгновенно.
Судьбу ругали моряки безбожно.
Но Гама с хладнокровьем неизменным
Вскричал: "Кидайте за борт все, что можно!
Насос сюда тащите непременно.
Приказ мой выполняйте непреложно
И помните: любое промедленье
Армаде угрожает затопленьем!"

73

Солдаты устремились за насосом,
Но качка всю команду с ног сбивала.
У трех бывалых опытных матросов
Кормило сдвинуть силы не хватало.

И с двух сторон, чтоб справиться с заносом,
К рулю команда тали привязала.
В отчаянье пытались мореходы
Преодолеть бушующие воды.

74

И ветры, на армаду ополчась,
Неслись с такою силой исступленной,
Как будто снова сокрушить решась
Незыблемую башню Вавилона.
И тщетно мореходы, суетясь,
Сражались с океаном разъяренным.
Когда они с валами состязались,
Их корабли скорлупками казались.

75

У Паулу да Гамы ураганом
Снесло огромной мачты половину,
На борт помчались воды невозбранно,
Все затопляя мощною лавиной.
Корабль Куэлью в возмущенье рьяном
Готова растерзать была пучина.
Хоть капитан успел убавить парус,
Но кораблю немало бед досталось.

76

То к небесам суда волна вздымала,
Несчастных мореходов не жалея,
То с высоты их разом низвергала
И в бездну увлекала, свирепея.
Армаду стая ветров донимала,
Борей и Нот спустились с эмпиреев,

Объяли землю яростным дыханьем,
Стремясь разбить машину мирозданья.

77

И жалобно кричала Альциона,
Вдоль берега в смятении летая,
Вздыхая над волнами удрученно,
Страдания былые вспоминая.
Дельфины в суете неугомонной
Метались, от испуга замирая,
В подводных гротах жаждали укрыться,
Чтоб от безумных вихрей защититься.

78

Подобных молний мир еще не знал.
И тот кузнец, что пасынку когда-то
Доспехи несравненные ковал,
Придав красу жестокому булату,
Таких еще зарниц не создавал
В те дни, когда отправил в бездну ада
Гигантов разъяренный громовержец,
Вселенной безраздельный самодержец.

79

Незыблемые горы распадались,
Не в силах злым волнам сопротивляться!
Треща, деревья мощные ломались,
Устав с ветрами дикими сражаться!
Из недр подземных корни вырывались,
В земле не в силах слабой удержаться.
Песчаный столп на берегу поднялся

И к морю разъяренному помчался.

80

Тут Гама, увидав, что погибает
Поблизости от берегов желанных,
Что море пасть зловеще разевает,
Армаде угрожая неустанно,
То к небу корабли стремглав вздымает,
То в бездну их ввергает океана,
С молитвой обратился к Провиденью,
Чтоб обрести надежду на спасенье.

81

"Великая, божественная сила!
К тебе я ныне, бедный, припадаю,
Ты иудеям жизни сохранила,
Сквозь волны привела к родному краю.
Ты Павла от оков освободила
И Ноя в трудный час спасла, я знаю.
Ты небом, сушей, морем управляешь
И нашей жизни срок определяешь.

82

Неужто мне не раз еще придется
Меж Сциллой и Харибдой пробираться?
Неужто шторм ужасный не уймется
И нам еще придется с ним сражаться?
И разве лучшей доли не найдется
Для тех, кто ныне обречен скитаться,
Кто славит твое имя неустанно
Средь волн неумолимых океана!

83

О! Счастлив тот, кто в землях мавританских
Погиб, святую веру защищая,
Кто не страшился копий мусульманских
И славу умножал родного края,
Кто верен был державе христианской,
Кто получил бессмертье, умирая,
Оставшись в нашем сердце незабвенном,
В глазах потомства став благословенным".

84

Пока он говорил, неутомимо
Лихие ветры такелаж крушили.
Подобные быкам неукротимым,
Сменить свой гнев на милость не спешили.
И вереницы молний негасимых
Нахмуренное небо озарили.
Уже стихии меж собой сражались.
На землю небо сбросить собирались.

85

Но вот на небе, хмуром и ненастном,
Звезда Венеры нежной появилась,
И тут же светом, радостным и ясным,
Разгневанное море озарилось.
Прелестница с улыбкою прекрасной
Вмиг с Орионом яростным простилась,
Затем на море взор свой обратила
И в горести невиданной застыла.

86

"Ах, это Вакха мерзкого деянья!
Воскликнула прекрасная богиня.
Он флот отдал ветрам на растерзанье,
Упорствуя в неистовой гордыне".
И, не желая скрыть негодованье,
Сошла с небес красавица в пучину.
За ней помчалась нимф веселых стая,
Гирлянды роз на кудри возлагая.

87

Младых красавиц локоны златые,
Казалось, сам Амур убрал цветами.
И вскоре нимфы нежные, младые
Предстали пред безумными ветрами.
"Смирите вы ветров порывы злые,
Пусть обо всем они забудут с вами",
Венера юным нимфам говорила,
Чья красота сиянье звезд затмила.

88

И сразу ветры гневные смирились,
Забыв закончить жаркое сраженье,
Мгновенно нежным нимфам подчинились,
Как будто преградили им движенье
Те локоны, что среди волн струились,
С лучами солнца споря дерзновенно.
И, ярого Борея укрощая,
Сказала Орития молодая:

89

"Не верю я тебе, Борей суровый,
Меня ты, видно, бедную, не любишь,

Ты сбросил страсти трепетной оковы
И флот несчастный беспощадно губишь.
А коль не так, стань другом нежным снова.
Я знаю, ты супругу приголубишь,
Любовь и ярость в мире несовместны.
Оставь свой гнев, будь другом мне любезным".

90

И точно так же нимфа Галатея
Разгневанного Нота укрощала
И, нежных слов и взглядов не жалея,
Его свирепость лаской усмиряла.
Ей покорился Нот, от счастья млея,
Прелестница его очаровала.
Смягчился Нот близ юной нереиды,
Забыв все шквалы, бури и обиды.

91

И вскорости красавицы младые
Ветров могучих стаю укротили.
Те позабыли замыслы былые
И о любви прекрасных дам молили.
Придя к Венере, ветры удалые
Союз с ней долговечный заключили,
Она в любви им счастье посулила
И флот от тяжких мук освободила.

92

Вершины гор, где Ганг берет рожденье,
Денница ярким светом озарила,
Когда дозорный закричал в волненье:
"К земле нас мчит неведомая сила!"

Затихли мореходы в восхищенье,
Их чувство страха сразу отпустило,
А кормчий сообщил им, улыбаясь:
"То Каликут, коль я не ошибаюсь.

93

Вот берег, что сквозь слезы и туман
Сиял вам в ваших грезах просветленных.
Неистовый смирился ураган,
Закончился ваш труд непревзойденный".
Услышав это, славный капитан,
Страданьями и бурей изнуренный,
Со вздохом на колени опустился
И к Господу с молитвой обратился.

94

Он к небесам вознес благодаренье
За то, что верный путь ему открыли
И, флот ведя сквозь муки и лишенья,
Его от страшной гибели хранили,
За то, что жгучих ветров озлобленье
Они, щадя армаду, прекратили
И обуздали ураган суровый,
Скитальцев бедных погубить готовый.

95

Изведав страх и горькие страданья
И побывав меж небом и землею,
Мужают души в буре испытаний,
Рождаются отважные герои.
Чтя предков добродетельных деянья,
Они не ищут с робостью покоя,

Не устилают ложа соболями,
Московии бесценными дарами.

96

Их не прельщает трапез пышных сладость,
Веселие пирушек и гуляний
И не влечет изменчивая радость
Пленительных и трепетных лобзаний.
Стремится упоительная младость
К геройским и возвышенным деяньям
И гордо слабых духом презирает,
Покою ратный труд предпочитает.

97

Взяв в руки меч и натянув кольчуги,
Отечество герои защищают
И, не пугаясь с Родиной разлуки,
Пределы дальних вод пересекают.
От знойных ветров принимают муки
И средь снегов бескрайних замерзают,
Своей рукою славу добывая
И грудь свою под копья подставляя.

98

И к свисту пуль их души привыкают,
Пройдя сквозь бури дерзостных сражений,
А лица их сиянье излучают,
В сердца других вселяя уваженье.
Звон золота герои презирают,
Пустые отвергая наслажденья,
Смеясь над переменчивой фортуной,

Лишь добродетель в мире чтут подлунном.

99

И после стольких тягот и мучений
Их мудрость и величье посещают.
В горниле бед и горестных лишений
Они законы мира постигают.
И кажется, как будто с возвышений
Герои даль земную наблюдают,
Спокойно относясь к капризам славы,
Что лаврами венчает их по праву.

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

1

Армада Луза подошла к пределам,
Где плещет Инд своей волной свободной
И где, покинув рай небесный, смело
Струится Ганг потоком полноводным.
Ты с честью завершил святое дело,
Народ отважный, гордый, благородный.
Желанный край детей твоих встречает
И им свои богатства обещает.

2

Я к вам, о дети Луза, обращаюсь.
Хоть вас в подлунном мире так немного,
Вам по плечу, я честию ручаюсь,
Разбить навеки мусульман жестоких.
Насчет соседей я не заблуждаюсь,
И в верности мы Небу одиноки.
Соседи наши в дьявольской гордыне
Царю небес уж неподвластны ныне.

3

Чем меньше вас, герои-португальцы,
Тем больше сил вам небо придает,
Ведь только вы, бесстрашные скитальцы,
Христовой веры истинный оплот.
Дерзайте же, счастливые страдальцы,
Судьба великий жребий Лузу шлет,
Униженных и малых возвышает,

Ценой их смерти веру укрепляет.

4

Пусть видит вас германцев гордых паства,
Что от Петра потомков отвернулась,
Войною изнуряя государство,
Вкруг пастыря мятежного сомкнулась
И, духом раздираема бунтарства,
От истины господней отшатнулась,
Не Порте Оттоманской угрожая,
А мощную державу ослабляя.

5

Воззри на племя Луза, англичанин.
Ты королем святой земли зовешься,
Но ею правит алчный мусульманин,
Покуда ты порокам предаешься
И сам, как недостойный агарянин,
Над верой предков доблестных смеешься,
Бесстыдно христианство исправляешь,
Священные законы попираешь.

6

Земной Ерусалим, о ложный царь,
Ты захватил коварно и бесчестно,
Раз христиан законный государь
Теперь отверг Ерусалим небесный,
А что сказать о Галле мне, что встарь
Был древним благочестием известен?
Он титулов своих не защищает
И братьев в ослепленье убивает.

7

Ты кровь детей Христовых проливаешь.
Бесчинствуешь, как тать, в чужих владеньях,
А на Восток свой взор не обращаешь,
Язычникам не мстишь за преступленья.
В беспечности ты, видно, полагаешь,
Что ныне надлежит предать забвенью
Людовика священные заветы
И Карла несравненного победы?

8

А что сказать о тех, кто расточает
Всю жизнь свою в постыдных наслажденьях,
Кто в неге утонченной утопает,
Забыв о славной древности свершеньях,
Кто Родину на части раздирает,
Предавшись нечестивым помышленьям?
К тебе я, о Италия, взываю,
Хоть слов своих бессилье понимаю.

9

О христиане! Волей Провиденья
Вы, словно зубы Кадмова дракона,
Восстали друг на друга в озлобленье,
Забыв родства священные законы,
Меж тем как Гроб Господень осквернênью
Подвергли исламитов легионы.
Они единым строем выступают
И вас поодиночке разбивают.

10

И, чтя пророка ложного заветы,
Неверных толпы миру угрожают.
Презренные потомки Магомета
Христово войско поразить желают.
А вы погрязли в распрях и наветах,
Вас фурии свирепые терзают.
Вы скоро пред неверными смиритесь
И подлым святотатцам покоритесь.

11

Коль слухи о сокровищах несметных
В чужие земли путь ваш направляют,
То средь песков Востока заповедных
Вас россыпи златые ожидают.
Раз Гроб Господень призывал вас тщетно
И вас одни богатства увлекают,
То в Африку иль в Лидию идите
И там алмазы царские ищите.

12

И в Византии, в стороне далекой,
Пора вам пушки испытать в сраженье,
Чтоб силой артиллерии жестокой
Начать свирепых турок покоренье.
Пусть к Каспию, к горам его высоким
Бегут они в испуге и смятенье.
Прекрасную Европу пусть оставят
И в Скифию стопы свои направят.

13

Почто армяне, греки и грузины
К вам взоры с упованьем обращают,

Покуда турки их детей невинных
Твердить Коран постылый заставляют?
В вас не осталось доблести старинной,
Вас мусульмане всюду восхваляют
За то, что милых братьев предаете
И в мире с исламитами живете.

14

Пока вы братской кровью упивались,
Позоря славных пращуров знамена,
Герои христианские рождались
В державе небольшой и отдаленной.
Они и в Новом Свете подвизались,
И к Африке стремились неуклонно.
Я знаю, все непознанные страны
Познают в этом мире лузитане.

15

Однако возвратимся к мореходам,
Которые стараньями Венеры
Преодолели бури и невзгоды
И вышли в заповедные пределы,
Стремясь среди неведомых народов
Посеять семена Христовой веры,
Обычаи туземцев изменить,
Правителей неправедных сместить.

16

И вот, вблизи брегов уединенных,
Герои рыболовов повстречали.
Те, глядя на пришельцев удивленно,
Им в Каликут дорогу указали,

Сказав, что в этом граде просвещенном
Владыки Малабара обитали.
И, развернув послушные ветрила,
Туда армада бег свой устремила.

17

Могучий Инд и Ганг - поток священный
Вдоль Индии теченье направляют.
А с Севера от ветров дерзновенных
Ее надежно горы укрывают.
И волны океана неизменно
Ее просторы с юга обнимают.
Богов там знают самых разнородных
Чтут Магомета, идолов, животных.

18

А с гор, что сердце Азии пустынной
Из края в край грядой пересекают,
Потоки низвергаются стремниной,
В Индийский океан они впадают.
А воды океана-исполина
Те земли в полуостров превращают,
Волной его лазурной окружая
И с трех сторон край светлый обнимая.

19

Как длинный мыс, почти пирамидальный,
Над морем полуостров нависает.
Народ непостижимый, беспечальный
У колыбели Ганга обитает.
Он, коль легендам верить стародавним,
Лишь запахом цветов себя питает.

И этот запах, как гласит преданье,
Ему дороже всякого питанья.

20

Немало обитателей различных
Прекрасный полуостров населяют.
Богатством несказанным, безграничным
Делийцы и бенгальцы обладают.
Надеждой непонятной, необычной
Свои сердца деканцы ободряют,
Считая, что дарует Ганг священный
Сынам земли желанное спасенье.

21

Наследники воинственного Пора
Камбейцы - близ Гидаспа обитают.
А роскошью одежды и уборов
Нарсингцы всех туземцев затмевают.
Могучие, таинственные горы
Весь Малабарский берег защищают.
Они стеною высятся над морем
И стерегут родной земли просторы.

22

И именуют эти горы Гаты.
Меж ними и Индийским теплым морем
Земли полоска узкая зажата.
Лежит она, с прибоем вечно споря.
Как царь, средь городов ее богатых
Там Каликут красой чарует взоры.
В нем гордый император пребывает,

Себя он Саморином величает.

23

Посланца португальцы отрядили
К властителю бесчисленных народов
И королю поведать поручили
О приближенье дружеского флота.
Посланца вмиг индийцы обступили,
Как будто чудо видели природы,
Вокруг него в восторге суетились,
Одеждам, им неведомым, дивились.

24

Среди толпы досужих ротозеев
Нашелся сын Берберии далекой,
Расстался он с отчизною Антея
По воле нам неведомого рока.
То ль, жизни быстротечной не жалея,
В сраженьях с нами он бывал жестоких,
То ль на правах ближайшего соседа
Он португальцев распознал приметы.

25

Спросил он у посланца по-испански:
"Что вижу я? Скажи, какая сила
От брегов далеких лузитанских
Тебя к чужой земле переместила?"
"Знай, воинов потомок мавританских,
Нас всех мечта об Индии взманила,
И мы к теченью Инда устремились,
Здесь христианство утвердить решились".

26

И рассказал посланец Монсаиду
(Так исламит пытливый прозывался),
Как от берегов столицы знаменитой
Флот к далям неизвестным отправлялся.
А тот сказал, что Саморин со свитой
Среди садов прохладных задержался,
И надлежит пришельцам со смиреньем
Правителя дождаться возвращенья.

27

Пока же, португальца опекая,
Повел его араб в свое жилище,
И там, гостеприимство проявляя,
Ему он отдых предложил и пищу.
Затем, армаду лицезреть желая,
Он, словно друг героям закадычный,
Спросил, нельзя ль на флот ему явиться
И с Гамой разговором насладиться.

28

А португалец чинно и спокойно
Нехитрым угощеньем насладился,
Как будто вправду Монсаид достойный
Ему старинным другом приходился.
И вскоре по волнам к армаде стройной
Мавр с радостью великой устремился.
Взглянуть на гостя моряки сбежались
И с мавром дружелюбно обращались.

29

Знакомой речи услыхав звучанье,
В надежде получить благие вести,
Сам Гама гостю уделил вниманье
И близ себя отвел арабу место.
Понятным любопытством обуянны,
Все мореходы вмиг собрались вместе.
Вот так в Родопах кроны древ сближались,
Когда Орфея слушать собирались.

30

"О вы, сыны могучего народа,
Что близ моей отчизны обитает
И волею всевластною природы
С моим гнездом в соседстве пребывает!
Что привело вас ныне в эти воды,
Чем берег вас далекий привлекает,
Зачем вы Миньу с Тежу позабыли
И безоглядно на восток поплыли?

31

Вас Бог привел к пределам заповедным,
Как видно, ваш поход ему угоден.
Он осенил вас славою победной
И был для вас звездою путеводной.
Вы в Индии, в краю богатств несметных,
Великих рек и почвы плодородной,
Здесь пряностей есть огненных запасы,
И золото, и жемчуг, и алмазы".

32

И дале мавр поведал мореходам:
"Сей берег Малабарским называют.

Издревле здесь прибрежные народы
Языческих кумиров почитают.
И в княжествах бессчетных год за годом
Различные владыки восседают.
А раньше под эгидой Перимала
Единое здесь царство процветало.

33

Но мавритане в этот край приплыли
И, всюду восхваляя Магомета,
Владыку всемогущего склонили
Принять пророка нашего заветы.
Их речи Перимала поразили,
И он задумал странствовать по свету.
Царь умереть как праведник стремился
И в Мекку долгий путь держать решился.

34

И вскоре, повинуясь властелину,
Армаду малабарцы снарядили
И, в путь ее готовя на чужбину,
Товаром самым разным нагрузили.
А города и земли в ту годину
Любимцы Перимала получили.
Так сделал повелитель потому,
Что не было наследника ему.

35

Кому Кочин царь доблестный отдал,
Кому досталась власть над Кананором,
Кто Куилон навеки обретал,
Кто править стал прекрасным Кранганором,

К царю один лишь отрок опоздал,
Безмолвно он стоял, потупив взоры,
Племянником царю он доводился.
Царь Каликут отдать ему решился.

36

По воле непреложной властелина
Сей отрок императором считался.
Ему от дяди титул Саморина
Как знак высокой доблести достался.
А Перимал тотчас же на чужбину
К святым местам отплыть засобирался,
От отрока царей великих род
Свое происхождение ведет.

37

И в наготе невинной щеголяет
Сих мест благословенных населенье.
Лишь бедра легкой тканью прикрывает
И верит сказкам предков без сомненья.
Обычай всех на касты разделяет,
Возносит он наиров поколенья,
Им подчиняет париев убогих,
Их друг от друга ограждая строго.

38

В своей лишь касте, по обыкновенью,
Жену себе индиец избирает.
К ремеслам здесь наследственным уменье
Сын юный от отца перенимает.
Наир глядит на парию с презреньем,
Его прикосновений избегает.

А коль изгой к наиру прикоснется,
Он сразу очищенью предается.

39

Во время оно так же иудеи
Самаритян несчастных избегали,
Их как воров чурались и злодеев
И в брак с их дочерями не вступали.
Здесь землю защищать от лиходеев
Наиры привилегию снискали.
При них всегда в знак доблести их ратной
Щит кожаный и тяжкий меч булатный.

40

Брахманами жрецов их величают.
Завет того, кто имя дал науке,
Они с упорством ярым соблюдают,
Ему сынами приходясь по духу.
Они скоромной пищи избегают,
Не поднимают на животных руку.
И только в почитании Венеры
Сей благостный народ не знает меры.

41

И общими здесь жены пребывают
Для всех мужчин в семействе неизменно.
Сердца, что жгучей ревности не знают,
Нашли дорогу к радости блаженной!
Торговлю в этих землях уважают,
Немало здесь товаров драгоценных.
Купцы к ним из Китая наезжают

И даже с Нила гости приплывают".

42

Так мавр вещал, а город в это время
Уже молва поспешно обежала,
И сам король дивился, что за племя
К его брегам столь дерзостно пристало.
Нести сомнений не желая бремя,
Он повелел, чтоб срочно отплывало
Его посольство к Гаме с приглашеньем
Явиться к королю без промедленья.

43

И славный капитан в сопровожденье
Отряда португальцев благородных,
Пленявших взор парадным облаченьем,
Величьем и изяществом природным,
Спустился в лодку, повелев движенье
Направить к устью речки полноводной,
Что в море необъятное впадала
И с городом его соединяла.

44

Правитель Самориновых владений
(Он звучно Катуалом прозывался)
На берегу в понятном нетерпенье
С наирами героев дожидался.
Им славный Гама выразил почтенье
И в паланкин немедля перебрался.
И слуги вмиг носилки обступили
И их на плечи сразу водрузили.

45

А дети Луза вслед за капитаном
Отправились как скромная пехота.
Индийцы на наречье чужестранном
У путников узнать стремились что-то,
К ним хором обращались неустанно,
Но тщетно, ведь несчастные народы
И днесь от гнева Господа страдают
И башню Вавилона проклинают.

46

А Гама с Катуалом говорили
При помощи любезной Монсаида.
Как принято, погоду обсудили,
Окрестных гор пленительные виды,
Но вскоре паланкин остановили,
И Гама и правитель именитый
Плечом к плечу вошли под сени храма,
Где идолам курились фимиамы.

47

Неведомые, странные скульптуры
Входящих в зал немедля обступали,
И демонов зловещие фигуры
Изваянные в камне пребывали.
Исчадия причудливой Натуры
Химеры - среди статуй обитали.
Так очи христиан в недоуменье
Чужих богов узрели воплощенье.

48

Кто с головой, увенчанной рогами,
Юпитеру Аммону был подобен.
Кто, наделенный многими руками,
Был с Бриареем легендарным сходен,
Бог-песьеглавец возвышался в храме,
Анубиса потомок благородный.
Имелся здесь и демон многоликий,
Собрат восточный Януса-владыки.

49

Закончив поклонение кумирам,
Продолжить путь решился Катуал.
Сонм нищих, стариков, детей, факиров
За красочной процессией бежал.
Сынов досель неведомого мира
Пытливый взор всегда сопровождал.
А португальцы ближнею дорогой
Прошествовали к царскому чертогу.

50

И заросли дерев благоуханных
Волшебные покои окружали.
Там, в неге утопая беспрестанной,
Властители Востока пребывали.
Красу природы южной, первозданной
И роскошь те чертоги совмещали.
Там, в царстве упоительной прохлады,
Дышало все довольством и отрадой.

51

А с мраморов роскошного портала,
Изваянных с Дедаловым искусством,

К потомкам древность мудрая взывала,
Будя в них мысли и волнуя чувства.
Фигуры полководцев величавых,
Богов, царей, пророков-златоустов
Безмолвно португальцы узнавали
И старые легенды вспоминали.

52

И войско им несметное предстало,
Что, волю полководца выполняя,
Божественную Низу основало;
Гидасп вольнолюбивый покоряя,
И длань вождя зеленый тирс сжимала,
Он веселился, горести не зная.
В том юноше, сказать могу я смело,
Признала б сына робкая Семела.

53

А дале дети Луза увидали,
Как войска ассирийского отряды
К реке, томясь от жажды, припадали,
Пройдя к востоку через все преграды.
Коня-гиганта рядом изваяли,
С которым дочь порока и разврата
Сама Семирамида в связь вступила
И собственному сыну изменила.

54

С восторгом португальцы увидали
Бестрепетных фаланг изображенья.
Чело вождя их лавры обвивали,
Сей юноша не ведал пораженья.

Отцом его Юпитера считали,
Хоть был Филиппу сын он по рожденью.
Он Третьей был Монархии главою
И был увенчан славой боевою.

55

Когда скульптуры гости осмотрели,
Поведал капитану Катуал:
"Провидцы наши угадать сумели,
Что новый век для нас теперь настал.
Сраженья дней далеких отгремели,
И память их могильный мрак объял.
Волхвы сказали, что придут по морю
Народы нам неведомые вскоре.

56

Коль верить их предвиденьям жестоким,
То будет этот враг непобедимым.
Он к нам нагрянет из страны далекой,
Божественными силами хранимый.
Пред ним склонится воинство Востока,
Его признает мир несокрушимым.
И будет славен даже побежденный,
Таким врагом в сраженье превзойденный".

57

Так, коротая время в разговоре,
Они вошли в многоколонный зал.
Там в златотканом дорогом уборе
На ложе император возлежал
И с ласковою благостью во взоре
Диковинных пришельцев поджидал.

Вокруг него все роскошью дышало
И славных мореходов поражало.

58

Близ ложа старец древний и почтенный
Предвосхищал правителя желанья.
Душистый листик жгучего растенья
Владыке подавал он непрестанно.
А к Гаме подошел брахман степенный,
Спеша пришельцу оказать вниманье,
По мановенью короля благого
У ложа усадил его златого.

59

Представ перед могучим властелином,
Смотревшим на пришельцев с изумленьем,
Наш Гама обратился к Саморину
Со словом доброты и уваженья.
Найти друзей надеясь на чужбине,
Благих исполнен дум и побуждений,
Возвысил голос капитан отважный
И речь держал открыто и бесстрашно.

60

"Из той страны, где над стихией пенной
Ночь солнца круг в объятья принимает,
Наш государь с приязнью неизменной
Поклон тебе, владыка, посылает.
С открытым сердцем, честно, откровенно
Тебе свою он дружбу предлагает.
Ведь даже к берегам его державы

Уже домчалось эхо вашей славы.

61

Богатства Тежу, самоцветы Нила,
Блеск роскоши Зеландии холодной
И все, что Эфиопия взрастила
Дары земли далекой, плодородной,
Родная Португалия вместила,
И наш король, властитель благородный,
Казной неисчислимой обладает
И гордою страной повелевает.

62

Лишь захоти, любые соглашенья
О дружбе и торговле невозбранной
С тобой он заключит без промедленья,
Ища твоей приязни неустанно.
Коль согласишься, божьим дозволеньем
Доход ваш возрастал бы постоянно.
В достатке б ваши земли процветали
И зависть у соседей вызывали.

63

Коль дружба между вами утвердится,
То он с людьми, оружием и флотом
Согласен защищать твои границы
От диких и воинственных народов.
Его любой противник устрашится,
Минуют вас набеги и невзгоды.
Подумай и направь, я заклинаю,
Со мной ответ благому государю".

64

Властитель Малабара отвечал,
Что, видя мореходов-лузитанцев,
Как все, он удивленье испытал
И с радостью внимал словам посланца,
Но о стране их ране не слыхал,
И прежде чем ответить чужестранцам,
Совет он созовет без промедленья,
Чтоб высшей знати выслушать сужденья.

65

Пока же предлагал в своих чертогах
Пришельцам он вкусить отдохновенье,
Чтоб муки изнурительной дороги
Предать навеки прочному забвенью.
В небесной выси месяц сребророгий
Спешил свершить свое ночное бденье.
Он сон на землю посылал блаженный,
А с ним покой скитальцам дерзновенным.

66

И Гама и герои-лузитане
В чертогах на ночлег расположились.
И, радости предавшись столь желанной,
Покоем долгожданным насладились.
А Катуал, их спутник постоянный,
Пока они в глубоком сне забылись,
Спешил узнать по воле Саморина
О вере их, делах и властелине.

67

Едва лишь бог, на Делосе рожденный,
Взглянул на землю светозарным оком,
Немедля царедворец искушенный,
Чтя волю повелителя Востока,
Послал за Монсаидом просвещенным,
Чтоб тот поведал о стране далекой.
Поскольку гости, что к нему явились,
Соседями арабу доводились.

68

И, повинуясь высочайшей воле,
Поведал Монсаид велеречивый:
"В дни прошлого мне выпало на долю
Узнать моих соседей горделивых.
Не буду я с рассказом медлить боле,
Пусть знает государь благочестивый,
Что от брегов Испании чудесной
Народ к нам прибыл, мужеством известный.

69

Пророка эти люди почитают,
Что был рожден юницею невинной.
Отцом его дух божий называют,
Ему кадят и службу правят чинно.
Их воинами храбрыми считают.
Не раз, решая с нами спор старинный,
Они моих сограждан побеждали
И честь своей державы умножали.

70

От берегов прохладной Гвадианы
Они нас безвозвратно оттеснили,

Идя на нас войною беспощадной,
Долину Тежу быстро захватили.
И, рассекая волны океана,
Они до нашей Африки доплыли.
И там в покое нас не оставляют
И наши цитадели осаждают.

71

Испании воинственной народы
С дружиной Луза часто в бой вступали,
Но все напасти, беды и невзгоды
Достойно португальцы отражали.
Их государство крепнет год от года,
Их все непобедимыми признали.
И не найдется, я скажу вам смело,
Сим Ганнибалам нынешним Марцелла.

72

А если больше знать о них стремишься,
То с ними сам вступи ты в объясненья.
В их честности ты сразу убедишься,
Узришь их флот, их снасти, снаряженья.
Оружию немало подивишься,
Что в битвах не встречало пораженья.
Узнаешь их обычаи и нравы,
О короле расспросишь и державе".

73

И тут же по совету Монсаида
Индийцы лодки мигом снарядили.
Желая зреть героев знаменитых,
К ним по волнам стремительным поплыли.

На флот явился Катуал со свитой,
На флагманский корабль они ступили,
Где Паулу да Гама их приветил,
С учтивостью великою всех встретил.

74

А под навесом пышным и багряным
Знамена лузитанские стояли.
Художники на шелке златотканом
Героев славных битв нарисовали.
Узрев портреты воев чужестранных,
Наиры к стягам гордым подбежали
И долго чадам Луза удивлялись,
Картиной их деяний наслаждались.

75

Но Гама предложил гостям садиться
И, чтя обычай славный Эпикура,
Напитком несравненным насладиться,
Что Ною в дар преподнесла Натура.
Он предлагал им также подкрепиться,
Но пищу гости отвергали хмуро,
Чтя с малолетства строгие запреты,
Что им навеки завещали деды.

76

А пушкари, огонь открыв проворно,
Гостям салютовали именитым.
И звук трубы, могучий и задорный,
Приветствовал наиров сановитых.
Меж тем высокий гость твердил упорно,
И вторила ему все время свита,

Что хочет знать о подвигах старинных
И о немой поэзии картинах.

77

Поднявшись, Катуал нетерпеливый
Направился к огромному портрету,
На коем старец древний, горделивый,
Сын Греции благой по всем приметам,
Сподвижник Вакха резвого счастливый,
Прославленный во многих странах света,
В руках с лозой был явлен виноградной,
Его потомству ставшей столь отрадной.

78

Он был с лозой в руках... Но я, несчастный,
Как много дней вдали от муз скитаюсь,
Терплю судьбы удары ежечасно
И песнь свою продолжить порываюсь!
И вот, пройдя сквозь столько бед ужасных,
Я к вам, о нимфы Тежу, обращаюсь.
Мой утлый челн в волнах не погубите
И стих мой безыскусный поддержите.

79

Смотрите, как мной, бедным, помыкает
Коварная и горькая судьбина!
То Марс мне беспощадный угрожает,
То мне грозит жестокая пучина.
Хоть песнь моя героев воспевает,
Я, как в века былые Эолина,
В одной руке перо держу, рыдая,

В другой клинок безжалостный сжимаю.

80

То бедности терплю я униженья,
Чужой порог смиренно обиваю,
То новым подвергаюсь злоключеньям,
На волоске от смерти пребываю.
И вечно в столь жестокие сраженья
С судьбою я за жизнь свою вступаю,
Что превзошел владыку иудеев,
Что жизнь продлил молитвою своею.

81

Я не дождался от людей награды.
И те, в чью честь стихи мои звучали,
Пред мной воздвигли новые преграды,
Меня травить в безумье продолжали.
Не знал я ни досуга, ни отрады,
Меня не лавром гордым увенчали,
А подвергали гнусному глумленью,
Позору, нищете и униженью.

82

Что за героев, гордых и отважных,
Долина Тежу нежная взрастила,
Коль так они лелеют стих прекрасный,
Что щедрая судьба им подарила!
Какой пример для юношей несчастных,
Поэзии отдавших ум и силы,
Сложить решивших песню боевую,
Отчизну прославляющих родную!

83

И вы, о нимфы Тежу всеблагие,
Своим участьем путь мой озарите.
Воспеть заслуги предков боевые
Гонимому поэту помогите.
Я вам клянусь, богини дорогие:
Коль вы мою десницу укрепите,
Я не унижусь до презренной лести
И гимн сложу достоинству и чести.

84

Не стану петь того, кто для себя
Дорогу к власти грудью пробивает,
Отчизну предает и короля,
Божественный закон не уважает
И, в дикой злобе все вокруг губя,
Все почести один стяжать желает,
Порокам самым гнусным предается,
Над гражданами честными смеется.

85

Не стану петь и тех, кто ради славы
Толпы желаньям слепо потакает
И для ее потехи и забавы
Свои личины, как Протей, меняет,
Кто предает бесстыдно честь державы,
Народ многострадальный разоряет.
Я вам, мои камены, обещаю,
Что не для них я песнь свою слагаю.

86

И не для тех, кто мерзкие деянья
Законом королевским прикрывает,
Мерзавцам не находит наказанья,
А бедный люд порочит и терзает.
Иль для своих же низменных желаний
Казну рукою хищной расточает
И возлагает новые налоги
На плечи слабых, сирых и убогих.

87

Я буду петь тех доблестных героев,
Что жизни для отчизны не жалели
И, побратавшись с славой боевою,
Власть мрачной смерти одолеть сумели.
Познав мгновенья сладкого покоя,
Я возвращаюсь снова к прежней цели.
Пусть Аполлон пошлет мне вдохновенье
И музы снизойдут к моим твореньям.

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

1

Пред старца благородного портретом
Пытливый Катуал остановился.
"Зачем с лозой герой представлен этот?"
Он к Паулу да Гаме обратился.
И разъяснить значенье сей приметы
Отважный португал не затруднился.
Призвав на помощь друга Монсаида,
Поведал он наирам именитым:

2

"Пред вами здесь стоят изображенья
Мужей, создавших мощную державу,
В жестоких схватках, в яростных сраженьях
Для Родины добывших честь и славу.
Известных чистотою побуждений,
Прослывших неподкупными по праву,
И первый Луз, от имени его
Пошло названье края моего.

3

Он Вакху был сподвижником и сыном,
Ему моря и земли покорял,
Пришел в наш край в далекую годину,
И этот край его очаровал.
Увидев Тежу светлые глубины,
Близ них вкусить он отдых пожелал.
Средь наших нив герой обрел Элизий

И дал свое нам имя, нас возвысив.

4

Лоза в его деснице - тирс зеленый.
Издревле жезлом Вакха он считался,
А Луз, сторонник Вакха убежденный
Во всем на бога походить старался.
А рядом с Лузом воин закаленный,
Что в гордом Илионе подвизался,
Запечатлен. Пройдя сквозь все преграды,
Близ Тежу он построил храм Паллады.

5

Так возвеличил Одиссей Афину,
Что к грекам пребывала благосклонной,
Она смела троянские твердыни,
А он воздвиг твердыню Лиссабона".
"А кто рассеял мертвых средь долины,
А из груди живых исторгнул стоны?
Кто в пыль и прах втоптал бесстрашно знамя,
Украшенное гордыми орлами?"

6

Спросил язычник и узнал от Гамы:
"Ты зришь портрет героя Вириату,
От коего знавали много сраму
Полки его противников заклятых.
И римляне, что гнусными делами,
Равно как и великими, богаты,
Прервали жизнь народного кумира,
С ним поступив не так, как с гордым

Пирром.

7

Нет, не в жестоком, гибельном сраженье
Он принял смерть, лицом к лицу,
как воин.
Он был бесстыдно предан умерщвленью
Своих клевретов кликой недостойной.
А вот другой, что в Лузовых владеньях
Правителем был мудрым и спокойным.
Он нашим стал вождем, и мы поныне
Сертория чтим память, как святыню.

8

А вот и лань, что мудрые советы
Герою-полководцу подавала.
Над птицами Юпитера победы
Она ему недаром предсказала.
Пока с ним в бой ходили наши деды,
Их войско поражения не знало,
Они и гордых римлян посрамили,
И славою навек себя покрыли.

9

А здесь показан Генрих просвещенный,
Династии великой прародитель,
Из Венгрии пришедший отдаленной,
Жестоких исламитов победитель,
Прославив христианские знамена,
В святую он направился обитель,
Чтоб вымолить у Господа в смиренье

Потомству своему благословенье".

10

"Кто этот воин, что рукой железной
Свое господство всюду утверждает
И с горсткою сподвижников чудесно
Войска орды несметной побеждает?
Ему сдаются грады повсеместно,
К его ногам короны возлагают",
Гость вопросил, взирая с восхищеньем
На славного царя изображенье.

11

"То, - отвечал красноречивый Гама,
Король Афонсу Первый, незабвенный,
Чьим именем давно клянется Фама,
Кто Стикса неподвластен водам пенным.
Великими известен он делами,
Немало мавров он разбил надменных,
Захватчиков навеки обесславил
И битв на долю внуков не оставил.

12

Когда бы Александр иль Цезарь гордый,
Пред коими мы все благоговеем,
На поле битвы вывели когорты,
Столь мало войска при себе имея,
Я вам скажу с уверенностью твердой
Они б своих врагов не одолели,
Себе б бессмертной славы не стяжали,
И мы бы их деяний и не знали.

13

А дале старец, гневом распаленный,
Воспитаннику юному пеняет,
А тот, его словами вдохновленный,
К себе остатки войска призывает,
И старец ратоборцев побежденных
На славный путь победы наставляет.
То Эгаш наш, Мониж - вассал примерный,
Во всех несчастьях государю верный.

14

С позорною веревкою на шее,
В убогом, неприглядном облаченье,
Родных детей нимало не жалея,
Супругу обрекая на мученья,
В Толедо он явился, не робея,
Стыдясь былого клятвопреступленья,
Что совершил он, Родину спасая
И юного Афонсу защищая.

15

Злосчастный не сравнится с ним Постумий,
Что, в плен попав к самнитам дерзновенным,
Спокойно и с решимостью угрюмой
Под вражеским ярмом прошел согбенный,
О Родине лелеял Эгаш думы,
Он, страж ее свободы неизменный,
Готовился на жертвенник отчизны
Принесть своих детей безвинных жизни.

16

А здесь ты видишь, как в кольце осады,
Под игом мавров город изнывает
И как герой выходит из засады
И короля захватчиков пленяет.
Как он, создав могучую армаду,
Впервые флот неверных побеждает,
Бесстрашно потопляет их галеры
Во имя торжества Христовой веры.

17

Смотри, как с гордым мужеством во взоре
Наш Фуаш, как звезда в ночи, сияет,
Как всюду - и на суше, и на море
Он супостатов мерзких убивает
И как, отчизне страждущей на горе,
Он сам в неравной битве погибает,
Душа его, великая, святая,
Возносится к высотам горним рая.

18

А видишь, как германские герои
Под стены Лиссабона прибывают,
С Афонсу Первым - храброю душою
Грядущую столицу осаждают,
Как, будучи орудьем божьей воли,
Они великий град освобождают
И там, где Генрих в бозе почивает,
Господне древо вдруг произрастает?

19

А вот и Теотониу блаженный,
С оружием в руках служивший Богу;

Арроншеш - град, красою несравненный,
Отбивший у захватчиков жестоких.
Вот Сантарен томится в окруженье,
Но, к главной башне проложив дорогу,
На ней герой флаг Луза поднимает,
Сограждан оробевших ободряет.

20

То Мень Мониж, краса младой державы,
Отцовское величье возродивший,
В неистовых боях добывший славу,
Севильских мавров храбро разгромивший.
Соратник Саншу, гордый, величавый,
Родной страны границы укрепивший,
К его ногам слагались неуклонно
Презренных мавров желтые знамена.

21

А видишь ли героя молодого,
Что ночью с башни по копью спустился,
Он предал смерти мавра-часового
И в Эвору с дружиной устремился,
И войску португальца молодого
Чудесный город вскоре покорился,
То был Жералду, юноша отважный,
Своим народом прозванный Бесстрашным.

22

Вот пред тобой кастилец разъяренный,
Что предал край родимый безоглядно.
Обидою старинной удрученный,
Перебежал он к маврам кровожадным

И к нам пришел тропою потаенной,
Чтоб покорить Абрантеш благодатный.
Но португалец с небольшим отрядом
Взял в плен вождя врагов своих заклятых.

23

То Мартин Лопеш, доблестный воитель,
Предателей презренных победивший.
А вот пред нами Господа служитель,
На меч свой посох пастырский сменивший,
Оставивший смиренную обитель,
Свои молитвы к небу обративший,
И небо, ниспослав ему виденье,
Дало ему свое благословенье.

24

Вот Кордовы и Хаена халифов
Матеуш в жаркой битве побеждает.
Правителя Севильи горделивой
Он к праотцам, не дрогнув, отправляет.
Бадахоса властитель несчастливый
На поле боя кровью истекает.
Господь решил за чад своих вступиться
И направлял епископа десницу.

25

А видишь, как магистр - гроза неверных
К нам из Кастильи рьяно устремился,
Как он, сын Лузитании примерный,
Алгарве возвращенья нам добился?
Границ родной земли блюститель верный,
Немало для нее он потрудился,

И, мстя за смерть охотников безвинных,
Тавиру он отбил у сарацинов.

26

То наш Куррейя, славный и могучий,
Он Силвеш взял у мавритан надменных.
Он не числом врагов рассеял тучи,
А воинским искусством несравненным.
Трех рыцарей, сынов отчизны лучших,
Родной земли героев незабвенных,
Не пропусти: испанцы их видали,
Им Франции сыны рукоплескали.

27

Смотри: среди Кастилии просторов
Герои на ристалищах блистают,
Отвагой и красой пленяют взоры,
Противников искусных побеждают
И с доблестью, уменьем и задором
На праздниках Беллоны выступают.
Их вождь - Рибейру, рыцарь дерзновенный,
Турниров победитель неизменный.

28

А здесь представлен полководец рьяный,
Когда на тонком волоске висела
Судьба его отчизны богоданной,
Свое плечо он ей подставил смело.
Вот, яростью и гневом обуянный,
Клеймит он португальцев оробелых,
Кастильцев в жаркой битве побеждает

И королю Жуану присягает.

29

Взгляни, как гордо под святой звездою,
Единственно на Бога уповая,
С кастильцами сойдясь на поле боя,
Он разгромил их, Родину спасая,
Как ловкостью и силой боевою
Героям прежних лет не уступая,
Наш полководец славный, незабвенный,
Развеял в прах захватчиков презренных.

30

Но видишь - с поля битвы отлучился
Вождь богомольный Лузовой дружины
И к Троице с молитвой обратился,
Взывая к небу в трудную годину.
Но тут кастилец дерзкий разъярился,
И португальцы, полные кручины,
Стремглав за храбрым Нуну поскакали
И вновь к своим полкам его призвали.

31

Но, преисполнясь верою святою,
Ответил Нуну: "Близится то время,
Когда Спаситель твердою рукою
Отбросит вспять кастильцев гордых племя".
Вот так Помпилий славный в годы горя
Склонялся ниц пред алтарями всеми,
Бессмертные мольбам его внимали
И римлянам победы даровали.

32

Да, это Нуну Алвареш достойный,
Отечеству он был отцом и сыном.
Нам Сципионом звать его пристойно
И Родины великой паладином.
Он благородно, мудро и спокойно
Спас свой народ в тяжелую годину.
Его Нептуна волны вспоминают,
Поля Цереры по нему вздыхают.

33

И в этой же войне других героев
Просторы Португалии рождали.
Когда, предавшись наглому разбою,
Два командора скот наш угоняли,
Родригеш наш с дружиной удалою
Его отбил; когда же друга взяли
Кастильцы в плен, Родригеш их нагнал
И вмиг свободу другу даровал.

34

А здесь пред нами мерзостный предатель,
Что над отчизной-матерью глумится.
Но Жил Фернандеш, Родины старатель,
Кладет его глумлению границы.
Дрожит пред ним подлец завоеватель,
Пред мщеньем в страхе убежать стремится.
Но храбрый Жил кастильцев настигает
И в Херес победителем вступает.

35

А вот и флотоводец незабвенный,
Наш Руй Перейра, гордый и отважный,
Кастильцам преградивший путь надменным
И спасший наши корабли бесстрашно.
А вот семнадцать воев дерзновенных,
Вступивших в бой неравный и ужасный,
Чтоб посрамить бестрепетно и смело
Четыреста кастильских кавалеров.

36

Вот так и наши прадеды когда-то
С несметным войском смело в бой вступали,
Во времена героя Вириату
Могучие когорты побеждали.
Мы, дорожа наследьем их богатым,
У них один обычай переняли:
Хоть мало нас, но страха мы не знаем,
И не числом - отвагой побеждаем.

37

А здесь инфантов видишь ты великих,
Потомство благородное Жуана.
Отважный мореплаватель Энрике
Открыл для нас просторы океана,
И в Сеуту, под ярых мавров крики
Он с мужеством ворвался несказанным,
И Педру, что в Германии суровой
Родимую страну восславил снова.

38

Вот граф Менезеш; дважды из осады
Спас Сеуту сей ратоборец славный.

Вот сын его, разивший без пощады
Сынов Агари, в бой вступив неравный.
Когда в Эль-Ксаре властелин державный
Едва не принял смерть от супостатов,
Его закрыл Менезеш своим телом
И пал под крики мавров оголтелых.

39

Когда бы живописцев окружали
Признание, почет и уваженье,
Они б в своей палитре отыскали
Немало дивных красок, без сомненья,
И прочих мы б героев увидали,
Прославивших себя в былых сраженьях,
Но в наши дни искусств не почитают,
И честь отцов их сыновья роняют.

40

А предки добродетелью сияют,
Потомков вызывая преклоненье,
Своею славой внуков затмевают,
Их оттесняют в тень без сожаленья,
На вечную безвестность обрекают,
Дарят неумолимо их забвеньем.
Те прозябают в праздности бесславной,
С геройством предков в бой вступив
неравный.

41

А есть у нас всесильные вельможи,
Что подлости тропой пробились к трону.
И я скажу, что королям негоже

Шутам в угоду нарушать законы.
Те, не имея славных предков, тоже
Чинят искусствам сладостным препоны.
Высокую поэзию клянут,
Поэтов поношеньям предают.

42

Но я не отрицаю, что бывают
Потомки, что деяньями своими
Великих предков славу укрепляют,
С достоинством несут их меч и имя.
Но редко их поэты воспевают,
И мы порою не знакомы с ними.
Их мало, их незримо осеняет
Тот свет, что славных предков озаряет".

43

Так Гама, Кату ала удивляя,
Рассказывал историю народа,
Что, славную державу прославляя,
Шел на Восток сквозь мглу и непогоду.
Уже, сквозь тучи трепетно сияя,
Вечерняя заря легла на воды,
А гость стоял в безмолвном изумленье
Пред Луза сыновей изображеньем.

44

Но вот померкло мощное светило
И, антиподам ясный день даруя,
За горизонт далекий поспешило,
Маня себе на смену ночь благую.
И для наиров время наступило

На брег направить путь сквозь
тьму ночную,
И лодки понеслись, с волнами споря,
По лону столь знакомого им моря.

45

Меж тем, по Саморинову желанью,
Наиры прорицателей созвали,
Сказав, чтоб те к великому гаданью
О судьбах государства приступали.
И дьявольское, злое волхвованье
Уже жрецы седые начинали,
Надеясь все узнать о португалах,
О вере их, владыке и державе.

46

По внутренностям жертвенным пророки
Узнать страны грядущее стремились.
К ним поспешил злой демон на подмогу
И нашептал, что в Каликут явились
Полки поработителей жестоких,
И мудрецы седые устрашились.
Верховный жрец в тревоге и кручине
Поведал о гаданье Саморину.

47

К тому же в Каликуте находился
Мулла - закоренелый мусульманин,
Однажды Вакх во сне ему явился
И подстрекал злодея беспрестанно.
И без того тот злобой распалился,
Прослышав о героях-христианах,

А Вакх, приняв обличье Магомета,
Такие дал неверному советы:

48

"Остерегись, мной избранное племя!
Тебе противник страшный угрожает,
Несет он для тебя несчастий бремя,
Поработить детей моих желает.
Тяжелое для нас настало время,
Нас грозная година ожидает!"
Мавр пробудился и решил в волненье,
Что видел лишь дурное сновиденье.

49

Но Вакх вернулся: "Подлый лежебока!
Ты что, глупец, на лаврах почиваешь?
Признать не можешь своего пророка
И внять его призывам не желаешь?
Я здесь страдаю, властелин Востока,
А ты меня, невежа, презираешь.
Забыл, как видно, что твои же деды
Мои навеки приняли заветы.

50

Сынов здесь мало этого народа,
И трудно будет им тягаться с нами.
Любуемся мы солнцем при восходе,
Но слепнем под полдневными лучами.
Чини препоны гордым мореходам,
К ним разжигай ты ненависти пламя.
Пока слепящий полдень не настал,

Пускай от нас страдает португал!"

51

Так возвестив, сокрылся Вакх коварный,
Проснулся мавр, виденьем удрученный,
И, помня о пророчествах кошмарных,
Все издавал проклятия и стоны.
Едва лишь свет денницы лучезарной
На сонном появился небосклоне,
Созвал мулла потомков Магомета
И рассказал о Вакховых заветах.

52

Услышав все, коварные интриги
Замыслил люд бессовестный и подлый,
Чтоб низко очернить народ великий,
Унизить племя португалов гордых.
Минуя величавого владыку,
К правителю идти решили твердо,
Надеясь драгоценным подношеньем
Приобрести его благоволенье.

53

И, в грудь себя бия, они явились
К наместнику благого властелина
И в жалобы великие пустились,
Изобразив досаду и кручину,
Сказали, что пираты объявились
У берегов, подвластных Саморину,
Что грабежом пришельцы промышляют
И королей законных презирают.

54

О, как же должен праведный властитель
Советников лихих остерегаться!
Погибнет самый мудрый повелитель,
Коль фаворитам будет доверяться.
Так высоко вознесся ты, правитель,
Что тягостно с высот тебе спускаться.
Готов ты слепо царедворцам верить
И судьбы государства им доверить.

55

Как часто хитрый раб изображает
Почтенье, благородство побуждений,
А сам лишь честолюбием пылает,
В душе таит корыстные стремленья.
А царь ему бездумно доверяет,
Дает ему народ на разграбленье,
И тот, забыв о Божьем повеленье,
Гнетет несчастный люд без сожаленья.

56

Вот так и здесь: не в силах распознать
Все ухищренья алчных Катуалов
И мавров богомерзких разогнать
Сих дьявола потомков одичалых,
Стал Саморин ответ свой отлагать,
Чем озадачил гордых португалов,
А Гама - рыцарь мужества и чести
Хотел дать о себе отчизне вести.

57

Он знал, что должен в дальние пределы
Открыть своим согражданам дорогу,
Чтоб дети Луза радостно и смело
Направились к сокровищам Востока.
Он верил: дланью твердой и умелой
Те укрепят свой стяг в земле далекой.
И подчинится Мануэлу вскоре
Окружность, что вмещает твердь и море.

58

И посему немедля он решился
Стопы свои направить к Саморину.
Но тот ответ давать не торопился,
От слов презренных мавров впав в кручину.
Во власти он сомнений находился,
Кляня в сердцах гостей своих безвинных,
Поверив чересчур легко и скоро
Авгуров богомерзких наговорам.

59

То сладостным мечтам он предавался,
Несметные доходы предвкушая,
И мыслями к пришельцам устремлялся,
Торговлю с ними завязать желая,
То черным подозрением терзался,
Слова жрецов и мавров вспоминая.
Душой томясь под бременем сомнений,
Не мог никак король принять решенье.

60

Но наконец призвал он капитана,
Устав тяжелой думою томиться,

И возгласил: "Поведай без обмана,
Что привело тебя к моим границам.
В любом проступке ныне невозбранно
Ты можешь предо мною повиниться.
За искренность тебе без промедленья
Я извиню любые прегрешенья.

61

Я знаю: ты от Родины отрекся
И всуе короля упоминаешь,
Ты легкою наживою увлекся,
Пиратством и разбоем промышляешь.
И к нам с своей ватагою повлекся.
Зачем ты нас, безумец, уверяешь,
Что государь твой, не жалея флота,
Его отправил в путь к далеким водам?

62

Коль твой король богатством несусветным,
Как ты сказал, и вправду обладает,
Так что ж он от казны своей несметной
Подарка мне с тобой не посылает?
Как я поверю, что скиталец бедный
Могучую державу представляет?
Ведь мог бы твой король к брегам далеким
Послать приязни веские залоги.

63

Когда же вы в изгнанье удалились,
Что и с людьми достойными бывает,
То в добрый час к брегам моим прибились,
Моя страна покой вам предлагает.

Коль вы пиратством прокормиться
тщились,
За это вас никто не порицает.
В любой земле смельчак найдет отчизну
И обретет повсюду радость жизни".

64

В безмолвном удивленье мудрый Гама
Внимал словам жестоким властелина
И понял, что опять сыны ислама
Несчастие внесли в его судьбину.
В груди почуяв ненависти пламя,
Венеру вспомнив в трудную годину,
Молил он, чтоб она его хранила
И красноречья даром наделила.

65

И отвечал: "Перед Господним ликом
Готов поклясться честию я ныне,
Что дружбу мы с тобой, король великий,
Чтим нерушимо, крепко, как святыню.
Но вижу я воочью, о владыка,
Что дерзкие и злые сарацины
Здесь у тебя уже перебывали
И нас перед тобой оклеветали.

66

Я знаю: каждый замысел прекрасный
Насмешки и гоненья ожидают.
Немало злопыхателей несчастных
Величие глумленью подвергают.
И ныне толпы мусульман злосчастных

Разрушить нашу дружбу угрожают.
Ты их слова на веру принимаешь
И в подлости меня подозреваешь.

67

Когда бы я отправился в изгнанье,
Вернуться к дому отчему не смея,
Зачем бы мне в столь дальние скитанья
Пускаться, милой жизни не жалея?
За что и для какого наказанья
Мне подвергать собратьев суховею,
Овна дыханью, духоте нещадной
И полюса метелям безотрадным?

68

Даров ты драгоценных ожидаешь,
Чтоб слов моих увидеть подтвержденье.
Но как ты, государь, не понимаешь,
Что я лишь путь искал к твоим владеньям?
А коли нас проверить ты желаешь,
Домой нас отошли без промедленья.
Едва лишь я вернусь, как дар бесценный
Тебе пришлет король наш, несомненно.

69

Ты странным, очевидно, полагаешь,
Что из земель, столь Богом отдаленных,
Здесь славных мореходов созерцаешь,
К высокой цели смело устремленных,
Но ты, король, не раз еще узнаешь,
Что ни морей волненье разъяренных
Нам нипочем, ни зимние морозы.

Дух лузитан не устрашат угрозы.

70

Издревле Лузитании владыки
С опасностью в сражение вступали.
И корабли подвижников великих
Враждебных вод просторы покоряли.
Мы не любили наслаждений тихих,
Край света мы увидеть возжелали,
Чтоб знать, где миру дольнему границы
И что за ними от людей таится.

71

Достойный отпрыск короля благого
Энрике - первым в море устремился.
И, из гнезда им изгнанный родного,
Пред ним в испуге грозный мавр
склонился.
К древесной парус прикрепив основе,
Под небесами юга он явился.
Ему Арго и Жертвенник сияли,
И Заяц с Гидрой на него взирали.

72

Деянья славных предков продолжая,
Все новые рождались поколенья,
Что, рубежи отчизны раздвигая,
К чужим брегам стремились в нетерпенье.
И как они, мы, по миру блуждая,
Узрели знойной Африки селенья.
Там племена чужие обитают

И звезд Большой Медведицы не знают.

73

А вот теперь, достигнув края света,
Мы столп последний возвести желаем,
Сюда мечтой стремились наши деды,
И мы их волю свято выполняем.
Сейчас, почтив давнишние обеты,
Мы на тебя, властитель, уповаем,
Ты государю отпиши посланье
Как долгой дружбы предзнаменованье.

74

Поверь же, что бессовестным обманом
Свое не стал бы имя я порочить.
Сюда я прибыл, словно гость незваный,
Не для того, чтоб нагло вас морочить.
А ныне снова к морю-океану
Хочу с любовью обратить я очи.
Поверь, пиратством я не промышляю,
Себе добра чужого не желаю.

75

И если ты на веру принимаешь
Мои слова, мольбы и обещанья
И нам добра по совести желаешь,
То прекрати ненужные терзанья.
Ты разумом, конечно, понимаешь:
Пришла для нас минута расставанья,
И сделай так, чтоб мы без промедленья
Покинули сейчас твои владенья".

76

Король внимал безмолвно этой речи
И к Гаме уваженьем проникался.
В его отваге и чистосердечье
Все более властитель убеждался.
Он вспомнил прорицателей зловещих
И понял, что во многом ошибался,
Когда отдал отчизну под начало
Бесчестных и свирепых Катуалов.

77

Немалые предвидел он доходы
От будущих торговых соглашений
И думал, что великие заботы
Он мог бы снять с себя без спасенья.
Он Гаме разрешил вернуться к флоту
И дал потомкам Луза дозволенье,
Коль будет их желанье, на базаре
На пряности сменять свои товары.

78

И, заручившись этим обещаньем,
Достойный капитан приободрился.
Простившись с властелином чужестранным,
Немедля к Катуалу обратился.
Чтоб плыть к своей армаде богоданной,
Он срочно лодку раздобыть стремился,
Издельями надеясь португалов
Затмить красу восточного базара.

79

Но Катуал, исчадье негодяев,
Решил чинить препоны капитану.
В плену героя удержать желая,
Избрал он путь насилья и обмана.
Увлек его на пристань, обещая
Ладью искать пришельцу невозбранно,
А сам спешил от царских взоров скрыться,
Чтоб над достойным Гамой поглумиться.

80

Потом сказал, что гостя дорогого
Он задержать намерен до рассвета,
А на заре - ив том дает он слово
Он Саморина выполнит заветы.
Но распознал премудрый Гама снова
Все хитрости потомков Магомета
И понял, что дальнейшие терзанья
Ему опять готовят мусульмане.

81

И вправду - Катуал тогда являлся
Правителем державы Саморина.
Король ему великий доверялся,
И это знали злые сарацины.
Их наговорам Катуал поддался,
Не ведая о злобе их старинной.
В их заговоре принял он участье
И маврам помогал своею властью.

82

Но, с твердостью решив вернуться к флоту,
Правителю наш Гама повторял,

Что предоставил полную свободу
Ему мягкосердечный Перимал,
С тем, чтоб изделья своего народа
На берег он с армады отослал.
Он говорил, что короля приказы
Должны безмолвно выполняться сразу.

83

Напрасно он взывал; уже правитель
Мечтою кровожадною томился.
Как гнусный лихоимец и грабитель,
Он погубить великий флот стремился.
Презренных мавров тайный покровитель
Спалить в огне гостей безвинных тщился,
Чтоб память о великом, славном деле
До Лузовой страны не долетела.

84

Да, этого хотели мусульмане,
Надеясь, что за смертью мореходов
Их государь состарится в рыданьях,
Забыв и думать об индийских водах.
Но капитан, тревогой обуянный,
Хотел отплыть к покинутому флоту,
И требовал он лодку - но напрасно:
Неумолим был Катуал злосчастный.

85

Он с наглою ухмылкой заявил,
Что Гама поступил как вор презренный,
Когда бы другом он индийцам был,
То флот привел бы в гавань непременно,

Нет, не случайно он армаду скрыл,
Он злобою был движим откровенной,
А если нет - пусть шлет распоряженье,
Чтоб в гавань флот вошел без спасенья.

86

Тут понял славный Гама, что недаром
Флот к берегам правитель приглашает,
Что гибелью, разбоем и пожаром
Такое приглашенье угрожает.
Узрел воочью мореход бывалый,
Что смерть над ним, как туча, нависает,
Он тысячи опасностей страшился
И лишь на волю вырваться стремился.

87

И мысль его тревожная блуждала,
Как солнца луч, что зеркалом игривым
Бездумно отражается, бывало,
И по стене блуждает шаловливо.
А та рука, что вдаль его послала,
Шутя, все ищет солнца переливы,
И луч дрожит, и мечется, и бьется,
Пока рука-шалунья не уймется.

88

И, думам неустанным предаваясь,
Вдруг вспомнил Гама, что Куэлью славный
На шлюпке капитана дожидался,
Долг выполняя честно и исправно.
За преданного друга опасаясь,
Везде с коварством сталкиваясь явным,

Наш Гама, ловко обойдя преграды,
Смог отослать Куэлью на армаду.

89

Вот так и должен истинный воитель
Опасности грядущие предвидеть,
И, ратникам отец и попечитель,
Не должен позволять он их обидеть.
Обязан войск искусный предводитель
Врага не только слепо ненавидеть,
А разум неустанно напрягать
И хитростью неверных побеждать.

90

Но малабарец, гневный и сердитый,
Сказал, что если Гама не прикажет
Своей армаде в гавань плыть открыто,
То он в плену держать его накажет.
Но Гама, флотоводец знаменитый,
Решил, что смельчакам своим закажет
К брегам недружелюбным приближаться
И с хитрыми туземцами общаться.

91

Наутро он велел, чтоб к Саморину
Его индийцы тотчас проводили,
Но слуги Катуаловой дружины
Немедля путь герою преградили.
Но все ж хитрец переменил личину,
Его благие мысли посетили.
Он знал: когда б вина его открылась,

У короля бы он попал в немилость.

92

И возвестил правитель, что сердечно
Он добрую торговлю уважает.
Кто ж торговать не хочет, тот, конечно,
Язык войны всему предпочитает.
И понял Гама, что лукавец вечный
Богатый выкуп получить желает.
Но все же согласился Катуалу
Направить лузитанские товары.

93

Поскольку мудрый Гама не желал,
Чтоб к берегам армада приближалась,
То повелел свирепый Катуал,
Чтоб к ней ладья туземцев отправлялась.
В письме, что Гама тут же отослал,
Для брата указанье содержалось
Прислать на брег испанские товары,
Чтоб расплатиться с Катуалом ярым.

94

И очень скоро Алвару с Диогу
Доставили обещанный товар.
Едва завидел их правитель строгий,
Как от восторга тут же задрожал.
И Гама собираться стал в дорогу,
Его презренный варвар отпускал.
А моряки остались с Катуалом,
Чтоб приглядеть за дорогим товаром.

95

Достойный Гама, обретя свободу,
К своем! армаде сразу устремился.
Немало человеческой природе
Бывалый мореплаватель дивился.
Как быстро одолел он все невзгоды
И как на воле скоро очутился,
Прибегнув к беспримерной силе злата,
Оставив выкуп за себя богатый!

96

На кораблях он отдыху предался,
На время все надежды возлагая,
Людскому лицемерью удивлялся,
Деянья Катуала вспоминая,
И горьким убежденьем проникался,
Что сила денег, все превозмогая,
И бедняков убогих развращает,
И богачей навечно подчиняет.

97

Фракийский царь, сокровищем
прельщенный,
Обрек на смерть младого Полидора.
Юпитер, в дождь блестящий
превращенный,
Проник к Данае через все затворы.
Тарпее, блеском злата развращенной,
Так золотой туман окутал взоры,
Что в град родной врагов она впустила
И жизнью за безумство заплатила.

98

Да, злато покоряет цитадели,
В предателей героев превращает,
Коварно садит корабли на мели
И девственниц невинных развращает.
Ему в угоду от великой цели
Ученый с легким сердцем отступает,
И правосудье перед ним немеет,
И честь, его завидя, цепенеет.

99

Кто текст, прельстившись златом,
так толкует,
Что в нем не сыщешь правды и следа,
Кого оно настолько очарует,
Что извратит закон он без труда.
Презрев для злата истину святую,
Король тираном станет навсегда.
И даже к тем, кто век свой служит Богу,
Найти успело золото дорогу.

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

1

На берегах враждебных подвизались
Без пользы два бывалых морехода.
Увы! Товары их не продавались.
Давно в глазах и знати и народа
Их оболгать неверные старались
И задержать - ведь по индийским водам
Из Мекки корабли уже спешили,
Которые б армаду погубили.

2

Чтоб память сохранить об Арсиное,
Царь Птолемей, супруг ее примерный,
Могучий город в честь жены построил,
Суэц, в веках прославленный безмерно.
А недалече силой роковою
Вознесся Мекка-град, кумир неверных.
К источнику там мавры припадают
И лживого пророка почитают.

3

Близ Мекки порт огромный процветает,
Что Джиддой испокон веков зовется.
Султан им богатейший управляет,
В порту торговля бойкая ведется.
И каждый год от Джидды отплывает
И к Малабарским берегам несется
Торговый флот; и пряностей запасы

Потом привозит маврам с каждым разом.

4

И этот флот, как мавры полагали,
Потопит лузитанскую армаду,
И гибель португальцев предвкушали,
В их смерти видя для себя отраду.
С такою злобой этого желали,
К своим гостям не ведая пощады,
Что правдой и неправдою старались,
Чтоб гости в Каликуте задержались.

5

Но повелитель неба и народов
Иначе их судьбой распорядился.
Прошла пора суровой непогоды,
И небосклон печальный прояснился,
Желаниям всевышнего в угоду,
К ним на армаду Монсаид явился
И так старался, Гаму наставляя,
Что заслужил себе блаженство рая.

6

Ему, как мавру, мавры доверяли
И, собственным коварством не смущаясь,
Его в свои интриги посвящали,
Во всем единоверцу открываясь.
Такие козни мавры замышляли,
Мечтаньям самым злобным предаваясь,
Что честный Монсаид неоднократно
Звал Гаму в путь отправиться обратный.

7

Волнуясь, он поведал капитану,
Что должен флот из Мекки появиться,
И смогут мусульмане невозбранно
За все с дружиной Луза расплатиться,
И молнии зловещие Вулкана
Заставят португальцев покориться.
И мусульмане с гордым наслажденьем
На христиан свое обрушат мщенье.

8

Но капитан и сам не ждал посланья
От короля, что маврам потакает.
Он знал, что промедленьем на закланье
Бесстрашных мореходов обрекает.
Он Алвару с Диогу приказанье
Отдал и объяснил, что подобает
Им на армаду срочно возвращаться,
Но так, чтоб сарацинам не попасться.

9

Но вскоре слух дошел до капитана,
Что моряков неверные схватили,
Издевкам их подвергли невозбранно
И плыть им на армаду запретили.
И Гама, ярым гневом обуянный,
Велел, чтобы под стражу заключили
Купцов, что на армаде пребывали
И самоцветы морякам сбывали.

10

В то время как купцы, попав в оковы,
Своей судьбы решенья ожидали,
Велел немедля капитан суровый,
Чтоб для отплытья все приготовляли.
И вот, как прежде, мореходы снова
Уж якоря, натужась, подымали.
На кабестан всей грудью навалились,
Как будто расколоть его решились.

11

Другие же, вися на прочных реях,
Широкий парус развернуть стремились.
Меж тем на берегу, от слез немея,
Уже купцов их близкие хватились,
С детьми, от горя волосы развеяв,
Пред Саморином женщины явились,
Прося, чтоб повелитель всемогущий
Кормильцев спас от казни неминучей.

12

И Саморин, мольбам их уступая,
Отправил португальцев на армаду.
А с ними их товары, вызывая
У Катуала алчного досаду.
На борт своих героев принимая,
Их Гама встретил с ласковой отрадой,
Купцов освободил и в нетерпенье
Оставил чуждый брег без промедлений.

13

Томился Гама горькою кручиной:
Не смог он в Каликуте утвердиться

И с гордым самодержцем Саморином
Союза драгоценного добиться.
Тем утешался капитан безвинный,
Что в край Авроры он сумел пробиться
И мог, разведав путь к земле желанной,
Домой вернуться с вестью долгожданной.

14

Он нескольких индийцев задержал.
С Диогу те и Алвару явились.
Конвой им славный Саморин придал,
А конвоиры Гаме покорились.
С собой гвоздику пряную он взял
(Ей острова Молуккские гордились),
Взял перец, взял корицу - дар Цейлона
И взял орех, бандийцами взращенный.

15

Все Монсаид доставил на армаду,
Сторонник португальцев убежденный,
В словах Христа увидевший отраду
И ангелом на подвиг вдохновленный.
О славный африканец! Ты в награду
Взамен своей отчизны отдаленной
Обрел себе духовную отчизну
И отыскал дорогу к светлой жизни.

16

Носами волны мощные вздымая,
По морю дружно корабли носились,
И, южные просторы покоряя,
К Надежде Доброй рьяно устремились,

И, к Родине мечтою улетая,
Заране моряки приободрились,
Опасности легко одолевали,
Что волны непокорные скрывали.

17

Тянуло к дому моряков завзятых,
Все дружно предвкушали в нетерпенье,
Как явятся назад к родным пенатам,
Чтоб о своих поведать похожденьях,
Как будут все удачливы, богаты,
Получат за труды вознагражденье,
Так сердце в упоенье колотилось,
Как будто грудь пробить оно решилось.

18

Однако всемогущая Киприда
О чадах Луза помнить продолжала,
Взяв славных мореходов под защиту,
Юпитера наказы исполняла.
За все страданья, беды и обиды
Героев наградить она желала
И собиралась дать отдохновенье
Им от скитаний, бедствий и мучений.

19

И, вспомнив все несчастья и страданья,
Что уроженец Фив на них обрушил,
Все горести, болезни и метанья,
Что истерзали сих героев души,
И все судьбы свирепой испытанья,
Что ждали их на море и на суше,

Венера заспешила в нетерпенье
Им ниспослать земные наслажденья.

20

В хрустальном королевстве захотела
Она приветить путников усталых,
Дать отдых хоть на миг героям смелым,
Наградой увенчав их небывалой.
Чтоб взялся резвый Купидон за дело,
Прекрасная богиня пожелала.
Богов с небес сводил он, улыбаясь,
А смертных влек на небо, забавляясь.

21

По замыслу богини, мореходам
Должно предстать волшебное виденье:
Чудесный остров, где сама природа
Скитальцев бы манила к наслажденью.
Шелк изумрудный трав, леса и воды
Сулили бы любовь и вдохновенье.
Ведь за вратами мощными Алкида
Немало островов таит Киприда.

22

И там перед суровыми мужами
Младые нереиды бы предстали
И легким хороводом пред очами
Измученных скитальцев замелькали.
О, что б случилось с гордыми сердцами
Героев, что все беды побеждали!
Они б заныли в муке несказанной

При виде сих цветов благоуханных.

23

Да, силу дивных чар своих Венера
Давно на той несчастной испытала,
Что отпрыску Анхиза выше меры,
Томимая любовью, угождала.
И, в силу страсти сохраняя веру,
Богиня к Купидону поспешала,
Просить его о помощи желая,
Над нимфами победу предвкушая.

24

Влекли богини дивной колесницу
Те птицы, что пред смертью песнь слагают,
И нежные подруги - голубицы,
Что Перистеру с грустью вспоминают.
Там, где стремглав промчалась чаровница,
Ее лобзанья в воздухе порхают.
Смиряются лихие ураганы
Пред красотой прелестницы желанной.

25

До гор она домчалась Идалийских,
Где сын богини с войском пребывал.
С решимостью взаправду олимпийской
Расправиться он с миром возжелал.
От мерзлых льдов до пастбищ аравийских
Уж Купидоном всяк пренебрегал,
Любя не то, что душу возвышает,
А то, что злую алчность насыщает.

26

С гор юного увидев Актеона,
Что так охотой увлекался рьяно,
Что, цепи отвергая Купидона,
В леса бежал от женщин постоянно,
Веселый бог, чтя естества законы,
Решил ему явить красу Дианы.
(Боюсь, что псы, что ныне с ним играют,
Безумца молодого растерзают.)

27

С высот бескрайний мир обозревая,
Увидел Бог презренных гордецов,
Что, царские покои заполняя,
Лесть расточают, не жалея слов.
Да, им любовь неведома святая,
Вовеки им не снилось сладких снов.
Одних себя безумцы обожают
И юные побеги развращают.

28

Увидел он и тех, кому от Бога
Завещан путь молитвы и смиренья,
Но кто иную предпочел дорогу,
Стремясь к богатству, власти,
наслажденью,
Кто подло обирал народ убогий,
Прислужничал тиранам без смущенья
И королям неправедным в угоду
От Бога отступался и народа.

29

И понял Бог, что подлыми страстями
Давно уж мир презренный раздираем,
Что мелкими, беспечными делами
Несчастный человек обуреваем.
Чтоб возродить в сердцах святое пламя,
Стремленьем мир возвысить увлекаем,
Звал Купидон всех слуг своих умелых
И им велел готовить лук и стрелы.

30

Крылатые малютки с наслажденьем
Со стрелами калеными возились,
Точили наконечники в волненье,
У луков беспощадных суетились.
Они друг друга услаждали пеньем
И страсть возжечь высокую стремились.
И ангельские звуки стройным хором
Взлетали в поднебесные просторы.

31

А в кузницах, где малыши ковали
К тем стрелам наконечники лихие,
Нет, не дрова обычные пылали
Сердца от страсти плавились людские.
А реки, где железо закаляли,
Слезами наполнялись роковыми,
А пламя, над которым смерть не властна,
Огонь желаний пылких и прекрасных.

32

Шутя малютки стрелы посылали,
Разя сердца, не знавшие страданий,

И те терзаться страстью начинали,
И небо оглашали их рыданья,
Но их с улыбкой нимфы исцеляли,
Им расточая пылкие лобзанья,
Они влюбленных в чувство приводили
И щедро жизнь плодам любви дарили.

33

Средь нимф иные взоры ослепляли
Чудесной неземною красотою,
Другие же - уродством поражали,
Но так уж, видно, суждено судьбою.
Бывало, что и раны исцеляли
Зловонным зельем, горькою травою.
И только те молили о пощаде,
Кого повергли наземь стрелы с ядом.

34

От ран, что дети людям наносили,
Немало горьких родилось страданий,
И в древности седой, случалось, были
Для смертных страсти горестным
терзаньем.
Ведь муки сердца Библиду сгубили,
Любовь для Мирры стала наказаньем,
Для Антиоха - горестным укором,
Для иудея юного - позором.

35

И сильных мира часто поражали
Простолюдинок дерзостные стрелы.
И знатных дам мужланы соблазняли,

Вулканову им сеть расставив смело.
Любовников преграды не смущали
Преодолев опасности умело,
Те с крыш в ночи к возлюбленным
спускались
И угождать Венере принимались.

36

Но лебеди уже на луг зеленый
Венеры колесницу опустили.
И Купидоны-лучники сплоченно
К богине лучезарной поспешили.
Ей руки целовали восхищенно,
Очей с нее влюбленных не сводили,
А сын ее с заботой и вниманьем
Спешил исполнить матери желанья.

37

Чтоб времени златого не терять,
Венера сразу сыну возвестила:
"Любимый сын! Как истинная мать,
Тебе я чары дивные вручила.
Вселенною ты стал повелевать,
И не страшна нам роковая сила,
Что Тития повергла ниц, я знаю,
И я к тебе о помощи взываю.

38

Ты видел, что герои-лузитане,
Которых я, как прежде, защищаю,
Страданьям подвергались несказанным,
Свою отчизну всюду прославляя.

Мне Парки намекали постоянно,
Что, доблесть древних римлян воскрешая,
Потомство Луза с искренним почтеньем
Передо мной склонится в упоенье.

39

Проклятый Вакх обрушил гнев и ярость
На славную, могучую армаду.
В морях мои герои исстрадались,
Ни отдыха не зная, ни отрады.
Пускай покинет ныне их усталость
И пусть в морях найдут они награду!
За все труды, болезни и страданья
Я щедро увенчаю их желанья.

40

И я, мой сын, на острове чудесном,
Украшенном затейливою Флорой,
Создам приют для нереид прелестных,
Что нежною красой пленяют взоры.
А ты, сердец губитель всем известный
И моего вершитель приговора,
Пронзишь сердца красоткам нежноликим,
Им страсть внушив к лузиадам великим.

41

Хрустальные воздвигну я покои,
Чтоб там младые нимфы обитали
И радостной,веселою толпою
Героев исстрадавшихся встречали,
Цветами и изысканной едою
Гостей желанных дружно привечали,

Волшебные им вина подносили
И взглядом о взаимности молили.

42

И пусть потомство доблестных героев
Нептунову державу заселяет,
И там, где свет забрезжил предо мною,
Любви великой силу прославляет,
Примером этим, страстию святою,
Мир жалкий и порочный вразумляет,
Коль страстью на земле пренебрегают,
Пускай средь вод ей ныне угождают".

43

Так говорила нежная Венера,
И ей охотно сын повиновался.
Велел себе подать он лук и стрелы
И тут же в дальний путь засобирался.
Простившись с войском Купидонов смелых,
Он в колесницу к матери взобрался,
И птицы, что любили Фаэтона,
Их вдаль помчали быстро, неуклонно.

44

Но Купидон поведал, что, конечно,
Им великаншу взять с собой придется,
Что правду с ложью сочетает вечно
И Фамою великою зовется.
Сто глаз и уст в работе бесконечной
У радостной гигантши, как ведется.
Она Венеру много порицала,

Но часто от души ей помогала.

45

Ее нашли Венера с Купидоном
И дали ей немедля приказанье
Повсюду возвещать неугомонно
Всю истину о Лузовых деяньях,
Так чтоб в глубинах моря отдаленных
Внимали нимфы чудному сказанью.
И вот, запасшись мощною трубою,
Взлетела гордо Фама над землею.

46

И так хвалу героям протрубила,
Что Вакху, хитроумному на горе,
Легко к ним все сердца расположила,
Морских божеств сломив упорство вскоре,
Такой гигантша обладала силой,
Что с вящим нетерпеньем девы моря
Уже на Вакха низкого роптали
И славных мореходов поджидали.

47

А Купидон бестрепетной рукою
Направил в дев губительные стрелы,
И те лишились счастья и покоя,
И стон объял подводные пределы.
И нимфы с бесполезною мольбою
Все к небу обращали взор несмелый.
Еще в глаза любимых не видали,
А уж по ним, несчастные, страдали.

48

Так Купидон согнул свой лук упругий,
Что стал он полумесяцем казаться,
И, тетиву натягивая туго,
Решил он за Фетидою погнаться.
Рыдали нимфы кроткие в испуге,
Не в силах стрелам злым сопротивляться,
От ран в жестоких муках изнывали
И смерть как избавленье призывали.

49

Но, разрезая волн лазурных гривы,
Уже вдали армада показалась.
Ветрилами белея горделиво,
Она к несчастным девам приближалась.
И нежная Венера хлопотливо
Морских красавиц исцелить старалась,
Взаимность им героев обещала
И слезы их искусно осушала.

50

И нереиды с робостью безгласной
За радостной Кипридой устремились.
И в хороводе резвом и прекрасном
Близ острова благого появились,
Премудростям любви разнообразным
У Эрицины ласковой учились,
Внимая с небывалым нетерпеньем
Богини искушенной наставленьям.

51

А моряки на Родину стремились,
Объятые тоскою небывалой.
Но так давно средь волн они носились,
Что пресной им воды недоставало.
Желанный берег разглядеть все тщились,
Влеклись мечтой к полям, озерам, скалам,
И вдруг в сиянье матери Мемнона
Открылась им обитель дев влюбленных.

52

Носился чудный остров меж волнами,
К армаде неуклонно приближаясь,
Пред гордыми красуясь кораблями,
Велениям Киприды подчиняясь.
Герои изумленными очами
За островом следили, удивляясь
И берегам его, к себе манящим,
И чудным рекам, пажитям и чащам.

53

Сближаясь с кораблями неуклонно,
Вдруг остров среди волн остановился.
Как Делос пред гонимою Латоной
В тот день, когда кудрявый Феб родился.
И берег бухтой тихой, закругленной
Перед армадой славною открылся.
У моря белизной пески сияли,
Их красные ракушки украшали.

54

И три холма прекрасною грядою
На острове волшебном возвышались.

И нежною, блестящею травою,
Как пеленою мягкой, укрывались.
А камешки, сияя белизною,
У тихих берегов располагались.
Прохладные источники журчали
И пестрые равнины орошали.

55

А меж холмов, в долине благодатной,
Потоки ясных вод соединялись
И в озере глубоком и прохладном
По воле сил неведомых сливались.
Деревья рощ заветных, ароматных
Над озером пленительным склонялись,
В его хрустальных водах отражаясь
И собственной красою наслаждаясь.

56

С ветвей широколистных и могучих
Плоды разнообразные свисали.
И апельсинов золотые тучи,
Как кудри Дафны, сквозь листву сияли,
А нежные лимоны, сбившись в кучу,
К земле с немою лаской припадали,
Благоуханье нежно источая
И перси юных дев напоминая.

57

А тополя Алкида с гордым шумом
Герою песнь победную слагали.
Кибелы сосны с ропотом угрюмым
Все о любви несчастной вспоминали.

Томимые невыразимой думой,
К Венере мирты нежные взывали.
И кипарисы, головы вздымая,
Стремились вознестись к высотам рая.

58

Кругом дары волшебницы Помоны
Пленяли взоры путников усталых.
Глядели мореходы изумленно
На царство вишен, сладостных и алых.
И персик их манил, непревзойденный
В своей красе, роскошной, небывалой.
В чужой земле ему живется лучше,
Чем в Персии, далекой и могучей.

59

Гранат гостям навстречу открывался
И, зерен красоту своих являя,
С рубином гордым в цвете состязался,
А далее лоза росла младая.
Над грушей рой пернатых увивался,
Ее плоды испробовать желая.
А ветви к птицам сами простирались
И с бременем охотно расставались.

60

В полях ковры раскинулись такие,
Каких в краю не знали Ахемена.
Цветы Кефиса, нежные, златые,
Росли средь трав страны благословенной.
Расцвел, тревоги позабыв былые,
И сын и внук Кинира незабвенный,

О ком с тоской Цитера вспоминает
И слезы над несчастным проливает.

61

И Анемону нежная Аврора,
Смеясь, зари румянец подарила.
Чтоб он манил красой рассветной взоры,
Она свои цвета ему вручила.
Искусница причудливая Флора
Всех бледностью печальной наделила.
Белели розы, лилии, левкои,
Как будто страсть лишила их покоя.

62

И заливался майоран слезами,
Заре все беды выплакать желая,
А гиацинт покрылся письменами,
О светлом Аполлоне вспоминая.
Хлорида остров убрала цветами,
Дары Помоны превзойти мечтая.
И звери в чащах девственных резвились,
А птицы средь ветвей густых селились.

63

Здесь лебедь, слыша глас любви
призывный,
Ответ слагает нежной Филомеле.
Там Актеон глядится неотрывно
В глубины водоемов онемелых.
И, радости предавшись неизбывной,
Играют в роще стройные газели.
К гнезду родному птица подлетает

И птенчиков беспомощных питает.

64

Сошли на брег волшебный в нетерпенье
Вторые аргонавты дружным строем.
А нимфы несравненные в волненье
Уже в лесах кружились легким роем,
Кто под кифару предавался пенью,
Кто трогал арфу нежною рукою,
А кто, взяв лук, искусно притворялся,
Что на охоту выходить собрался.

65

Велела девам нежная богиня,
Чтоб сразу те к гостям не приближались,
А легким танцем, песнею зазывной
К себе вниманье возбудить старались,
Иные отыскали пруд пустынный
И в чистых водах весело плескались,
На берегу оставили наряды
И прелести свои являли взглядам.

66

Ступив на брег, герои-мореходы,
Что по земле недвижной стосковались,
Красотами причудливой природы
С восторгом неподдельным упивались.
Они, задумав выйти на охоту,
Уже к лесам тенистым приближались,
Не зная, что готовит в упоенье
Венера им иные наслажденья.

67

Одни, желая уложить оленя,
Направились гурьбой к окрестной чаще
И вскоре в небывалом нетерпенье
Сокрылись средь деревьев близлежащих.
Другие же, ища отдохновенье
В тени глубокой от лучей палящих,
Приблизились к красавцу водопаду,
Чтоб у прозрачных струй найти прохладу.

68

Но тут внезапно средь ветвей далеких
Роскошные наряды замелькали.
В шелках тончайших нимфы-недотроги
Пред славными героями предстали.
Небесною красой в мгновенье ока
Скитальцев всех они очаровали.
Казалось, розы в царственном величье
Принять решили юных дев обличье.

69

И закричал Велозу в изумленье:
"Друзья, какая странная охота!
Вступили мы невольно в лес священный.
Он дан богиням, как в былые годы.
О, сколько тайн с упорством неизменным
От нас скрывает гордая природа,
Но человечий дух, святой и смелый,
В дерзаниях не ведает предела.

70

Догоним незнакомок и узнаем,
Взаправду ль нам богини повстречались".
И, времени благого не теряя,
Герои в рощи дальние помчались.
А девы, от восторга замирая,
Разгневанными долго притворялись,
Прочь от мужей отважных устремились,
Но скрыться средь дерев не торопились.

71

Их кудри развевал проказник-ветер
И, легкими одеждами играя,
Являл героям красоты приметы,
В их душах жар желаний разжигая.
Одна из нимф, Венеры чтя заветы,
Упала на песок, изнемогая,
И юноша, что за девицей гнался,
У ног ее немедля оказался.

72

Другие девы в поисках прохлады
В воде прозрачной тело омывали,
Но вдруг нагим красавицам наядам
Потомки Луза гордые предстали.
И девушки, забыв свои наряды,
В заветные дубравы побежали,
От цепких рук красу свою спасая,
Но дерзостным очам ее являя.

73

Иные, как стыдливая Диана,
Тела нагие под водой скрывали,

Иные, ложным страхом обуянны,
На берег за нарядами бежали.
А юноши к красавицам желанным
В одежде по воде прохладной мчали,
Огонь желаний потушить стремились
Средь вод, где нимфы нежные резвились.

74

Охотничья собака так, бывает,
Когда хозяин выйдет на охоту,
В воде свою добычу поджидает,
К подбитой утке мчится по болоту
И раненую птицу настигает,
И так, Киприде сладостной в угоду,
Младой влюбленный в воду устремился
И счастья вожделенного добился.

75

А Леонарду, воин вдохновенный,
Красивый, обходительный и статный,
В любви, увы, несчастный неизменно,
Ее не знавший силы благодатной,
Вмиг позабыл былой любви мученья
При виде дев столь нежных и приятных,
Решив, что Рок за прошлые несчастья
Пошлет ему в награду радость страсти.

76

Погнался он за сладостной Эфирой,
Во всем своих подруг превосходящей,
Нетленную красу земного мира,
Как чудный дар богов, в себе таящей.

Устав, сказал он ей, любви кумиру:
"О милый призрак, в дебри уходящий,
Помедли! Коль душой ты завладела,
Бери себе и страждущее тело.

77

Устали мы от бега. Почему же
Меня врагом заклятым ты считаешь
И, истомив измученную душу,
Смеясь, в лесные дебри убегаешь?
Коль жизнь свою я вспомню, обнаружу,
Что ты меня не первая терзаешь,
Со мной всегда кручина неразлучна,
Страдание и страсть всегда созвучны.

78

Не надо убегать тебе, благая,
Не суждено мне, видно, быть счастливым.
Коль даже ты придешь ко мне, я знаю,
Все сокрушит мой Рок несправедливый.
Так подожди, красавица младая,
Я не нарушу твой покой стыдливый,
И скажешь ты, томясь под сенью леса:
"Tra la spica e la man quai muro he messo" {*}.

{* Какая стена воздвигнута между колосом и рукой (ит.).}
79

Не убегай! Вот так пускай и время
На красоту твою не посягает
И, раз тебя возвысив перед всеми,
Уж боле от тебя не убегает.
Меня же снова ждет несчастий бремя,

И кто свою судьбу переиграет?
Когда Фортуна суд вершит державный,
Ей все равно, где царь, где раб бесславный.

80

А ты мои печали умножаешь
И к сильному стремишься на подмогу.
В союз с Фортуной злобной ты вступаешь,
Душе наносишь раны одинокой...
Да что... мою ты душу умыкаешь
В своих златых кудрях, о недотрога.
Но ты, владея скорбною душою,
Быть может, дашь ей счастие земное?

81

Влачусь я за тобой в надежде тщетной,
Что кончит мне светить звезда печали,
Что ты с улыбкой кроткой и приветной
Возьмешь меня с собой в лесные дали.
Тогда бы мы в дубраве заповедной
Великого Амура прославляли.
Пусть он тебя пронзит своей стрелою
И даст любовь и счастье нам с тобою".

82

И нимфа бег замедлила невольно,
И жалобам столь горестным внимала,
И взгляд, уже нестрогий и довольный,
Все чаще к Леонарду обращала,
В дубраве затененной и привольной
Она на грудь влюбленному упала,
Вся ласковой улыбкою светясь,

Любовь и счастье обрести стремясь.

83

О, сладкий вкус голодных поцелуев
И робкий плач, и нежный и печальный,
И ласки, что, развеяв злую бурю,
Вмиг обуздали гнев первоначальный.
И утром, и поздней, в жару дневную,
Венеры службу все несли похвально,
Глупец способен страсти осуждать,
А умный страсть стремится испытать.

84

Возлюбленных героев величая,
Гирлянды нимфы резвые сплетали
И, с гордой розой лавры сочетая,
Потомков Луза щедро увенчали.
Затем, к своим супругам припадая,
Обет любви и верности им дали,
Сказав, что жизнь и смерть,
несчастья, беды
Не властны над любви святой обетом.

85

Царица вод, пред чьей волшебной силой
Сонм нереид в покорности склонялся,
Немедля к капитану подступила,
И он ее красою любовался.
И сразу столь радушия явила,
Что ей воитель славный удивлялся.
По-царски флотоводца принимала

И почести герою воздавала.

86

И возвестила гордая богиня,
Что, подчиняясь самодержцу Року,
Она, отринув прежнюю гордыню,
Нашла к отважным рыцарям дорогу,
Желая мира им явить святыни,
Почить гостей пророчеством высоким,
Земную сферу тайн ее лишив,
Пред Гамой сушу и моря открыв.

87

И об руку с могучим капитаном
Взошла на холм божественный Фетида.
В чертог нерукотворный, богоданный
Его ввела, забыв свои обиды.
Там, в царстве ласки, в неге столь
желанной,
Средь мягких тканей, золотом расшитых,
Любви они с восторгом предавались
И страстию взаимной упивались.

88

Содружество героев дерзновенных
И юных дам, веселых и прелестных,
Утехам предаваясь вдохновенно,
Вкусило отдых радостный и честный.
Ведь всякий подвиг гордый, незабвенный,
И всякий труд, достойный и чудесный,
Наградой мир подлунный наделяет

И славою заслуженной венчает.

89

Да, нежные подруги - нереиды,
Волшебный остров, дивные чертоги,
Могучая и властная Фетида
И к счастию ведущие дороги
Награда за страданья и обиды,
Терзавшие подчас героев строгих,
И лавры, что воителей венчают,
Суть почести, что храбрых ожидают.

90

Бессмертие, что славные герои
С высот Олимпа звездных получали,
Когда на крыльях Фамы чередою
В небесные чертоги воз летали,
За то, что добродетели тропою,
Тернистою и трудною, ступали
И не щадили сил своих и жизни
Для славы и могущества отчизны,

91

Награда от потомков восхищенных,
Что повести о подвигах внимали
И предков, от земных людей рожденных,
В наивности своей обожествляли.
Ведь Феб и Марс, в боях непревзойденный,
Квирин, пред коим римляне дрожали,
Паллада, мудрой слывшая извечно,
Суть плоть от слабой плоти человечьей.

92

Но Фама, гимны подвигам трубя,
Их нарекла бессмертными богами,
И люди, гордых предков воз любя,
Им угождали перед алтарями.
И вы, кто, жаждой подвига горя,
Быть славен хочет добрыми делами,
От праздности постыдной пробудитесь
И на стезю отцов своих вернитесь.

93

Но избегайте алчности презренной,
Что превращает мудрецов в тиранов,
Гордыни беспощадной и надменной,
Что души иссушает неустанно,
Блеск почестей, для многих вожделенных,
Не может счастья принести титанам,
И лучше благ желанных не иметь,
Чем без заслуг повсюду преуспеть.

94

Давайте миру добрые законы
И бедняков невинных защитите
Иль, веру возвышая неуклонно,
Презренных сарацинов разгромите.
Надежною опорой будьте трону,
Отечеству любимому служите,
Тогда придут к вам почести и слава,
Достойные героев величавых.

95

И, всюду прославляя короля,
Ему советы честные давая,
Его врагов бестрепетно разя,
Его державу грудью защищая,
Тем самым вы прославите себя,
Могучих предков славу затмевая.
И знайте: непременно, в свой черед
К вам остров наслаждений подплывет.

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

1

Уж светлый воздыхатель Корониды
Коней к Теночтитлану направлял,
Чтоб там, где в чаще озеро сокрыто,
Немного охладить палящий жар,
А вольный ветер, мощный и сердитый,
Вершины волн неистовых вздымал,
И пробуждал он лилии в долинах,
И к жизни возвращал цветы жасмина,

2

Когда младые нимфы чередою,
Смотря на мир влюбленными очами,
В чертог вошли, довольные собою
И об руку с могучими мужами,
И вдоль столов, уставленных едою,
Любимой прихотливыми богами,
Ликуя и смеясь, располагались
И пищею в согласье наслаждались.

3

И на скамьях хрустальных восседали
Попарно и воители и дамы.
Веселое застолье возглавляли
Прекрасная Фетида с мудрым Гамой.
Там лакомства такие подавали,
О коих и не слыхивала Фама,
Ей и в Египте не пришлось увидеть

Тех яств, что океан принес Фетиде.

4

Прославленные вина из Фалерна,
Что были древним римлянами усладой,
В сравненье проиграли бы безмерно
С Фетиды угощением богатым.
Ее напитков пламень сокровенный
Сердца наполнил нежною отрадой.
В бокалах влага пенная вскипала,
Всем радость и веселье даровала.

5

Речам приятным, шуткам остроумным
Младые нимфы радостно смеялись
И с резвостью веселой и бездумной
Беседам и застолью предавались.
Но вдруг замолк красавиц говор шумный,
И сразу звуки музыки раздались.
И голос обольстительной сирены
Петь начал гимн героям вдохновенный.

6

И голос нимфы, нежный и прекрасный,
Как звон хрустальный, наполнял чертоги,
А музыка в своем звучанье ясном
За песнопеньем следовала строго.
Волшебных струн услышав звук согласный,
Умолкли звери в зарослях далеких,
Утихли ветры, усмирив свой пыл
По воле дивных и небесных сил.

7

И к небу сладкой песней возлетали
Пророчества о новых поколеньях,
Что пред Протеем дерзостным предстали
В его непостижимых сновиденьях
И в глобусе прозрачном замелькали,
Прославленном Юпитера творенье.
А старец, златоуст велеречивый,
Открыл их нимфе, юной и красивой.

8

Величье дел, открытых нимфе юной,
Не охватить благому Демодоку,
И Иопада сладостные струны
Затихли бы в молчании глубоком.
Что ж я, назло безжалостной фортуне,
Всех муз к себе скликаю на подмогу,
Взываю к Каллиопе в нетерпенье,
Моля открыть мне тайны вдохновенья.

9

Идут, идут безжалостные годы,
И мрачный Стикс уже не за горами.
И скоро осень волею природы
Меня охватит сильными руками.
Царица муз! Великому народу,
Известному бессмертными делами,
Дай гимн сложить, пока река забвенья
Творца не поглотила песнопенья.

10

Сказала дева, что по океану,
Что Гамой был открыт высокочтимым,
С армадами прибудут лузитане,
На суше и средь волн непобедимы.
А варвары, тоскою обуянны,
Увидят, что судьбой неумолимой
Им выбор дан меж гибелью жестокой
Иль игом чужестранцев темнооких.

11

Поведала о малабарце верном,
Что, сан духовный свято соблюдая,
Дружине Луза будет друг примерный,
Свой край угрозе страшной подвергая.
А Саморин, по злобе непомерной
Его поля и города терзая,
На них обрушит яростную кару,
Предав их разграбленью и пожару.

12

Но тут Пашеку, доблестный воитель,
Что станет впрямь Ахиллом Лузитанским,
Придет к брегам Востока как спаситель
По водам непокорным океанским,
Когда племен далеких покоритель,
Краса и честь державы христианской,
Взойдет на борт ладьи, застонет море
Под тяжестью отважного героя.

13

Воззри: вблизи восточных берегов
Он Кочина владыке помогает,

И наступленье вражеских полков
Лишь с горсткой португальцев отбивает,
И в Камбалоне, дерзок и суров,
Наиров нечестивых побеждает.
И в изумленье зрит Восток спесивый
Столь малых сил незыблемую силу.

14

Вновь Саморин зовет своих вассалов,
Весь Биджапур приходит и Танор
Принять участье в битве небывалой
И разрешить с пришельцем гордый спор.
И вновь за копья, стрелы и кинжалы
Берутся Каликут и Кананор.
На битву мавры морем поспешают,
По берегу индийцы выступают.

15

Но содрогнутся мерзостные орды
От страшного, могучего удара,
На суше и на море дланью твердой
Язычников сразит Пашеку ярый.
И тщетно Саморин, в пыли простертый,
Твердить слова молитвы станет с жаром.
Немые истуканы будут глухи
Ко всем его моленьям, пеньям, мукам.

16

Пашеку, словно сокол легкокрылый,
То здесь, то там появится нежданно.
Он в двух местах свои расставит силы,
Победы добиваясь долгожданной.

Предаст огню он храмы, села, нивы,
На горе супостатам окаянным,
Недорого ценя чужие грады
И в славе жаждя обрести награду.

17

Сам Саморин прибудет к месту боя,
Чтоб вдохновить губительные орды,
Но им ли славных сокрушить героев,
От Бога наделенных силой твердой!
Раздастся залп. И хлынет кровь рекою
В носилки, где король воссядет гордый.
Ни яд, ни стрелы не возьмут Пашеку.
Он будет славен до скончанья века.

18

Семь раз могучий варвар в озлобленье
Войска свои пошлет на племя Луза.
Но тем, кто с детства знал огонь сражений,
Не будет подвиг воинский в обузу.
Когда, жестокой битвы в довершенье,
Огромный брандер с раскаленным грузом
Помчится к португальским каравеллам,
Их от огня спасет воитель смелый.

19

Пройдут по морю огненные горы,
Спалить армаду Лузову желая,
Но их развеет в прах Перейра скоро,
Искусством полководческим блистая.
Представ пред Фамы восхищенным взором,
Он превзойдет героев всех, я знаю,

Чьи подвиги и в Греции и в Риме
С деяньями Пашеку несравнимы.

20

Ведь выиграть подобные сраженья
Всего лишь с сотней воинов отважных
И столько псов предать уничтоженью,
Придумать столько хитростей опасных
Возможно лишь для тех, с кем Провиденье
В союз вступило прочный и прекрасный,
Кому оно отвагу придает
И силу, ловкость и сноровку шлет.

21

Ни тот, кто средь равнины марафонской
С несметным войском Дария сражался,
Ни славный вождь дружин лакедемонских,
Что в Фермопилах стойко защищался,
Ни юный Кохл, краса племен авзонских,
Что от этрусков ярых отбивался,
Ни мудрый Фабий - не смогли б вовеки
Затмить Пашеку гордого успехи.

22

Но мудрой нимфы голос сладкозвучный
Стал тихим и исполненным страданья,
Когда о муках, с славой неразлучных,
Пришлось ей начинать повествованье.
"О Велизарий, воин злополучный,
Под старость собиравший подаянье,
Могу сказать тебе я в утешенье:

Не ты один изведал униженья.

23

Вот человек, тебе величьем равный,
Так нимфа всеблагая возгласила,
Отважный, мудрый, доблестный
и славный,
Лишенный званий, почестей и силы.
О, сколько их, униженных, бесправных,
Обиженных, несчастных и унылых
В убогих лазаретах умирает
И к королям безжалостным взывает!

24

Так короли позорно поступают,
Когда, льстецам бессовестным внимая,
Улиссов хитроумных возвышают,
Бесхитростных Аяксов унижая,
И проходимцев лаврами венчают,
Законы и приличья попирая,
Презрев отвагу, разум, честь и славу
И суд верша бесчестный и неправый.

25

Король несправедливый и коварный!
Хоть ты вассала милости лишаешь,
Но сам, о властелин неблагодарный,
По милости Пашеку процветаешь.
Покамест Феб в сиянье лучезарном
Подлунный мир с улыбкой освещает,
Греметь героя не устанет слава,

Ты ж как скупец прославишься по праву.

26

Но, - пела нимфа, - доблестный
правитель,
В высокий сан монархом возведенный,
И сын его, бестрепетный воитель,
Отвагой древних римлян наделенный,
Морей Востока гордый покоритель,
Грядут к брегам чужим и раскаленным.
И Килоа вдвоем они карают,
И короля-тирана изгоняют.

27

Затем Момбасу, город несравненный,
Украшенный богатыми домами,
Предаст Алмейда мстительный сожженью,
И красоту дворцов охватит пламя.
А Лоурейсу, отрок незабвенный,
Прославленный великими делами,
Свой подвиг совершит в индийских водах,
За честь сражаясь Лузова народа.

28

Могучую армаду Саморина
Разрушат в клочья ядра огневые,
Помчатся над кипящею пучиной
Кормила, мачты, паруса былые.
А юноша, как воин дней старинных,
Презрит, смеясь, опасности земные,
На абордаж взяв флагман горделивый

И сотни мавров полонив кичливых.

29

Но волею святого Провиденья
(Которая для нас непостижима)
В Чауле, в бурном пламени сраженья,
Простится отрок с жизнию любимой.
Застонет море в горьком озлобленье,
Взовьются волны, залпами гонимы,
Египет и Камбей объединятся,
Разгромом португальцев насладятся.

30

Атаки кораблей неисчислимых,
Отсутствие ветров благоприятных,
Неистовство валов неутомимых
Флот обрекут на гибель безвозвратно.
Герои прежних лет в строю незримом
Придут, чтоб подвиг зреть невероятный
Второго Сцевы, что, презрев все раны,
За честь отчизны биться будет рьяно.

31

Бедро герою пулей раздробило.
Но он, исполнясь силой боевою,
Покамест сердце доблестное живо,
Бесстрашно бьется с вражеской ордою.
Но вот другая пуля разделила
Младое тело с гордою душою.
И так, покинув тесную темницу,
На волю, к небесам благим стремится.

32

Отыди с миром, дух непобежденный,
Спеши теперь вкусить отдохновенье,
Ведь сам отец, печалью удрученный,
За сына своего готовит мщенье.
Я слышу грохот пушек разъяренных
И василисков злобное пыхтенье,
Летящих пуль пронзительные звуки,
Пред коими трепещут мамелюки.

33

С огнем в груди и с горькими слезами
В очах, тоской о сыне истомленных,
Грядет отец, чтоб ненависти пламя
На недругов обрушить обреченных.
И, гневом благородным подстрекаем,
Так отомстит врагам он беззаконным,
Что волны Нила в страхе встрепенутся,
А Ганг и Инд в рыданьях содрогнутся.

34

Как грузный бык, что, в битву собираясь,
Рога о дуб самозабвенно точит,
Пред гордым древом силой похваляясь,
От ярости к сопернику клокочет,
Так и Франсишку, гневом распаляясь,
Сперва Дабул предать позору хочет,
Камбейцев дланью сильною карая
И спесь с врагов заносчивых сбивая,

35

Потом у Диу, что давно известен
Осадами и битвами своими,
Он в бегство обращает флот чудесный,
Что послан мусульманами был злыми.
А Мелик-Яс, ислама сын бесчестный,
Громами побежденный роковыми,
Узрев лихие молнии Вулкана,
Навеки сгинет в недрах океана.

36

А Мир-Хусейн увидит в тяжкой муке,
Как горы трупов примет глубь морская,
Как по волнам отрубленные руки
Плывут, тела навеки покидая.
Услышит плача жалобные звуки,
Узрит, как пламя, воды обнимая,
Все поглотит. Огонь и меч всесильный
Пожнут в той битве урожай обильный.

37

Но ах, когда великий победитель
Направит бег к отчизне отдаленной,
То случай - гордой славы похититель
Терзать героя будет неуклонно.
Гроза Египта, Индии властитель
Почиет, на чужбине погребенный.
У мыса Бурь приют найдет навечно
Он волею судьбы бесчеловечной.

38

То дикари нагие сотворят,
Что ратоборцам было не под силу.

И палками простыми сокрушат
Того, кого праща всегда щадила.
И сим невольно Божий суд свершат,
Отверзнут двери сумрачной могилы.
То, что зовут иные злой судьбою,
Есть Провиденье Божие Святое.

39

Но, - возгласила нежная сирена,
Я вижу, море кровью набухает
И Кунья, флотоводец дерзновенный,
Пожару Браву с Ожей подвергает.
Извечно дальний брег страны полдневной
Бессмертного героя вспоминает.
В чужих морях затеряны и ныне
Те острова, что Куньи носят имя.

40

И в отблеске зарницы негасимой
Грядет в Ормуз с отборными войсками
По морю Албукерк непобедимый,
На дерзких персиан обрушив пламя,
И мнится, Божий херувим незримо
Простер покров над вашими полками.
И обратил на персов оробелых
В час роковой их собственные стрелы.

41

И не спасут и горы соляные
От разложенья трупы супостатов,
И Албукерка залпы громовые
Под небом раздадутся Калайата,

Бахрейна перлы, светом налитые,
Как дань пришлет герою край богатый.
И склонит выю гордый перс под игом,
Покорствуя лузиадам великим.

42

Я вижу ветви трепетные пальмы,
Которыми Виктория венчает
Того, кто у брегов чужих и дальних
Великий Гоа дерзко покоряет!
Но, дней приход предчувствуя печальных,
Он остров вожделенный оставляет,
Пообещав, что вскорости вернется,
С Фортуной да и с Марсом разочтется.

43

И вот уже опять на стогнах града
Его войска индийцам угрожают.
Презрев все копья, стрелы и засады,
Язычников и мавров усмиряют
Так яростно, что в гневе беспощадном
Голодным львам они не уступают,
И славят день страдалицы невинной,
Принявшей тяжкий крест Екатерины.

44

И ты, Малакка, что средь вод Авроры
В довольстве изобильном пребываешь,
Забудешь о своем величье скоро
И новых повелителей признаешь.
Напрасно ныне стрел каленых горы
Ты ядом сокрушительным питаешь.

Малайцы и яванцы во кручине
Склонятся перед Лузовой дружиной".

45

Хвалу и славу долго воздавала
Воителю красавица сирена,
Но даже и она не умолчала
О ярости властителя безмерной.
Ведь тот, кого Виктория венчала,
Кто доблестью отмечен несомненной,
Сподвижникам быть должен
верным другом
И врачевать обязан их недуги.

46

"Когда нужда и тяжкие лишенья
Солдат, видавших виды, угнетают
И стрелы смерти, угрожая мщеньем,
Над воинами храбрыми витают,
Лишь злые души с небывалым рвеньем
На казнь своих собратьев отправляют
За сладкий грех, присущий нам извечно,
Безвестный лишь глупцам бесчеловечным.

47

Когда б еще над девой непорочной
Свершил насилье португал злосчастный
Иль от семейных уз, святых и прочных,
Он даме предложил бежать прекрасной,
Увы, но нет... всех бед его источник
В рабыне заключался сладострастной.
Хоть слава Албукерка осеняет,

Ее пятно позора омрачает.

48

Когда влюбился Апеллес в Кампаспу,
Великий Александр по доброй воле
Расстался с чаровницею прекрасной,
Чтоб не томился живописец боле.
Когда ж Арасп, потерянный, несчастный,
Признался Киру, что, себе на горе,
Пантеею пленился он прелестной,
Пред ним блиставшей красотой
небесной,

49

Суровый перс, почтив любви законы,
Легко простил отважного героя,
И долго тот служил опорой трону,
Хранителем земли родной покоя.
И Болдуин, любовью распаленный,
Увел Юдиту дерзостной рукою,
Но Карл, ему прощение даруя,
За дочерью дал Фландрию благую".

50

Но, к песне вдохновенной возвращаясь,
Суареша волшебница почтила,
Пред коим, горьким страхом проникаясь,
Аравия взор робкий опустила.
Его Зейла, слезами заливаясь,
О милосердье горестно молила,
Пред ним Медина гнусная дрожала,

К его стопам Бербера припадала.

51

"И славную корицей Тапробану,
Что в зарослях душистых утопает,
Дань приносить корой благоуханной
Дружина Луза быстро заставляет.
В Коломбо, граде, Богом Лузу данном,
Свой стяг Суареш властный водружает,
На башне реет флаг непобедимый,
От бед небесным промыслом хранимый.

52

Но, рассекая волны Эритреи,
Уже Секейра гордый поспешает
Туда, где, в рощах пальмовых пестрея,
Земля царицы Савской пребывает.
Массауа, противиться не смея,
Водой героя властного снабжает,
И к островам плывет он отдаленным,
Познать земные тайны устремленный.

53

Затем Менезеш, в африканском зное
Прославивший свою навеки шпагу,
Придет на смену гордому герою,
На дерзостный Ормуз нагонит страху.
Потом, великий Гама, пред тобою
Восток склонится, чтя твою отвагу.
Ты, в графский сан монархом возведенный,
Прибудешь в край, тобою обретенный.

54

Но смерть с неумолимостью фатальной
И к королю, как к нищему, стучится,
И день придет, наступит час печальный,
И ты смежишь усталые зеницы.
Другой Менезеш, рыцарь идеальный
И в доблести не знающий границы,
Продолжит труд великий и достойный
И будет править мудро и спокойно.

55

Не только малабарцев непокорных
Он в битве близ Кулета одолеет
Он вступит в бой, тяжелый и упорный,
С тем злом, что над людской
душой довлеет,
И семь грехов, презренных и позорных,
Младой правитель обуздать сумеет,
И честною и праведною жизнью
Навек прославит гордую отчизну.

56

Когда же к звездам отойдет правитель,
Ты, Машкареньяш, доблестный и славный,
Увидишь, как коварный похититель
Твой сан захватит дерзко, своенравно.
Но ты, высокой мудрости носитель,
Индийских вод хозяин полноправный,
За все страданья от судьбы суровой
Венок получишь наконец лавровый.

57

Ты покоришь могучею рукою
Бинтон, свою Малакку защищая,
И с горсткой португальцев удалою
Дружины супостатов покараешь.
Конец положишь гнусному разбою,
Навеки нечестивцев обуздаешь,
Пред славным португальским гарнизоном
Бессильны копья, стрелы, бастионы.

58

Но алчность, честолюбие, порок,
Отринув честь и стыд, открыв забрало,
Тебя, забыв, что миром правит Бог,
Подвергнут униженьям небывалым.
Но пусть для них трубит победный рог,
Печалиться героям не пристало.
Лишь тот, кто справедливость почитает,
Победу неподдельную стяжает.

59

Сампайу тоже, я не отрицаю,
Отвагой будет славен несравненной,
И, Малабар заносчивый карая,
Он в Баканор ворвется дерзновенно,
Там, супостатам мощь свою являя,
Круша своих врагов иноплеменных,
Он, обойдя ловушки и преграды,
Потопит каликутскую армаду.

60

А флот другой Сампайу незабвенный
Чаул покинуть горестный заставит,

А юноша, воитель вдохновенный,
Флот Гуджарата к праотцам отправит.
Повсюду славен доблестью военной,
Собой второго Гектора он явит,
Не менее, чем богатырь троянский,
Известен будет Гектор лузитанский.

61

А за Сампайу грозным власть возьмет
Отважный Кунья, доблестный правитель,
Он в Чале чудо-крепость возведет,
Создаст для Марса гордого обитель.
И Басаин могучий в свой черед
Поставит на колени победитель,
Смерть принеся Меликовой дружине,
Мечом разрушив мощные твердыни.

62

За ним грядет Норонья, чью отвагу
Недаром славный Диу вспоминает,
Чью верную и доблестную шпагу
Кровь дерзостных румийцев обагряет.
Но вот твой отпрыск, Индии на благо,
Погибшего Норонью заменяет.
Багрянец волн утратит Эритрея,
От страха неизбывного бледнея.

63

Бразды правленья сын твой передаст
Могучему и славному герою,
Который всю Бразилию потряс
Упорством и отвагой боевою.

И галльских он пиратов много раз
Обуздывал железною рукою,
И в Индии близ моря-океана
На стогны первым вступит он Дамана.

64

Король Камбея, войн страшась
губительных
С могучим повелителем моголов,
Отдаст свой Диу, форт оборонительный,
Дружине Луза, к подвигам готовой.
И будет защищать неукоснительно
Она камбейцев от врагов суровых.
А также Саморина обуздает
И славу вожделенную стяжает.

65

Возьмут потомки Луза Репелин,
Царя и войско в бегство обращая,
Когда ж на них восстанет Саморин,
Героев уничтожить угрожая,
Те разобьют у мыса Кумари
Армаду - гордость варварского края,
Которая б могла, даю вам слово,
Весь Божий мир смести с лица земного.

66

И, устрашая грады и селенья,
Предавшись рьяно Марсовым забавам,
Могучий властелин без промедленья
Очистит от врагов свою державу.
Он в Батикале, в пламени сраженья,

Все сокрушит налево и направо,
И будет долго сотрясать громами,
И град заполнит мертвыми телами.

67

А звать его Мартин: в нем даже имя
Для нас деянья Марса воскрешает.
Заслугами известен боевыми,
Он с мудростью отвагу сочетает.
Гляди: стяг Луза, славную святыню,
Из рук его сам Каштру принимает.
И в Диу, что Мартин воздвигнет славный,
Он примет бой, жестокий и неравный.

68

Румийцы, персиане, абиссины
Двунадесять великих языков,
Пылая к Лузу злобою старинной,
Мощь испытают доблестных полков.
Но плач врагов, предавшихся кручине,
Прорежет скоро гущу облаков,
Пусть не клянутся португальской кровью
Смочить усы, подвитые с любовью.

69

Из пушек, катапульт и василисков
Враги лихие крепость обстреляют,
Но, не страшась опасности и риска,
Неверных дети Луза обуздают,
Увидит Машкареньяш: помощь близко,
Уже к твердыне Каштру поспешают,
Готовые отдать младые жизни

Во славу Бога и святой отчизны.

70

Фернанду, отпрыск доблестного древа,
Похищен будет племенем могучим.
В обломках стен, от дыма почернелых,
Взлетит отважный воин к мрачным тучам.
И Алвару по водам охладелым
Пройдет, у смерти вырвав неминучей,
Бесстрашно сокрушая все преграды,
Потомков Луза славные отряды.

71

Собрав остатки Лузовой дружины,
Отец готовит за сынов отмщенье.
Он победит врагов своих злочинных,
Их не числом сражая, а уменьем.
Ворвутся дети Луза в форт старинный
И Диу принесут освобожденье.
Они такие совершат деянья,
Что стих их передать не в состоянье.

72

Затем начнет он бой, по воле Бога,
С могучим повелителем Камбея
И, толпы устрашив четвероногих,
Он быстро разобьет врага-злодея.
И скоро Идальхана каре строгой
Подвергнет наш герой, в огне развеяв
Красу и славу гордого Дабула,
Ища забвенье в боевом разгуле.

73

И этих удивительных героев,
Потомков Марса дерзких и отважных,
Ждет этот остров счастья и покоя,
Обитель нимф веселых и прекрасных.
Орлы слетятся стаей удалою
И стяг свой к небу вознесут бесстрашно.
А здесь, среди красот нерукотворных,
Язык узнают страсти благотворной".

74

Вот так сирена пела, а другие
Ей хором одобренье выражали.
Весельем бурным девы молодые
Союз с потомством Луза заключали.
"Внемлите нам, герои дорогие,
Так мореходам дамы обещали,
Всех вознесет вас колесо Фортуны,
Даря вам славу средь долин подлунной".

75

Когда ж нектаром гости насладились
И о грядущих подвигах узнали,
К амброзии душистой приобщились
И застарелый голод свой уняли,
Глаза Фетиды к Гаме устремились,
Они приязнь и строгость излучали.
Богиня Гаме славному сказала
Все, что от смертных до поры скрывала.

76

"К тебе Премудрость Высшая снисходит,
Увидит твой неумудренный взгляд
Те тайны сокровенные природы,
Что небеса от мудрецов таят.
С тобой, сын славный Лузова народа,
Вершину мы узрим, приют дриад".
Они в лесную чащу устремились
И вскоре близ вершины очутились.

77

Они взошли на горную вершину
И луг на ней волшебный увидали.
Алмазы, изумруды и рубины
Тот луг своим сияньем озаряли.
Но вдруг разверзлись воздуха глубины,
И всколыхнулись трепетные дали
Прозрачный глобус средь небес явился
И чудотворным блеском заискрился.

78

Субстанции божественной названье,
Прозрачный шар снаружи покрывавшей,
Герой не знал, предавшись созерцанью
Вращенья сфер, тот глобус составлявших.
Чудесный шар, веленьем Божьей длани,
Был центром их, таинственно блиставшим.
То вниз спешил, то в вышину взмывал он,
Он не имел конца, не знал начала.

79

Прекрасный, суверенный, совершенный,
Как Архетип, что Землю сотворил,

Он воссиял пред Гамою смятенным,
И тот к Фетиде очи устремил.
Рекла богиня: "К тайне сокровенной
Тебя Небесный Разум допустил,
И я, исполнив волю высшей силы,
Здесь мир тебе уменьшенный явила.

80

Предстала пред тобой машина мира,
Что Мудростью высокой и бескрайней
Из вечных элементов и эфира
Был сотворен с красой необычайной.
А Мудрость, что наш глобус окружила,
Над ним всегда довлея с силой тайной,
Есть Бог, а что есть Бог - никто не знает,
Пред ним наш робкий разум умолкает.

81

И первая орбита, что в сиянье
Вращение объемлет меньших сфер,
Что огненным, неистовым сверканьем
Возводит зренью и уму предел
То Эмпирей, блаженных пребыванье,
Высоких душ божественный удел.
Они там счастье вечное вкушают,
Какого в мире суетном не знают.

82

И только в Эмпирее благодатном
Еще остались истинные боги.
Ведь я, Сатурн и Марс - воитель
знатный,

Седой Юпитер - громовержец строгий
Лишь вымысел дней давних, невозвратных.
И только в небе есть для нас чертоги.
В честь нас поэты звезды нарекают
И нами стих извечно украшают.

83

Известно, что Святое Провиденье
(А здесь его Юпитер представляет)
Земному миру все свои веленья
Посредством славных духов сообщает
(Об этом нам священное ученье
Через пророков древних возвещает:
Благие духи смертных возвышают,
А злые - души слабые смущают).

84

От песнопевцев сладостных признанье
Когда-то эти духи получили
И ангелов небесных с любованьем
Богами в древнем мире объявили.
Поэты с небывалым ликованьем
Священные стихи им посвятили.
И злых, случалось, духов в заблужденье
Богами называли с ярым рвеньем.

85

Лишь Бог, в своих деяниях чудесных,
Царит над миром, мне повелевая
Тебя к святыне приобщить небесной,
Покров с заветной тайны совлекая.
Под сферой Эмпирея легковесный

Таится Перводвигатель; такая
Его движенью скорость придается,
Что мнится - он недвижным остается.

86

И от него берут свое движенье
Все прочие сверкающие сферы.
И Солнца диск в рассчитанном вращенье
Сменяет день и ночь в земных пределах.
А ниже свод кристальный весь в свеченье,
И в быстроте он соблюдает меру.
За двести оборотов Аполлона
Один лишь шаг свершает принужденно.

87

А ниже свод недвижных звезд сияет
И, в радужном сверканье утопая,
Вселенную собою украшает,
Лучами негасимыми играя.
Ты видишь, яркий пояс обрамляет
Движенье Солнца, средь небес мерцая.
В себя вместил двенадцать он престолов,
Что Феба ожидают золотого.

88

Гляди же на Каррету с Цинозурой,
Чей блеск ночное небо украшает.
За ними Орион простерся хмурый,
К Цефею Андромеда припадает.
Дракон мерцает из-за туч понурых,
Кассиопея красотой сияет.
И песнь слагает Лебедь перед смертью,

И Псы несутся в звездной круговерти.

89

Под сферой звезд Сатурн неумолимый,
Великий, древний бог расположился,
За ним Юпитер мчит неустрашимый,
А дале Марс-воитель разместился.
Небесный глаз огнем неугасимым
Над нежною Венерой засветился,
Меркурий мчит за ней, оратор рьяный,
А ниже всех - трехликая Диана.

90

Те сферы, что мы ныне созерцаем,
По-разному вершат свое вращенье,
Иные мчатся, ход свой убыстряя,
Идут иные тихо и степенно,
От центра удалятся, убегая,
И вновь к Земле стремят свое движенье.
Так миру повелел Отец великий,
Огня, снегов и воздуха владыка.

91

А на Земле, в средине мирозданья,
Сокрыта человечества обитель,
Вкусив на суше горькие страданья,
Штурмует море человек-воитель.
Чтоб выполнить былые обещанья,
Тебе, стихии бурной покоритель,
Я царства и народы покажу,
О вере их и нравах расскажу.

92

Ты видишь христианскую Европу,
Что земли все Земли твоей бескрайней
Величьем, знаньем, красотой особой
Давно уж превзошла необычайно.
Вот Африки нехоженые тропы,
Враждебный мыс и брег, чужой и дальний,
Неисчислимы дикие народы,
Что вскормлены свирепою природой.

93

Беномотапы черную империю
Ты видишь, край страданий и сражений.
Гонсалу, сокрушая суеверия,
Здесь встретит смерть и тяжкие глумленья.
На юге, гор неведомых в преддверии,
Родится злато смертным на мученья.
Вот озеро - Нил мощный и глубокий,
А с ним Куама - там берут истоки.

94

Там хижины возводят без дверей,
Соседям доверяя и закону,
И негры там живут - черней грачей,
Не то чтобы к пришельцам благосклонны.
Ты видишь, Няйа, воин-чудодей,
В своей Софале держит оборону,
От черных полчищ крепость защищает
И африканцев в бегство обращает.

95

Взгляни: перед тобою воды Нила,
Что орошают знойные долины,
Где, не боясь свирепых крокодилов,
Извечно обитают абиссины.
Христова вера сей народ сплотила,
Он - славный воин: если враг старинный
Ему грозит - не в крепость он влечется,
А в чистом поле с супостатом бьется.

96

И здесь, в краю глухом и отдаленном,
Криштован твой на турок ополчится.
На смерть судьбой суровой обреченный,
Твой сын с младою жизнию простится.
Взгляни на этот берег закругленный:
Малинди, что пришельцев не страшится,
Собою побережье украшает
И всех гостей с радушием встречает.

97

Ты видишь мыс, что ране назывался
По воле наших предков Ароматой.
То Гвардафуй, он искони считался
Меж Азией и Африкой преградой.
У горла моря Красного поднялся
Сей мыс, близ вод, что пурпуром богаты.
И города встают в земле пустынь:
Массауа, Аркико, Суакин.

98

Суэц, своим могуществом известный,
К себе твой взгляд безмолвно призывает.

В былых владеньях Арсинои нежной
Флот грозного Египта пребывает.
Еще поныне лоно вод окрестных
О Моисее память сохраняет.
О том, как лоно вод неодолимых
Разверзлось перед племенем гонимым.

99

Ты зришь Синай, что дорог христианам
Гробницею святой Екатерины,
И Джидду, что от жажды непрестанной
Томится, поглощая зной пустыни,
Пролив, что освежает жаркий Аден,
Сухие, каменистые долины.
Целебный дождь те земли избегает,
А солнце почву в камень обращает.

100

Пред нами чередою бесконечной
Просторы трех Аравии замелькали.
Отсель дружинам боевым извечно
Коней чистопородных поставляли.
Кочевники с терпеньем безупречным
Им ярость и усердье прививали.
А если вниз ты взгляд свой обратишь,
То мыс Фартак близ моря ты узришь.

101

Из городов Аравии счастливой
Везут по миру чудо-ароматы.
А видишь, как над берегом залива
Эль-Хадд скалой возносится зубчатой?

А вот Ормуз, огромный и спесивый,
Где сокрушит турецкую армаду
Каштелу Бранку, беспримерный воин,
Магометан разбивший недостойных.

102

Мыс Мосандон пред нами открывает
К богатствам древней Персии дорогу.
Ты видишь ли Бахрейн, что утопает
В сиянье перлов, радостном и строгом?
Их цвет Авроры нежной покрывает,
Прекрасной, беззаботной, легконогой.
Смотри: с Евфратом Тигр соединился
И к славному заливу устремился.

103

Гляди теперь на Персию благую.
Там пушек храбрецы не уважают.
И воины, затеяв сечу злую,
Противника мечами побеждают.
Там чтут повсюду славу боевую
И от мечей мозоли не скрывают.
И снова предстает Ормуз пред нами,
Что будет славен громкими делами.

104

И Соуза, что доблестью военной
В земле известен станет отдаленной,
С отрядом небольшим, но дерзновенным
Здесь одолеет персов легионы.
Затем Менезеш, воин несравненный,
Обрушится на персов обреченных,

И силою искусного удара
Одержит верх над недругом он ярым.

105

Но мы оставим знойные пустыни
И с мыса Джаска (ранее Карпелы)
Стремительный полет направим ныне
Туда, куда судьба нам повелела.
Минуем мы Кермании равнины,
Чтоб увидать, как с гор струится смело
Прекрасный Инд и как с иных вершин
Стекает Ганг - могучий исполин.

106

Пред нами Кач; волною сокрушительной
Встает вода полуденного моря,
И входит в устье рек она стремительно
И вверх несется, жителям на горе.
А вот Камбея берег восхитительный.
Богатством и красой друг с другом споря,
Здесь города в довольстве процветают
И вашего прибытья поджидают.

107

Индийский берег, славный и желанный,
Что тянется от мыса Кумари,
До жаркой, отдаленной Тапробаны
И древних Гат незыблемых вершин,
Пройдут бесстрашно вои-лузитане,
Сюда явившись по стопам твоим.
И, предков чтя военные заветы,

Одержат всюду славные победы.

108

Племен немало разных поселилось
За старыми индийскими горами.
В одних магометанство утвердилось,
В других, взяв власть над робкими умами,
Язычество издревле сохранилось.
В Нарсинге, за далекими морями,
Почил Фома, апостол богоданный,
Что вкладывал персты в Христовы раны.

109

Там, в городе богатом Малипуре,
В те дни вдали от моря отстоявшем,
Не испытавшем океанской бури
И идолов старинных почитавшем,
Фома явился, бледный и понурый
И от пути бескрайнего уставший.
Он обходил неведомые страны,
Христовым словом исцеляя раны.

110

Он мертвых воскрешал молитвой дивной,
Он исцелял недуги и болезни,
Людей от мук врачуя неизбывных,
Он страждущим старался быть полезным.
Подвижник испытаньям непрерывным
Подвергнут был по воле сил небесных.
Вдруг ствол огромный у брегов пустынных
Извергли океанские глубины.

111

Правитель Малипура неустанно
Строительством в ту пору занимался.
Послав слонов на берег океана,
Он тщетно древесины дожидался.
Усилиям животных-великанов
Древесный исполин не поддавался.
Но тут Фома, на брег придя с канатом,
Набросил вмиг его на ствол заклятый.

112

С молитвою он принялся за дело
И, Божье милосердье призывая,
Извлек из вод подарок моря смело,
Величие Христово утверждая.
В сердца брахманов, в гневе закоснелых,
Закралась зависть мелкая и злая.
Они боялись, что народ смиренный
Примкнуть к Фоме решится непременно.

113

И сам верховный жрец, желаньем мести
И наущеньем близких распаленный,
Забыв устои совести и чести,
Встал на стезю деяний беззаконных,
Сей старец, кровожадностью известный,
Апостола гонитель исступленный,
Свершил убийство, чтобы без сомненья
Все на Фому направить подозренья.

114

Убил родного сына жрец надменный,
К Фоме объятый ненавистью страшной.
И толпы лжесвидетелей презренных
Святого очернили громогласно.
И смертный приговор ему мгновенно
Был вынесен от недругов ужасных.
А он перед лицом царя и знати
Содеял чудо, Божьей веры ради.

115

Он воскресил бесчувственное тело
И вопросил индийца молодого,
Чья длань его повергла в те пределы,
Отколь нельзя в наш мир явиться снова.
И юноша, возвысив голос смело,
Отца нарек убийцею родного.
И, полный неподдельным восхищеньем,
Твердил Фоме слова благодаренья.

116

То чудо всех индийцев поразило.
Крестился тут же царь благочестивый.
И многие, увидев Божью силу,
За ним примкнули к вере справедливой.
Тогда брахманов ненависть сплотила.
К Фоме пылая злобою ревнивой,
Они страдальца умертвить решили
И темную толпу к тому склонили.

117

Фома услышал яростные крики,
Когда он проповедовал народу.

Он знал уже от Господа-владыки,
Что скоро оборвутся жизни годы.
Он не страшился супостатов диких,
Презрев земные муки и невзгоды.
Фому сперва каменьями побили,
А после грудь ему копьем пронзили.

118

И Ганг, и Инд, слезами обливаясь,
Тебя, Фома, оплакали с любовью.
А христиане, по тебе терзаясь,
Предались долгой, неизбывной скорби.
Но херувимы с пеньем, улыбаясь,
Тебя к престолу вознесли Христову.
Теперь молись ты за лузиад верных,
Несущих бремя тягот непомерных.

119

Вы ж, кто себя бесчестно выдает
За Господа посланцев, как Фома,
Скажите: почему вошла в почет
Средь вас от веры отступлений тьма?
Коль соль земли уж пресной предстает,
То где же слабым смертным взять ума?
Какою солью ересь нам приправить
И души чем заблудшие исправить?

120

Но кончим этот разговор опасный
И к берегам вернемся вожделенным.
Вот здесь, где Малинур стоит злосчастный,
Залив уходит вправо постепенно.

Минуем мы Нарсинги край прекрасный
И над Ориссой пролетим мгновенно.
Узрим, как Ганг, могучий и бурливый,
Впадает в море в глубине залива.

121

Индийцы перед смертию стремятся
Себя омыть в воде его священной,
Надеясь, что грехи им все простятся
За это омовенье непременно.
Вот Читтагонг: в дворцах его таятся
Сокровищ груды редких и бесценных.
Но брег Бенгальский к югу отступает
И нас к иным просторам приглашает.

122

Пегу мы видим; здесь во время оно
Взросло потомство гнусного союза.
И женщину, в насмешку всем законам,
С презренным псом связали страсти узы.
Ты видишь ли мужчин неугомонных?
Им звонкий бубенец тяжелым грузом
Здесь вешают на орган размноженья
Во избежанье мерзких искушений.

123

Тавой ты видишь. Он дает начало
Империи Сиама необъятной.
Она во всей красе тебе предстала,
Над морем разместившись благодатным.
Она далеким странам поставляла
Еще издревле перец ароматный.

А вот торговлей славная Малакка,
Куда купцы всегда спешат без страха.

124

И говорят, что волны океана
Суматру от Малакки отделили.
А ране, блеском злата осиянны,
Они друг с другом неразрывны были.
Когда-то Херсонесом богоданным
Их люди с любованьем окрестили,
Малакку мнили многие Офиром,
Что золотом манил к себе полмира.

125

Теперь, минуя берег Сингапура,
По узкому проливу мы промчимся,
На свет пойдем вначале Цинозуры,
Затем к Авроре нежной устремимся.
Уйдем от туч насупленных и хмурых
И на Сиам великий подивимся.
Узрим Менам, текущий из Китая,
Из озера огромного Ченгмая.

126

В земле, где протекают эти воды,
Живут в согласье, мире и покое
Лаосцы, авы - сыновья природы,
Поля и горы заселив собою.
Есть в том краю и дикие народы.
Их кормят людоедство и разбои.
В печах они железо раскаляют

И грудь татуировкой украшают.

127

Смотри: Меконг потоком полноводным
Через поля Камбоджи протекает,
Теченье рек бурливых и свободных
Он с жадностью великой поглощает.
Народ сих мест, простой и беззаботный,
Животных самых разных почитает,
Считая, что их всех за их деянья
За гробом ждет немедля воздаянье.

128

Омоет это тихое теченье
Злосчастные, но сладостные песни,
Познавшие все тяготы крушенья,
Позор и глад, немилость сил небесных,
Бесчестных приговоров исполненье.
Над тем, чьей лиры звучной и чудесной
Капризная удача не касалась,
Хоть слава этой лиры не чуралась.

129

А видишь ли просторы Кохинхины?
Здесь насладимся мы благоуханьем
Алоэ, ароматной древесины,
И поспешим к сокровищам Хайнаня.
Узрим красу империи старинной,
Что знает злого холода дыханье,
Что пояс ей полночный посылает,
И зной, что тропик Рака окружает.

130

Взор обрати к стене ты необъятной,
Что две державы мощных разделяет.
Власть короля она с красой отрадной
Его смиренным подданным являет.
Закон здесь утвердился благодатный.
Тут сам народ владыку избирает
Из праведников мудрых иль героев,
Известных всюду славой боевою.

131

Еще от глаз твоих во мгле неясной
Таится стран загадочных немало.
Но мы вернемся к островам прекрасным,
Туда, где рдеет луч денницы алой.
Здесь волею природы полновластной
Краса земли рассветной просияла,
И серебром, блестящим столь чудесно,
Нам издавна Япония известна.

132

Как много островов в морях Востока
Предстанет перед нашими очами!
Вот на Тернате от вершин далеких
Опять исходит яростное пламя.
А вот гвоздики заросли высокой,
И стаи птиц парят меж облаками,
Их только смерть на землю возвращает
И рая их небесного лишает.

133

А видишь острова, что в море Банда
Покоятся средь алого цветенья
Ореха - птиц веселых провианта
Что окружен их щебетом и пеньем?
А на Борнео, острове-гиганте,
С дерев струится сладких слез теченье.
То камфора. И острову по праву
Она дарит заслуженную славу.

134

Ты зришь Тимор, что издавна известен
Благоуханной красотой сандала.
А дале Зонд, таинственный, чудесный,
Чей юг неведом путникам бывалым.
И, говорят, средь скал его отвесных
Волшебная река берет начало:
Коль дерево в ту речку упадет,
То в камень превратится среди вод.

135

А на Суматре вяжущим потоком
Смола стволы деревьев омывает
И ароматом сильным и глубоким
Дыханье дивной Мирры заглушает.
Вулкан огромный пламенем жестоким
Пестреющим долинам угрожает.
Сей остров, мягким шелком знаменит,
В глубоких недрах золото таит.

136

Теперь смотри, как к небесам Цейлона
Возносится могучая вершина.

Огромный след ноги на мрачном склоне
Святыней здесь считают беспричинно,
В Мальдивском море, дальнем,
раскаленном,
Чудесный плод взрастает средь пучины.
Он силу яда сразу разрушает
И многих обреченных исцеляет.

137

Ты зришь Сокотру: горькому алоэ
Обязан остров славой несказанной,
И здесь в соседстве с Африкой благою,
Немало островов есть богоданных.
И масса ароматная грядою
Покоится у берегов песчаных.
А там земля Лаврентия благая,
Ее Мадагаскаром называют.

138

Но только земли дальнего Востока
Открыли вы для мира в добрый час,
Но Луза сын, обманутый жестоко
И королем обиженный не раз,
Уйдет к просторам запада далеким
И там навеки возвеличит вас.
Флот проведет неведомым проливом,
Со славой породнившись справедливо.

139

Меж полюсами севера и юга
Простерся край великий и богатый.
Кастилия, земли твоей подруга,

Отыщет скоро здесь запасы злата.
Ярмом могучим, тягостно и туго,
Здесь будут выи грубые зажаты
Племен неисчислимых темнокожих,
Что друг на друга нравом не похожи.

140

Но там, где расширяется земля,
Что ныне под Кастильей пребывает,
И твоего благого короля
Его надел по праву ожидает.
То Санта-Круж, где, пурпуром горя,
На солнце чудо-дерево сияет.
А у границ владений этих новых
Пройдет с армадой Магеллан суровый.

141

Когда, пройдя экватор светозарный,
Он дальше будет плыть на юг туманный,
Пред ним, на полпути ко льдам полярным,
Предстанет племя смуглых великанов.
И засияет весь в лучах янтарных
Пролив, что примет имя Магеллана,
Из моря в море путь он открывает
И португальца славою венчает.

142

Что ж, Лузова дружина боевая!
Теперь ты знаешь, что твоей тропою,
Отчизну и монарха прославляя,
Исполнены отвагой удалою,
Пройдут герои новые, желая

В своих сравняться подвигах с тобою.
Поэтому, подав немедля руки
Своим прекрасным, радостным
супругам,

143

Везите их к отчизне благодатной,
Пока спокойным пребывает море,
Покуда дует ветр благоприятный,
Покуда волны с кораблем не спорят".
Любви покинув остров безвозвратно,
В морские дали обращая взоры,
Герои вышли в путь по океану,
О Родине мечтая долгожданной.

144

И веял ветер, легкий, шаловливый,
Армаду на волнах слегка качая,
И вот из глубины морских заливов
Открылась Португалия благая.
И радовался Тежу горделивый,
Своих сынов в объятья принимая,
Их ждал король, ведь Гамы корабли
Ему немало титулов везли.

145

Умолкни, муза! Звонкой лиры струны
Бесчувственность всеобщая сгубила.
Мой голос, бывший ласковым и юным,
Теперь охрип, и в сердце боль вступила.
Кого мне петь среди долин подлунной,
Средь душ глухих и грубых,

мне постылых?
Отечество скорбит под властью скверны,
Стяжательством отравлено безмерным.

146

В наш жалкий век, увы! По воле Рока
Талант и скромность боле не в почете.
Никто искусств не почитает строгих,
Не дарит их любовью и заботой.
А вы, король, властитель наш от Бога,
Вы, солнца дар пленительной природы,
Взгляните: есть у вас еще вассалы,
Средь коих добродетель воссияла.

147

К героям гордым взор свой устремите,
Что, туров нам и львов напоминая,
Страну родную не дадут в обиду,
Удары грозных мавров отбивая.
Что служат вам от пуль и стрел защитой,
И, мощь державы вашей создавая,
Идут они на голод, на лишенья,
На бой, на злую смерть
в морских крушеньях.

148

И ради вас на все они готовы.
Внимая вашей прихоти малейшей,
Герои примут с радостью оковы,
Промчатся над пучиною зловещей.
И если надо - с демоном суровым
Они начнут губительную сечу.

И я не сомневаюсь, что победой
Навек упрочат славу наших дедов.

149

К себе приблизьте гордых вы героев,
Во всем им окажите поощренье,
Тех, кто увенчан славой боевою,
В совет введите свой без промедленья.
Гордясь их мощью, силой молодою,
Почаще к ним являйте снисхожденье.
Пускай они стране родной на благо
Употребят свой опыт и отвагу.

150

Всех, кто отчизне может быть полезным,
Как мудрый благодетель, привечайте.
Тех, кто молитву к высям шлет небесным,
К престолу, не колеблясь, приближайте.
Но пастырей, что господу любезны,
От наглых лицемеров отличайте:
Одни радеют о судьбе народа,
Другим лишь о богатстве вся забота.

151

Тем окажите милость вы и ласку,
Кто, сердце в славных битвах закаляя,
В чужие земли рвется без опаски,
Мечом владенья ваши умножая,
Кто совершает подвиги, как в сказке,
Святую веру всюду утверждая,
И кто войдет в горнило испытаний,

О Родине радея постоянно.

152

Смотрите, государь, чтоб на посылках
У англичан, германцев или галлов,
У итальянцев иль кастильцев пылких
Европа португальцев не видала.
Пускай на нас взирают без ухмылки.
А вы совета у людей бывалых
Просите чаще: самый светлый разум
Пред опытом смириться может сразу.

153

Когда-то Формион самовлюбленный
Надумал рассуждать пред Ганнибалом
О воинских приемах и законах
И этим насмешил его немало.
Вам, государь, мужей своих ученых
Расспрашивать о битвах не пристало.
Коль впрямь вы полководцем стать хотите,
То сами в бой полки свои ведите.

154

Но что же я, убогий и безвестный,
К вам ныне дерзкий голос обращаю?
Наукой увлекался я чудесной,
Благих искусств законы почитаю,
И опыт жизни горестной и честной
Вам, государь мой, ныне предлагаю,
Не каждый под родными небесами
Отмечен столь высокими дарами.

155

Коль надо, сжав булат в руке привычной,
Я вам пойду служить на поле брани
Иль в песнях сладкозвучных, необычных
Увековечу славные деянья.
Я, возлюбя отчизну безгранично,
От вас надеюсь получить признанье.
И если небо в час святой и чудный
Вас вдохновит на подвиг многотрудный,

156

Чтоб вы, подобно яростной Медузе,
Нагнали страх на гордого Атланта
И, появясь в полях близ Ампелузы,
Поколебали б стены Таруданта,
Я призову свою благую музу,
Чтоб вас воспеть с искусством и талантом.
Раз Александр в вас новый воскресает,
Пусть зависти к Ахиллу он не знает.

x x x

Надежды я лишен, но если вдруг
Амур, меня преследующий яро,
Мне даст, за день до нового удара,
Миг радости в оплату прежних мук,
Чего б он ни сулил, такой недуг
Мне душу истерзал, что от кошмара
Уже не пробудиться ей, и дара
Я не приму из вероломных, рук.
Минуты счастья, пусть и скоротечной,
Не испытав в плену любовных уз,
Я прожил жизнь в печали бесконечной,
И до того был тяжек этот груз,

Что радость мной утрачена навечно
И к радости утрачен всякий вкус.